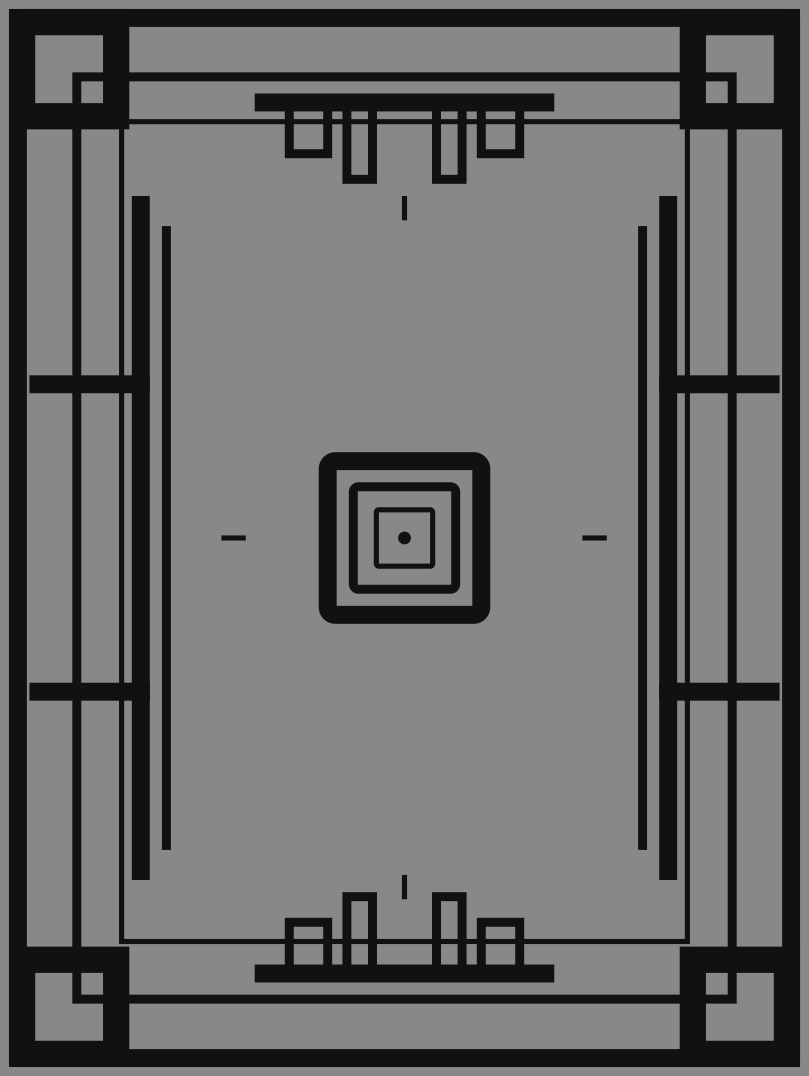

Угасающее солнце: Кутат
Кэролайн Дж. Черри

Аннотация
Кэролайн Дж. Черри. УГАСАЮЩЕЕ СОЛНЦЕ: КУТАТ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

Аннотация

Кутат — древний и умирающий мир. Много веков назад его лучшие сыновья и дочери отправились к звездам, чтобы служить наемниками в войнах чужестранцев. Оставшиеся в живых люди мри ведомы последней жрицей-королевой Мелеин, чье имя — Мать Народа, хранительница Тайн, Святыни. При ней — последний воин Ньюн. У народа мри остался последний оплот — планета-пустыня, над которой зависли военные корабли землян и их союзников по договору — регулов. Много народу погибло с обеих сторон за время войны, которая должна вскоре завершиться.

© *ozor*

Кэролайн Дж. Черри
УГАСАЮЩЕЕ СОЛНЦЕ: КУТАТ

1

В эфире был настоящий хаос: Галей наблюдал его, слышал его, в ушах постоянно звучали команды, предупреждения, инструкции, указания. Он держался поблизости от огромного военного корабля «Сабер», который был длиной почти в километр. Возле «Сабера» находилось два корабля поменьше. Галей видел их на своем экране. Изображение передавал ему «Сабер». Одна точка на экране был челнок самого Галея — таким его видели приборы «Сабера», — вторая точка — «Сантьяго» и третья красная точка — это корабль регульцев «Шируг».

Кроме того, Галей видел скопление маленьких красных точек — челноки регульцев. Ситуация была довольно серьезная и Галей не отрывал глаз от экрана, поминутно оценивая информацию.

Труп одного убитого регульца — последнего бая Чарн Алань-ни — был доставлен на корабль регульцев для проведения погребальных церемоний.

Чарн — союзник людей, так как между людьми и регульцами существует договор. Согласно это-

му договору военные корабли людей и регульцев оказались вместе над пустынным миром, последним оплотом мри. В присутствии регульцев у Галея всегда начинало чесаться тело. Но он не мог сказать об этом — ведь он был на службе, а регульцы — союзники людей.

Мри внешне были похожи на людей. Правда, Галей не знал, может они в корне отличаются внутренне — Галей ненавидел мри. Он был с Хавенера — планеты, которая была уничтожена во время войн с мри. Родители, братья, сестры — все исчезли в вихре, поднятом войной и никогда больше не появятся. Это было очень давно. Галей с тех пор участвовал во многих сражениях с мри, убивал их, но это не могло ослабить горечь потери. Он потерял всех родственников и теперь даже не знал, жив ли кто-нибудь из них или нет. Он не был дома, когда это случилось и после всего уже много лет домом ему стала служба.

Мри были такими же, как и он, только солдаты, воины в своих черных мантиях и вуалях. Ничего личного. Галей видел мри. Кровь застывала в жилах, когда он стоял рядом с человеком в черной мантии и смотрел в лицо, на котором были видны только глаза — остальное скрывала вуаль. Но несмотря ни на что, люди могли понять мри.

Регульцы… регульцы покупали корабли, оружие, самих мри и поддерживали войну. Войну, которая приносила им прибыль. Они купили сорок лет непрерывной войны. Деньги. Галей с отвращением произнес это слово. Политика. Деньги на столе. Великий народ — регульцы. Они сидели и толстели в безопасности, они платили, принимали решения и посылали своих наемников мри на войну. Люди и мри убивали друг друга, а старые мудрые регульцы, для которых сорок лет всего лишь миг в их долгой жизни — они поддерживали пламя войны до тех пор, пока это было им выгодно. И вот пришел момент, когда регульцы перешли на сторону людей, предав своих наемников и обрушив на них смертельный удар без всякого предупреждения. Такова плата за верную службу мри регульцам, последняя плата. Простое изменение политического курса. Регульцы знали, когда им выгодно это сделать. И, по правде говоря, люди вздохнули с облегчением, когда узнали, что мри больше нет, что кто-то другой нажал на спусковой крючок. И вот регульцы пришли сюда по следам двух последних выживших мри, служивших ранее им. Пришли к этой планете, где был последний дом мри. Регульцы сумели перехватить предложение

мира, посланное мри людям с Кутата, и обрушили на беззащитную планету смертельный удар, на планету, где жили только женщины и дети, обрушили его раньше, чем люди успели осознать сложившуюся ситуацию. Почти все мри были убиты. Остатки умирающих городов стерты с лица планеты. Немногие оставшиеся в живых мри были вынуждены прятаться на своей последней планете Кутат.

Что-то сдавило Галею горло, когда он думал об этом. Все это слишком напоминало трагедию его родной планеты. Мри сейчас погибают такой же слепой беспомощной смертью, как и его родные. После стольких лет, прошедших с момента той трагедии, кошмары с новой силой накинулись на Галея. Никакой борьбы, только бомбежка с орбиты. Нет кораблей. Люди вооружены только пистолетами и ножами против космических рейдеров… Все погибают и выхода никакого нет. Он ощутил, как его челнок слегка изменил орбиту. Совсем немного, но поправку следовало внести. Пот стекал с его лба. Хватит воспоминаний, нужно сосредоточиться на управлении. Впрочем, особых причин для беспокойства не было. Глаза его невольно смотрели на поверхность умирающего Кутата. Ему было не по себе. Впервые в

жизни привидения, видения далекого прошлого обступили его со всех сторон так тесно. Они прямо-таки дышали ему в затылок.

— Оглянись, — шептали они ему. — Посмотри назад… Волосы шевелились на его голове, но он знал, что оглядываться бессмысленно, там никакого материального тела нет.

— Быстрее, — подумал он, обращаясь к кораблю, который готовился принять его на борт. Он хотел туда, скорее, как мальчик, испуганный до смерти, хочет вбежать в спасительную дверь, в тепло и свет. Такого с ним еще не бывало.

У мри было слово для этого ощущения. «Мрак», так говорят ученые. Каждый, кто путешествовал в космосе на маленьком корабле в одиночку — знал, что это такое. Каждый, за исключением регульцев, которые не могли воображать, они могли только вспоминать. Мри тоже ощущали это. Галей понимал тех, кто может ощущать это. Наконец в его ушах раздался живой человеческий голос, значит он не одинок во Вселенной. Значит, еще есть люди. Реальные, живые люди, существующие везде. И это помогло ему вернуть свою реальность. Ощущали ли они это те, два мри, которые в отчаянии бежали домой? Последние мри! Их мир теперь умирал. Старый мир

под старым солнцем. И даже те жалкие остатки, которые еще были на планете, остатки жизни, регульцы отказывались сохранить. Неужели у этих двух мри стремление вырваться из Мрака, вернуться домой и умереть тут, оказалось сильнее жажды жизни?

Галей вздрогнул, когда увидел на экране цепочку огней. «Шируг». Корабль регульцев заслонил ему солнце.

— НАС-12, причаливай, — сказал голос. — Челнок НАС-12, «Сабер» готов принять тебя.

Галей включил двигатель, стараясь сдержать искушение набрать полную скорость, чтобы скорее приблизиться к кораблю.

— Твой приоритет, НАС-12.

Он начал приближаться к кораблю. Сердце билось все сильнее и сильнее. Руки двигались, вводя маленький челнок в причальный люк. Он очень старался не торопиться.

* * *

— Сэр, — послышалось в динамике, — лейтенант-командор Джеймс Галей.

Адмирал Кох отложил папки с делами и нажал кнопку интеркома в знак согласия принять. На втором экране он видел командный центр: капи-

тан Захади и командор Сильвермен с «Сантьяго». Они обсуждали нынешнее положение на планете. Однако к какому бы решению они не пришли, окончательное решение принимал Кох. Политика начиналась в его кабинете. Прибыл Галей, человек с волосами цвета соломы и лицом, на котором уже начали появляться морщины. Галей явно был обеспокоен. Впрочем, так и должен был чувствовать себя человек, которого неожиданно вызвали к самому адмиралу. Глаза Галея мельком посмотрели в тот угол, где недавно был убит высокопоставленный регулец. Кох не упустил этого взгляда.

— Сэр? — сказал Галей.

— Высадка Дункана на планету прошла успешно?

— Да, сэр. Никаких затруднений.

— Ты вызвался на этот полет добровольно. Лицо Галея было непроницаемым. Разве что в глазах мелькнуло что-то. Но в основном, он ничем не выдал себя.

— Садись, — сказал Кох. — Успокойся. Галей огляделся вокруг и нашел всего лишь одно кресло, куда можно было сесть. Он опустился на самый краешек. Пот все еще покрывал его лицо. Волнение. А может просто перемена температуры.

Кох ждал. Галей наконец успокоился, устроился поудобнее, нашел место для рук. Он знал, что здесь, в этом кабинете происходят падения и возвышения людей.

— Почему, — продолжал Кох, — человек пришел в этот кабинет в одежде мри, потребовал прекращения огня, затем выстрелил и убил высокопоставленного регульца — нашего союзника. Служба безопасности высказала мнение, что он стал полностью мри, и внешне, и внутренне. Научный департамент согласился с этим мнением. Ты давно знаком с ним, не правда ли? Почему ты вызвался высадить его на планету? Хотел поговорить с ним? Что-то узнать? Что именно?

— Я работал с ним однажды. А кроме того, я руководил посадкой «Флауэра», так что условия на планете мне известны.

— И другим тоже?

— Да, сэр.

— Ты работал с ним на Кесрите?

— Да, сэр. По одному заданию.

— Хорошо его знаешь?

— Нет, сэр. Никто его не знает близко. Он офицер Сюр-Так.

Оперативники Сюр-Так всегда были в отдалении от остальных военных. Специфическая

подготовка, специфические обязанности, специфическая работа, абсолютная независимость делали невозможным простое общение с ними. Кох покачал головой, нахмурился. Он подумал, достаточное ли это объяснение для Стэна Дункана. Губер Ставрос на Кесрите очень доверял Дункану. Настолько доверял, что даже поручил ему двух пленных мри и их навигационные карты. И вот теперь эти мри здесь, в своем родном мире. А Дункан, установивший контакт с мри — первый из людей сумевший это сделать — был отправлен с предложением мира…

Но при этом он застрелил бая Чарна, командора «Шируга», занимавшего самый высокий пост среди военных регульцев. Поэтому все планы рухнули…

— Я выполнил приговор, — сказал Дункан. — Регульцы знают, кто я. Они не будут удивлены. Я знаю. Теперь я могу дать вам мир с Кутата. Самоуверенность мри. Дункан отказался даже на некоторое время снять вуаль, закрывающую его лицо.

— Ты работал с ним, — повторил Кох, пристально глядя на Галея. — Ты имел возможность перекинулся с ним парой слов на пути на Кутат. Каковы твои впечатления? Ты понял его, разо-

брался в нем?

— Да, — ответил Галей. — Он был таким же, как и на Кесрите. Впрочем, нет, что-то в нем было такое…

— Но ты думал, что знаешь его. Ты был с ним на Кесрите, добывал навигационные карты мри из их святилища… У вас были неприятности с регульцами на обратном пути. Так?

— Да, сэр.

— Ты ненавидишь регульцев?

— Не испытываю любви к ним, сэр.

— Ненавидишь мри?

— Тоже не испытываю любви.

— А что насчет Дункана?

— Он мой друг, сэр. Кох медленно кивнул:

— Ты знаешь, что мы подсунули ему трассер?

— Я не думаю, что он долго будет работать.

— Ты предупредил его?

— Нет, сэр. Но он не хочет, чтобы люди нашли мри по его следам. Я не думаю, что он позволит, чтобы это случилось.

— Может быть. Но, может быть, мри не хотят, чтобы он говорил от их имени. Может быть, он сказал мне правду, а может и нет. Возможно, у мри есть на этой планете оружие, которое опасно для нас.

— Не знаю, сэр.

— Ты был на планете. Как там сейчас?

— Там нет полей, нет жизни, нет кораблей, нет даже времени. Только руины. Умирающий мир, опустошенные города, машины, все еще с механической бесстрастностью преобразующие энергию солнца для жизни… и сами мри…

— Камни и песок, — как сказал тогда Дункан, — дюны и равнины. Мри там будет нелегко отыскать.

«Если это правда, — подумал Кох, — если… у них нет кораблей, в их городах только машинная жизнь…»

— Ты думаешь, что для нас они не представляют опасности?

— Не знаю, сэр. В груди Коха появился холодок. Он всегда был с ним. Он рос, по мере того, как Кох со своей флотилией двигался по следу мри, оставляя за собой уничтоженные, мертвые миры. Мри были наемниками регульцев, пока регульцы не предали их и не обратили свое оружие против них же.

— Я выполнил приговор, — оказал тогда Дункан, одетый в одежду мри, с сердцем мри, — регульцы знают, кто я.

— Бая Чарна, — сказал Кох, — отправили на его

корабль. Теперь здесь нет высокопоставленного регульца. Остались только молодые. Они, конечно, могут управлять кораблем, но никто из них не сможет принять решение. Так что теперь все перешло в наши руки. Мы будем иметь дело с мри, если Дункан сможет уговорить госпожу вести с нами переговоры. Но если мы неправильно поймем их, ошибемся, то второй такой возможности не будет. Если мы попадем здесь в западню, если мы здесь погибнем… то весь человеческий мир узнает нашествие мри снова. Команда понимает это?

— Да, сэр, — хрипло сказал Галей. — Конечно, мы не знаем о регульцах, но остальное всем ясно.

— Ты понимаешь, что мы не можем сделать ошибки в оценке событий? Ты понимаешь, что мы не можем ошибиться в этой ситуации? Ты не должен скрывать то, что узнал от Дункана. Ты же понимаешь, насколько высоки ставки и какая ужасная ошибка может быть совершена?

— Да, сэр.

— Я посылаю «Флауэр» и научный персонал на планету. Доктор Луиз и Боаз — его друзья. Он будет говорить с ними, доверять им, конечно, насколько он теперь доверяет людям. Но мне

может понадобиться еще кто-то. Я хочу иметь замену офицеру Сюр-Так для работы на планете, — он смотрел прямо в лицо Галея и ждал и видел, что тот начинает понимать. — Наши возможности ограничены. Я знаю, что ты — хороший специалист в своем деле. Но здесь нужно другое искусство. Это планета, там необходимо ощущение сущности событий. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Сэр…

— Ты пока будешь в резерве, готовиться. Мы сохраним наши возможности открытыми. Может все прояснится после контакта с мри. Если же нет… Я хочу, чтобы ты был готов и все время под рукой, когда Дункан войдет с нами в контакт. Ясно?

— Да, сэр.

— Пока ты получишь доступ ко всем материалам, какие сочтешь нужными. — Кох подумал немного, поджав губы. — Дункану понадобится несколько дней для того, чтобы отыскать мри. Скажем, дней десять — одиннадцать. Это предел. Ясно? Мозг Коха работал безостановочно. Он должен был предусмотреть все возможности.

* * *

Отдельный кабинет. Это уже положение. На двери карточка: «Лейтенант-командор Джеймс Р. Галей». Ключ щелкнул в замке. Галей вошел, включил свет. Стул, стены, стол, компьютерная приставка, терминал. Он сел за стол, поерзал на незнакомом стуле, включил обращение к библиотеке.

— Подобрать отряд из трех человек для работы на планете. Подобрать также резервную тройку.

Он откинулся на спинку стула. Затем взял себя в руки, стал просматривать список личного состава. Перспектива выбрать людей для выполнения опасного задания не радовала его. Чем дольше он смотрел на список, тем больше понимал, какая сложная задача встала перед ним. Теперь он отлично понимал Коха. «Сабер» не был предназначен для такого дела. Никто из людей не имел контакта с мри.

До сих пор «Сабер» и команда занимались только нападением с орбиты. Галею не очень нравилось новое задание, но его привлекало то, что он может предотвратить массовое убийство разумных существ.

«Флауэр» опустился на планету. Дни шли за

днями, но от Дункана не поступало никаких сообщений. Мри тоже не было.

Вскоре пришел ответ с «Сабера»: Первая тройка: Кэдарин, Шибо, Лейн. Резервная тройка: Гаррис, Порт, Брайт. Снова потянулись дни, заполненные изучением документов, шелестом карт, исследованием условий существования на планете. Основной особенностью климатических условий были страшные бури, иссушающие как чума, больную землю.

Галей поговорил с командой, предупредил их о возможных событиях. Существовала некоторая возможность, что «Флауэр» войдет в контакт с мри, которые предложат мир и тогда все разрешится самым лучшим образом. Но эта надежда таяла с каждым прошедшим часом.

2

Поднялся сильный ветер, который каждый вечер охлаждал страну, и Нлил поплотнее завернулся в черную мантию. Он стоял и всматривался в дюны, тяжело дыша после долгой ходьбы.

Селение было уже недалеко, достаточно перевалить за тот хребет и спуститься вниз. Местность там представляла собой каменистые террасы, уступами спускающиеся вниз, в пустые морские впадины. Члены касты сен утверждали, что со временем и эти впадины будут заполнены песками, гонимыми сильными ветрами. На планете уже совсем не осталось морей, и горы почти исчезли, превращенные в песок. Здесь, возле этой изъеденной временем и песками гряды утесов, можно было остановиться, взглянуть в само время, в бесконечность, успокоить душу. Но сейчас никто не мог взглянуть в небо, чтобы не уловить зловещее движение, ощутить чужое враждебное присутствие.

Руины Ан-Эхона находились к северу отсюда, они напоминали о той силе, которая сделала их беглецами в своем доме, ограбила их шатры,

оставив только то, что они успели захватить в то страшное утро.

Он был кел, член касты воинов, и смерть была его ремеслом. Он имел право на горе, но не испытывал горя. В той части его души, которая могла горевать, было какое-то тупое безразличие. За последнее время он видел огромное количество убитых, мертвых, наверное столько же, сколько мри ушло во Мрак за те бесчисленные годы, когда умирали моря, рассыпались горы. Будучи кел, он не вполне понимал течение событий. Будучи кел, он не умел ни читать, ни писать, он не знал мудрости сен, сидящих у ног госпожи. Он знал только, как пользоваться оружием и знал Закон кел. Это было все, что нужно для кел.

Он, конечно, пытался постигнуть происходящее. Ведь кел были кастой завуалированной, кастой, смотрящей во внешний мир. Внешний мир — это не просто соседняя местность или даже другая планета. Внешний мир — это враги, корабли, жестокая война.

Они кел, храни их боги, они кел, те, что пришли из Мрака. С ними была госпожа, ставшая матерью племени, молодая и со шрамом на лице, как у кел. Это хорошо, подумал Нлил, что у госпожи шрам. Это доказывает, что прежде чем стать

госпожой, она была кел, она владела оружием. Госпожой самого свирепого племени была Мелеин Интель. Она была не такой, как Сошиль, их старая госпожа, которая только играла с детьми и проводила больше времени с кастой кат, чем с кастой сен, у которой было больше любви, чем мудрости. Мелеин была пронзительным ветром, дыханием Мрака, а что касается ее хранителя-кел, ее воина-предводителя… Его Нлил почти ненавидел, не за гибель Ан-Эхона, которая была неизбежной, но за кел, которого он убил, чтобы занять главенствующее положение в племени. Это была эгоистическая ненависть и Нлил сопротивлялся ей. Мераи сам вызвал Ньюна Интеля на дуэль и проиграл. Проиграл потому, что Сошиль проповедовала любовь, а не ненависть, дружелюбие, а не гнев. И вот Мераи мертв. И Сошиль мертва. Из родственников Мераи осталась только сестра, а то уважение, которое Мераи завоевал в племени, теперь унаследовал чужак Ньюн. Закон кел ставил победителя на место побежденного и Нлил стал вторым после Ньюна Интеля, как был вторым после Мераи. Он сидел возле Ньюна на совете, едва вынося близость странного существа, которое было тенью Ньюна. Нлил поднял несколько камешков и бросил их на песчаный

склон дюны. Он не ошибся, так как из песка немедленно показалось щупальце, старающееся схватить предполагаемую добычу. Песчаная звезда. Он так и думал. Значит, он мог кое-что принести с охоты женщинам и детям касты кат. Звезда извивалась в песке, разбрасывая щупальца. У него не было оснований стыдиться перед племенем: пара змей, жирный дартер, звезда, таков был итог его дневных усилий. Вблизи их поселения росло трубчатое растение, так что у них не было острого недостатка воды. Звезда забилась между камней, выставив щупальца. Нлил не стал больше ее мучить. Она ушла с дороги и не представляла угрозы. Закон кел запрещал излишества.

К тому времени, как спустилось солнце, Нлил был уже у селения, и теперь стоял часовым на тропинке, ведущей в дом. Возвращались кел. Они проходили мимо, приветствуя его взмахом руки. Нлил знал их имена и отмечал каждого узлом на веревке, обмотанной вокруг пояса. Он знал каждого, несмотря на закрытые вуалями лица. Он знал их с детства — по походке, манере поведения, по росту… Но среди них пока не было никого, высшего по рангу, кто мог бы сменить его с этого поста. Поэтому он оставался здесь пока

остальные проходили в лагерь. Кел приходили группами, появлялись, как миражи в песчаной пустыне. Закутанные в черные мантии, они двигались как тени, в косых лучах заходящего солнца, окрашивающего в янтарный цвет камни и песок. Узлы заполнили одну веревку, затем другую и вот пришли все, кроме двоих. Нлил посмотрел на восток. Оттуда должна была вернуться Рас. Для беспокойства нет причин, сказал он себе. Она никогда не была беспечной. Рас Сошиль Кон-Нелан. Сестра Мераи.

И в этом Ньюн ограбил его. Когда-то они были всегда втроем — Нлил, Мераи и Рас. Это были счастливые времена. Тогда Нлил мечтал о своей карьере. Он стал искусным воином и занял достойное место среди кел, он был другом Мераи и поэтому он приблизился к Рас. Он обучал ее, охотился с нею и с Мераи, вся жизнь его проходила перед его глазами… он видел как ожесточилась она после смерти Мераи. Мать ее, Нелан, была одной из тех, кто погиб в Ан-Эхоне, и Рас ничего не говорила об этом. Рас смеялась, ходила, принимала пищу вместе с кел, но она стала не такой, какой Нлил знал ее всегда. Она ходила за Нлилом раньше, когда была ребенком, а сейчас она стала тенью Ньюна Интеля. Это был какой-то вид

сумасшествия, игра, лишенная смысла и юмора. Но все они стали немного сумасшедшими, те, кто выжил после гибели Ан-Эхона и стал служить госпоже Мелеин. Наконец вернулась Рас, в нерешительности постояла наверху, затем медленно, с трудом, поднялась на камни. Она опустилась на плоский камень возле него, руки беспомощно свисали между колен, она тяжело дышала.

— Хорошо поохотилась? — спросил он, хотя знал, какой охотой она занималась.

— Два дартера, — для нее было совсем неудачно. К тому же она проделала довольно длинный путь, что было заметно по ее тяжелому дыханию. Нлил посмотрел вдаль, на темнеющий восток, где виднелись две темные точки. Кел и сопровождающий его зверь.

— Восток, — сказала Рас, с трудом переводя дыхание. — Всегда восток, всегда один и тот же путь. Он совсем не охотился, но зверь добывал для него трофеи. Он только собирал добычу. Он ходит очень быстро, как предводитель кел.

— Рас, — предупредительно сказал он.

— Он знает, что я здесь. Нлил взял в руки камень, стал задумчиво рассматривать его. Рас отдыхала, стараясь привести в порядок дыхание.

— Рас, — сказал он наконец. — Пусть он будет.

Гнев плохой союзник. Он умрет, если ты перестанешь лелеять его.

— Ты уже перестал.

— Я второй кел

— Ты и был им, — сказала она и посмотрела на него почти с той, старой любовью. — Ты можешь занять высокое положение. Я завидую тебе.

— Я не люблю его. Она приняла это признание молча. Пальцы ее задумчиво играли знаками Чести, свисающими с ее пояса. Это она приняла из рук Ньюна после смерти Мераи.

— Мы не можем вызвать его на дуэль, — сказала она. — Закон запрещает, если это месть за Мераи. Но есть другие поводы. Только поводы.

— Перестань думать об этом.

— Он искусный воин. Если я вызову его, я умру.

— Перестань, — повторил он и сердце его сжалось.

— Ты хочешь жить, — обвинила она его и когда он стал отрицать, то спросила: — Ты знаешь, сколько поколений кел в моем роду?

— Больше, чем в моем, — горько сказал он и кровь ударила ему в лицо. Он тяжело переживал, что его род — не чистый род кел.

— Восемнадцать, — сказала она. — Восемна-

дцать поколений. Я — последняя в роду, который производил кел и господ. Все они уже мертвы и никогда не будут знать таких времен, как нынешние. Может, я не должна жить тоже, может мне уйти из этого времени? Я думаю о своем брате Мераи. Он тоже видел это, понимал это, знал, что всех нас ждет край горизонта. И я думаю… он умер, Нлил, он не стал драться с этим пришельцем. Он не стал отражать удар, который мог сразить его, и который мог легко отразить. Почему? Из страха? Это был не Мераи. И что я думаю? Я думаю, что он сам отошел в сторону, что он сам позволил убить себя. Почему? Потому что эти пришельцы сказали, что они Обещанные. Мог ли он встать у них на пути? Нлил откашлялся:

— Не спрашивай меня, о чем он думал.

— Я спрашиваю себя. Он не мог смотреть вперед. Но я вижу. Я здесь. Я его глаза. Боги, боги, он умер, зная, что впереди ждет то, чего он никогда не увидит и не поймет. Он уступил место тому, кто способен понять. И теперь этот кел будет жить передо мною…

— «Рас…» Они сидели, молча глядя на темнеющие дюны.

Появился зверь, огромное теплокровное животное, покрытое мехом. Он шел, переваливаясь с

ноги на ногу и низко опустив голову. Он как будто искал на земле что-то, но забыл, что именно. Рас с отвращением смотрела на него, когда он подошел ближе. У Нлила возникло неприятное ощущение в животе, когда он увидел могучие мышцы и острые клыки — ядовитые, как предупреждал их Ньюн. Рас выругалась, оттолкнув зверя, когда тот подошел слишком близко к ней. Зверь внушал страх Нлилу. Кутат не рождал такого зверя, этого кошмарного чудовища, полного жира и жидкости. В голодные дни Нлил даже подумывал о том, чтобы убить его, но мысль о возможности съесть теплокровное животное приводила его в ужас, вызывала тошноту. Оно напоминало ему о каннибализме. Еще один удар нового кел.

— Уходи, — сказал он Рас, и когда она замешкалась, добавил: — Уходи быстрее. Она кивнула, поднялась с камня и быстро растворилась в темноте. Зверь пошел было за ней, но потом фыркнул и вернулся. Затем он безошибочно отыскал в песке песчаную звезду и с громким хрустом съел ее. Присутствие дуса как-то гипнотизировало Нлила, притупляло все его чувства, обволакивало голову туманом.

— Нет! — громко сказал Нлил и действие гипноза кончилось. Тишина, как внезапная обна-

женность, окружила его. Маленькие блестящие глаза смотрели на Нлила.

— Иди прочь, — сказал Нлил, но зверь — дус — не двинулся с места. Нлил смотрел на приближающегося Ньюна, который выглядел очень уставшим, более уставшим, чем обычно после охоты. Нлил должен подать сигнал этому кел, чтобы тот просто шел в лагерь, что он последний. Но он не сделал этого. Он остался сидеть.

— Кто-нибудь не вернулся? — спросил Ньюн, тяжело дыша. Он говорил с сильным акцентом, так как совсем недавно выучил язык племени. До этого он говорил на халари.

— Нет, — ответил Нлил, поднимаясь. — Ты — последний. Я пойду с тобой. Дус поднялся и потерся о ноги Ньюна. Нлил предусмотрительно перешел на другую сторону.

— Ты далеко ходил, — оказал Нлил.

— Да, — ответил Ньюн, не оборачиваясь.

— И Рас тоже. Это остановило его. Ньюн повернул лицо, закрытое вуалью к Нлилу.

— Ты посылал ее?

— Нет.

— Она хочет ссоры. Это так, кел Нлил?

— Возможно. Она может просто хочет узнать, куда ты ходишь.

— И это возможно. Прошу тебя — вмешайся. Это был не тот ответ, который Нлил хотел услышать. Он положил руки на пояс так, чтобы было видно, что они далеко от оружия, что он не ищет ссоры.

— А я прошу тебя, кел, будь к ней терпим.

— Я делаю, что могу. Нлил посмотрел на него, на знакомые знаки Чести, которыми была украшена его мантия. Нлил ненавидел его. Дус прижал уши и издал зловещее рычание. Но он сразу же успокоился, когда Ньюн погладил его.

— Я мало что могу сказать Рас, — наконец проговорил Нлил. — Лучше ты поговори с ней, если хочешь. Я не могу. Кел ничего не ответил. Только повернулся и пошел вниз по песчаной тропе к лагерю. Дус трусил за ним.

— Яй! — рявкнул Ньюн и дус сразу сошел с тропы и побрел в сторону. Он никогда не заходил в лагерь. Нлил остался сзади, чувствуя себя таким же покинутым, как и дус. Он побрел за прямой фигурой Ньюна.

— Скажи часовому, что мы пришли, — повернулся к нему Ньюн. — Давай твою сумку. Я отнесу. Нлил молча снял свою сумку с плеча и передал ее Ньюну. Сам он сошел с тропы и стал подниматься к камням.

Это был разумный приказ. Если бы приказал

Мераи, то Нлил воспринял бы его как должное, а сейчас он старался погасить в себе возрастающий гнев. Может, он хочет объявить мою добычу своей? И все же он оказал ему услугу, предложив отнести тяжелую сумку. Так было всегда между ними — самые простые слова, обычные отношения между ними содержали в себе что-то скрытое. Но ни тот, ни другой не хотели вытаскивать это скрытое наружу ради спокойствия племени.

Но Рас… Рас совершала медленное самоубийство. Ее глаза постоянно смотрели на Нлила — глаза Мераи.

А ведь он всего лишь Нлил Сошиль, рожденный в касте кат — конечно, это не постыдно, но и чести большой в этом нет. В нем не было ничего особенного. У него было только искусство владения оружием и тупое подчинение Закону кел — все, что удовлетворяло Закон, было правильно. И еще никогда у него не возникало сомнений по этому поводу. Никогда, до этого времени.

* * *

Ньюн замедлил шаг, приближаясь к лагерю. Он смотрел на мри. Рас не ждала его. Интересно, где она. Хотя она и сумасшедшая, но не настолько, чтобы сидеть в темноте. Он снял обе сумки с пле-

ча и направился в тень скалы.

Это было место, которое могло предоставить ему укрытие и не только ему, но и всем мри от людей. Река, которая раньше протекала здесь, вымыла в скалах целый лабиринт пещер и переходов. Конечно, во время песчаных бурь здесь было очень плохо — весь лабиринт продувался насквозь. А поэтому старики возражали против того, чтобы обосновываться здесь. Но он настоял на своем. Мри Кесрита знали, что такое бомбежка с орбиты, но они знали и то, что враг имеет средства обнаружить их с воздуха. Поэтому только пещеры могли укрыть их от всевидящих приборов. Внутри горы находились раздельные помещения для всех каст — сен с госпожой на севере, кел — на юге, поближе ко входу, чтобы вовремя встретить врага. И в самой дальней пещере дети и их воспитатели. Это было самое укрепленное место, потому что большинство детей они потеряли в Ан-Эхоне и его руинах. Один удар сверху, только один удар и они все погибли. Ньюн очень боялся этого. Ньюн пришел в пещеру, которая служила холлом для кел. Во мраке поблескивало оружие и знаки Чести. Темные лица еле виднелись в свете костра. Один из кел, который еще не имел боевых шрамов и

чьей обязанностью было принимать трофеи от остальных кел, подошел к нему. Его звали Таз и Ньюн сбросил обе сумки в его руки.

— Моя и Нлила. Отнеси это кат. Глаза его отыскали Рас, стоявшую там среди кел, приветствовавших его. Он обвел взглядом ее, остальных и, сняв вуаль, повернулся к трем камням, символизирующим святыню. В холле пахло смолистым дымом, который заменял им благовония. Постояв немного, он прошел к костру и опустился около него. На кожаном покрывале стояла его доля еды: смесь мякоти трубчатого дерева и мяса, причем, мяса было совсем немного. Бывали дни, когда охота была неудачной и им приходилось голодать. Он ел при полном молчании остальных кел. Появился Нлил, сел рядом, взял свою долю.

Вскоре начался разговор, обсуждение мелких вопросов — обычный разговор людей, которые постоянно живут вместе. Ньюн сидел молча, глядя в огонь. Болтовня текла мимо него, не задевая его. Он не принимал участия в разговоре. Он едва знал их имена; их старые шутки, основанные на неизвестных ему событиях, не смешили его. Он был далеко отсюда, и кел знали это.

Он вспоминал, когда позволял себе это. Память возвращала его в Дом, где жили кел, его друзья.

Он вспоминал корабль. Воспоминания причиняли ему боль, и он не часто позволял себе это. Это очень мудро, подумал он, что Закон запрещает вспоминать, приказывает забывать каждое путешествие между мирами… даже приказывает забывать старый язык и старые мысли. Он ушел во Мрак и вернулся в мир, где говорят на халари, где нет прошлого. Забывать должны все, кроме сен. В этом была мудрость народа. Помнили только члены касты сен. Все остальные забывали. Им не оставалось ничего, кроме легенд.

Звуки их голосов давили на Ньюна, как тишина. Он поднял глаза, посмотрел на них, на Нлила, на нескольких выживших высокого ранга — мужей госпожи.

— Мы, — начал он и тут же воцарилась тишина. — Мы должны обсудить один вопрос. Наши припасы остались в Ан-Эхоне. И что мы должны сделать?

— Пошли нас, — воскликнул один из кел, и голоса поддержали его. — Да. День за днем мы перенесем их сюда.

— Нет, — коротко сказал он. — Это не так просто. Слушайте меня. Когда нога ступит на развалины Ан-Эхона, бог знает, что ждет там кел. Может быть, там корабли. Может, весь город про-

сматривается. И не только глазами. Может, все завалено обломками и нас могут заметить. Когда мы выйдем из укрытия. Тогда то, что обрушилось на Ан-Эхон, обрушится на нас. Нам нужны припасы. Мне больно смотреть на страдающих детей. Я согласен с вами: оставаясь здесь мы не дождемся ничего хорошего. Однако я предпочитаю, чтобы между нами и врагами оставался камень. Я думаю над тем, что надо было бы двинуться дальше.

— Не наша территория, — возразил Серас, старейший из мужей.

— Тогда мы захватим ее, — резко ответил Ньюн.

Смешение племен, смешение святынь… вода и масло. В этом не было ничего хорошего. Он смотрел на их лица и читал неодобрение, которого и ожидал.

«Ты не можешь хорошо управлять одним племенем, — думали они. — Почему ты решил, что справишься с двумя?»

— Слово госпожи? — спросил Серас. Это тоже был вызов.

— Я еще не говорил с ней. Только собираюсь.

— Поговори, — сказал Серас. Наступила тишина. Ни предложение, ни высказанное мнение. Лица, украшенные шрамами, смотрели на него,

чего-то ждали. Он подумал, не вызвать ли их на дискуссию, но понял, что ответом будет только молчание. Он поднялся, поправил мантию и пошел между ними. Все поднялись, демонстрируя свое уважение, которое должны были испытывать, но никогда не испытывали. Ньюн понимал это, как насмешку над собой. Сейчас, когда он уйдет, они будут говорить. Руководили ими Нлил и Серас. Ему они только подчиняются. Он накинул вуаль, пошел в темноте по узкой тропе, огибающей утесы. Сюда даже не проникал свет звезд. Мри воздвигли здесь горы песка, который постепенно перемещался под ветром с шипящим шепотом. Он прошел между песчаной горой и утесом, защищая лицо от сильного ветра, смешанного с песком. Хорошо, что он не привел его сегодня в холл. Неприязнь к нему кел и так слишком велика. Он обернулся назад, наполовину ожидая увидеть Рас. Ее не было. Обогнув утес, он прошел по открытому месту, где росли трубчатые деревья. Отдельные сегменты дерева были толщиной с туловище человека. Благодарение богу, что они росли здесь. По крайней мере, они не испытывают нужды в воде. Хоть в этом им повезло.

* * *

Слабый свет показался у входа в пещеру сен. Сен в золотых мантиях, сидящие у входа, подняли головы и торопливо поднялись, приветствуя первого из кел. Он прошел дальше, в освещенную лампой пещеру, где сидели старейшие, погруженные в вечернюю молитву. Ньюн снял вуаль, чтобы не оскорблять старейших и остановился. Один из сен поднялся и прошел в глубь пещеры. Вскоре он вернулся, показав жестом, что Ньюн может войти.

Он прошел по темному коридору и вошел в круглую пещеру, где вокруг сложенных камней сидело несколько сен. На камнях в белой мантии сидела Мелеин. Она никогда не носила вуали. Мать племени, госпожа, хранительница тайн, святыни.

«Сестра», — подумал Ньюн. Всегда, видя ее в белой мантии, окруженную сен в золотых мантиях, он вспоминал о своем родстве с ней. Она попросила остальных удалиться, подозвала его. Ньюн склонил голову, когда сен проходили мимо, а затем сел возле ее ног.

— Ты выглядишь усталым, — сказала Мелеин. Он пожал плечами.

— Тебя что-то тревожит?

— Госпожа, твой кел не считает это место безопасным.

— Есть другое место?

— Другое место нужно захватить. Это мы и собираемся сделать.

— Кел согласны?

— И… святыни… Те, что мы оставили в городе. Я думаю, что если бы там уже были корабли, мы бы видели их. Дай мне разрешение войти в город. Мне кажется, что я мог бы вынести святыни. А что касается остального… Остальное можешь решить только ты.

— Ты стал нетерпелив. Ты не хочешь ждать. Он посмотрел на нее.

— Старый кел сказал, что когда начнутся ветры, это убежище засыплет песком. Я верю этому. Нам нужно что-то делать. Чем больше времени проходит, тем сложнее становится ситуация.

— Ты говорил с кел? Он пожал плечами.

— Говорил.

— И у них нет мнения на этот счет?

— Они его не высказали.

— Ясно, — она смотрела прямо перед собой, на что-то, невидимое ему. Лицо ее было наполовину в тени, наполовину освещено золотистым пламе-

нем. Наконец глаза ее сверкнули, как бы выдавая какие-то внутренние эмоции.

— Куда ты собираешься идти? — спросила она. — Вниз? Говорят, там климат мягче и больше воды. Но там живут другие племена. Ты выиграешь дуэль, в этом я не сомневаюсь. Твое искусство намного выше, чем их. Все-таки девять лет с лучшими мастерами. Да, ты выиграешь, даже захватишь их припасы. А что дальше?

— Я — кел. Откуда мне знать?

— У тебя всегда было свое мнение.

— Но я никогда не рассчитывал на него.

— Ты потерял один из знаков Чести. Еще до того, как он понял смысл ее слов, рука его потянулась к груди и нащупала пустое место.

— Это был золотой лист, — сказала она. — Золотой лист — здесь, на Кутате. Ты не должен был терять его.

— Он у Дункана. — Это было не признание, так как она и так знала.

— Не будем говорить о том кел, который ушел без моего благословения.

— Я отпустил его.

— Да? Даже кел этого племени советуются со мной. Я ждала, что ты придешь поговорить о кел. Но ты не пришел. Почему? Он встретился с ней

взглядом. Нелегко.

— Ньюн, — сказала она. — Ты научил его быть мри и тем не менее он ослушался моего приказа. А теперь ты, ты хочешь последовать за ним. Почему я слышу от кел жалобы на тебя?

— Потому что их сердца с Мераи.

— Потому что ты постоянно отталкиваешь их. Наступила долгая пауза.

— Я так не думаю.

— Но это так.

— Возможно.

— Дункан вернулся к людям, — сказала она. — Так это или нет?

— Дункан ушел к людям, да. Но он не вернулся к ним. Он служит Народу.

— Значит ты уверен… и ты говорил об этом с кел?

— Нет.

— Люди не отпустят его обратно, если он сумел добраться до них.

— Он сумел, — Ньюн сделал взмах рукой, указывая на север, на Ан-Эхон. — Больше нет кораблей, нет нападений. Госпожа, я уверен, что он добрался до них и что они выслушали его.

— Что он сказал им? Ньюн молчал. Что он мог сказать? Дункан не мог потребовать, чтобы люди

убрались отсюда.

— Ты говоришь об необходимости уйти отсюда, — сказала она. — Я тоже думаю об этом, но по другому поводу. Я слышала, что ты всегда ходишь на восток. Он кивнул, не глядя на нее.

— Ты хочешь быть поблизости, — сказала она. — Или идти на восток. Неужели ты думаешь, что он найдет нас.

— Думаю.

— Я пошлю Нлила в Ан-Эхон, — сказала Мелеин. — Он добудет там все, в чем нуждаются кел и сен.

— Без меня?

— У тебя будет другое дело. Найти Дункана. Сердце его подпрыгнуло в груди.

— И ты останешься без охраны?

— Я буду ждать, — продолжала Мелеин, как бы не слыша его. — Первое, ты должен узнать, сколько времени продлится тишина на небе. Пока Нлил ходит в город и возвращается с тем, что сможет унести, ты успеешь обыскать местность, так как пойдешь один и без груза.

— Возможно… но…

— Я все обдумала. Сомневаюсь, что ты добьешься успеха. Дункан ушел со своим дусом и если он все еще с ним, Дункан нашел бы нас… если он хо-

тел вернуться к нам. Но я люблю нашего Дункана. Найди его, если сможешь, или узнай, что мы его потеряли. А затем подумай, что ты будешь делать с этим племенем. Нужно ли оно тебе? Не теряй времени, — она взяла его лицо и поцеловала в лоб, пристально взглянув ему в глаза. — Может быть, ты не застанешь нас тут. Тогда решай сам. Есть другие города, другие возможности.

— ...которые защищены не больше, чем Ан-Эхон. Ты знаешь что могут сделать люди.

— Иди. Он поднялся, наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку на прощание.

— Благословляю тебя, — прошептала она. Он прошел мимо удивленных глаз сен, отвернувшись от них. Уже подходя к пещере кел, он надел вуаль. И вдруг в завывании ветра и в песчаных вихрях перед ним возникла темная угрюмая фигура. Рас. Он уже натянул вуаль.

— Рас? — дружелюбно спросил он. Но она не сказала ни слова. Как всегда она шла за ним.

* * *

При его приходе в холле кел воцарилась тишина. Они ждали. Кольцо темных лиц. Он прошел между ними, сел, предложив взмахом руки сесть им всем. Затем снял вуаль и головную накидку.

Как знак доверия.

— Кел, — слова его повисли в тишине. — Да. Я хочу поговорить с вами о том, чтобы вынести наши припасы из города. — Он опустил руки на колени, обвел взглядом темные лица, ряд за рядом. — Нлил будет руководить отрядом. Нлил, госпожа, конечно, даст тебе совет. Если нет, сам поговори с ней.

— Хорошо, — откликнулся Нлил, с любопытством глядя на Ньюна.

— Я только хочу сказать: будьте осторожны. Впереди должен идти разведчик и высматривать следы приземления. Люди могли установить маленькие устройства, с помощью которых они узнают о вашем приходе. О, боги! Кел Нлил, будь внимателен! Если увидишь корабли, сразу же уводи отряд и подальше. Они пользуются не глазами, а приборами.

— Ты не хочешь вести нас?

— Меня посылают по другому делу. Кел Серас остается охранять лагерь. Нлил, я все сказал. Они ни о чем его не спрашивали. Он поднялся, взял пустую сумку, перекинул через плечо, накинул вуаль. Он повернулся, чтобы уйти и встретился с жестким взглядом Рас. Ее глаза горели на лице, не спрятанном под вуалью.

— Рас, — сказал он тоном, не допускающим возражения. — Рас, иди с Нлилом.

— Если Нлил захочет, — сказала она спокойно. Этот ответ был более разумен, чем он ожидал от нее. Впрочем, он не знал, может ею руководили какие-то сложные расчеты.

— Благодарю, — сказал он и направился к выходу из пещеры.

— Кел! — послышался голос Нлила. — Ты уходишь и ничего не берешь с собой?

— Кат и сен плохие охотники. Мы с дусом позаботимся о себе. — Он знал, что эти слова вызовут неодобрение. — Жизни и Чести! Из пещеры вышла только Рас. Он оглянулся: она смотрела ему вслед, но она не пошла за ним. Он еще раз оглянулся, чтобы убедиться в этом, оглянулся еще, а затем перестал думать о ней. Он пошел дальше. Проходя мимо часового, он свистнул, чтобы успокоить его. Кел мог встревожиться при виде его, уходящего из лагеря в такой час.

— Дус, — позвал он, выйдя из ущелья на открытое пространство. Ньюн почувствовал дуса раньше, чем услышал его. Тяжелая тень, пробиравшаяся между камнями, и вот уже рядом с ним послышалось тяжелое дыхание. Он ощутил беспокойство в хриплом дыхании, такое же смутное,

как и в его мозгу, и попытался успокоить себя. Нужно быть спокойным, если идешь с дусом.

* * *

Он пошел тем же путем, каким ходил ежедневно и возвращался каждый вечер. Шел он осторожно, осматривая небеса, нет ли разведчиков, осматривая горизонт, далекие холмы. Ночная пустота давила его больше, чем днем. Только звезды на небе. И враги.

Но вот в него влилось спокойное мужество. Это дус помог ему, вселил в него уверенность и спокойствие. Ньюн с благодарностью принял дар и направился на восток.

Вот место, где приземлился их корабль и откуда ушел Дункан. Здесь в первую очередь люди должны были пытаться обнаружить его. Он шел уверенно, но не упуская из виду дуса, который носился вокруг. Дус должен был указать ему безопасный путь: открытые пески полны неприятных сюрпризов.

Дусы, в основном, ведут ночной образ жизни. И вот сейчас его дус бежал чуть впереди, мотая тяжелой головой, нюхая ветер, выбирая дорогу.

Дункан никогда не мог приспособиться к быстрому шагу Ньюна и Ньюну всегда приходилось

останавливаться, поджидая его. Даже воздух Кутата был неприемлем для легких человека. Это безумие, что Дункан пустился в путешествие по этой жестокой планете.

Единственное, что могло спасти Дункана, признал Ньюн, это то, что Дункан стал настоящим мри, и смог приспособиться к жизни здесь.

Он нарисовал в уме изображение Дункана, изображение его дуса и передал его своему дусу. — Найди их, — мысленно приказал он. — Ищи их.

* * *

Дни шли за днями, не принося ничего нового. Они шли все время на восток, но нигде не было видно никаких следов.

Он спал в расщелинах между камнями, независимо от того, был это день или ночь. Он ложился, когда не мог идти дальше. Он зарывался в теплую шерсть дуса и спал, пока не восстанавливались его силы. Затем он просыпался и шел дальше по бесконечной равнине. Питались они с дусом тем, что удавалось поймать. Ньюн с отвращением ел сырое мясо и снова шел.

Над Кутатом висело безоблачное небо. Ни одной тучки, которая бы содержала влагу.

Пыль пеленой закрывала солнце.

Он смотрел на солнце, а дус рядом с ним тревожно смотрел по сторонам и изредка подвывал.

3

Над Кутатом стояло вечно безоблачное небо, как гигантский ослепительный купол. Лишь на западе висела подозрительная темная пелена, обещавшая неприятности.

И обратный след… Новый день не принес ничего. Впереди пусто. Никакого движения. Дункан шел вперед, изредка оглядываясь через плечо. Снова и снова он искал глазами своего дуса. Животное постоянно убегало куда-то, бегало вокруг, изредка забираясь далеко в сторону. Возможно, дус охотился, а может, он следил, нет ли преследователей. Когда дус исчезал надолго, Дункан очень беспокоился, ведь дус мог напасть на преследователей и те могли убить его.

— Сюда, — приказал он дусу, но тот не появился и Дункан шел вперед. Жарко. Он достал из сумки кусок трубчатого дерева и сунул его в рот под вуаль. В горле у него пересохло, голову ломила страшная боль, глаза слезились. Но он внимательно следил за горизонтом и за песком под ногами. Он не хотел пропустить следы, если они попадутся, но хотел и избежать опасности, кото-

рая могла поджидать его тут. Одет он был как кел вооружен пистолетом и-ин-ен, древним оружием Чести. Ветер поднимал облака пыли, гнал песок волнами, которые захлестывали его ноги, как морские волны. Пыль ослепляла его и он плотнее надвинул вуаль.

А когда он снова посмотрел вперед, на северо-западном горизонте он увидел черную фигуру — совсем не так далеко и не в том направлении, в каком ожидал. Паника охватила его и заставила метнуться к югу. Но может быть именно это они и хотели заставить его сделать. Он посмотрел на юг и не увидел ничего, кроме голой равнины и яркого неба. Местность шла под уклон. Он уже начинал ориентироваться на этих бескрайних песчаных равнинах, которые казались похожими друг на друга. Западня, вероятно, ожидала его именно там. Он пошел на запад, изо всех сил стараясь подозвать к себе дуса. Теперь он удвоил внимание. Ведь здешние кел издали поймут, что он не принадлежит этому миру и, конечно, свяжут нападение кораблей, уничтожение городов с ним, чужим кел. Только дус мог догнать их, вселив в их души безотчетный страх. Но наступит момент, когда они нападут, ибо кел обучают осторожности, но не трусости.

Они могут победить страх так же, как любого врага. Сердце отчаянно билось в груди, виски ломило, временами он терял зрение, ему не хватало воздуха. Он боялся, хотя ему страшно хотелось выбросить сумку. Они могут найти ее, увидеть в ней незнакомые чужие вещи, и они не захотят оставить тайну неразрешенной. Сильный ветер гнал песок, забивал его вуаль, больно бил по обнаженным рукам. Он все чаще спотыкался и уже не был уверен, что идет на запад.

— Дус! — звал он животное, ругаясь про себя. Этот чертов зверь всегда находился не там, где нужно. Идти было все труднее и он уже стал думать, идти ему дальше, чтобы скрыться от преследователя, или же искать встречи. Внезапно он поскользнулся, камень выскочил у него из-под ног. Он оказался на мягком ползущем песке. Он на секунду приподнял вуаль и тут же опустил ее. Это было ошибкой. Песок моментально ослепил его. Панический страх охватил его, не страх, а ужас. Он продолжал идти навстречу ветру, который был единственным ориентиром, указывающим ему на запад.

Страх рос. Он оглянулся, но увидел только багровый слепящий диск солнца. На всей планете не было ни верха, ни низа, ни горизонта, ни песка

под ногами — только солнце, лучи которого с трудом пробивались через песчаную бурю. Он снова шел вперед, с трудом дыша через вуаль. Если он сейчас упадет, подумал он, ему уже не встать. Он умрет тут.

— Дус… — прохрипел он, стараясь подозвать его. Ветер заглушал все звуки. Колени дрожали, ноги разъезжались в сыпучем песке. Наконец он упал на колени и отвернулся от ветра, стараясь дрожащими руками достать остаток трубчатого дерева. Пальцы не слушались его. Он оторвал кусок зубами, вместо того, чтобы воспользоваться ножом. Последний кусок он сунул обратно. Во рту все пересохло, глаза слезились.

— Дус, — снова отчаянно прошептал он. Он уже был в таком состоянии, что не ощущал боли. Ветер рвал его мантию. Во всей вселенной не было других звуков, кроме завывания ветра. У Дункана уже не было сил подняться. Песок уже почти совсем засыпал его, образовав на его спине холмик.

А страх — он все рос и рос. Пот разъедал его кожу, но тут же ветер сушил ее. Он зашевелился, с трудом поднялся и двинулся навстречу ветру. Страх гнал его вперед, страх настолько сильный, что он забыл усталость, забыл боль.

Страх дуса — это он почувствовал сразу внезапно. Не его дуса — чужого. Совсем рядом. Вот его изображение сформировалось в мозгу. Ха-дус, дикий дус, рожденный от той пары, что привезли сюда мри… и очень опасный, когда рядом нет своего, прирученного дуса. Дункан шевельнулся. Это было все, что он мог сделать. И вдруг рядом с ним мелькнула тень. Дункан потянулся за ножом и внезапно узнал его. Его дус. Он материализовался из мрака и встал между ним и ветром. Дункан обнял его за толстую пушистую шею и животное доверчиво прижалось к нему. Пятьсот килограммов мускулов, упрятанных в бархатную шерсть и защищенных ядовитыми клыками и гипнотическим излучением, пришли ему на помощь. Дикий дус обошел их так, чтобы тоже защитить Дункана от ветра. Вокруг этой троицы сразу стал образовываться песчаный вал. Дункан лежал, прижавшись к своему дусу и жадно хватая воздух измочаленными легкими. Но он все же нашел в себе силы достать сумку с сушеной пищей и вытащить пакет. Сначала он припал губами к фляге, почти пустой, и только потом приобрел силу жевать и глотать сушеное мясо. Его дус потянулся к нему, требуя свою долю. Дункан предложил ему кусок мяса. Массивная голова склонилась к

его руке и взяла кусок так деликатно, что Дункан не почувствовал ничего, кроме жаркого дыхания. Другой дус тоже потянулся к нему и Дункан угостил и его, но уже держал пальцы так, чтобы ядовитые клыки не коснулись их. Мясо исчезло мгновенно. Дункан закутался в мантию, спрятал руки в рукава, закрыл глаза. Он вытер с лица то, что считал кровью из носа и постарался заснуть. Он был в безопасности, по крайней море, такой, какую ему могли предложить в дикой пустыне Кутата эти два зверя.

4

Молодые регульцы толпились вокруг, переговариваясь шипящим шепотом. Изредка кто-то из них тревожно смотрел вверх.

Сут покидал их, прежних товарищей. Сейчас они толпились возле постели, предлагая пищу и различные услуги. Они с трепетом ждали, чтобы услуги их были приняты. Они оплакивали одного старшего регульца и присутствовали при рождении нового. Сут Хораг-ги стискивал руки и стонал в агонии изменения.

Сут: разумеется он был нейтральным, пока в его организме не начались мучительные гормональные перестройки, сопровождаемые увеличением аппетита. Корабль «Шируг» отлетел подальше от кораблей людей, круживших возле планеты Кутат, и игнорировал все их запросы. Сейчас происходило таинство превращения молодого регульца в старого. Люди спрашивали, предлагали помощь, надеясь узнать что-либо, чтобы установить контроль над кораблем регульцев, но Сут приказал молчать. Он ел. Уже кожа молодого регульца стала сходить с него и под нею виднелась

новая темная морщинистая кожа. Сут ужасно страдал. Его новая кожа болела, как свежая рана. У него болели все суставы, заставляя его есть и пить постоянно. Ему казалось, что он сойдет с ума от невыносимых страданий. Приблизился молодой регулец с тазиком и стал смачивать глубоко кожу. Сут едва выносил это и непрерывно пил сой, вытирая пот полотенцем. Внезапно резкая боль пронзила его тело. Сут закричал и отшвырнул поднос. Что-то разбилось и когда серая пелена спала с глаз, он увидел, что молодые регульцы уже унесли труп. Сут с удовлетворением зашипел. Все его беспокойство исчезло.

— Докладывайте, — выдохнул Сут, стискивая ручку кружки с соем. Он отхлебнул из кружки, глядя на перепуганных регульцев. — Безмозглые, докладывайте.

— Достопочтенный, докладывать нечего: над планетой буря.

— Буря…

— Свирепая буря. Мы пытались проникнуть под нее с помощью приборов, но ветер и пыль… Сут испустил вздох облегчения:

— Может, Дункан умрет.

— Возможно, досточтимый.

Сут страстно желал этого. Этот человек убил бая

Чарна, командора «Шируга». Командор «Сабера» отпустил Дункана, как бы считая это происшествие незначительным. Сут тогда был молодым регульцем, испуганным, охваченным ужасом, как и все остальные молодые регульцы. Теперь Сут желал смерти Дункана. Дункан стал какой-то аномалией. Никто не знает, кто он есть. Он убивал молодых регульцев, тогда союзников мри, а теперь он убил старого регульца. Одна мысль об этом заставила учащенно биться его сердце.

Сорок три года наемники мри служили регульцам в войне против людей. А теперь настал другой поворот событий — мри входят в контакт с людьми. Сейчас требуется старший регулец, способный принимать решения. Ведь от этого зависит все будущее регульцев. И здесь, и на Кесрите, и в их собственном мире. Чарн убит, бай Хулаг находится на Кесрите. Кто-то должен принять решение.

Боль…

— Досточтимый, успокойся, — пробормотал молодой регулец, протирая его кожу. Сут застонал, попробовал приподняться и снова упал, удивленный весом своего нового тела. Он закрыл глаза и стал дышать глубокими вдохами, пока боль не отпустила его.

— Наступает кризис, — простонал молодой регулец. — Если он не кончится скоро, то досточтимый умрет.

— Тихо! — крикнул Сут и это помогло ему. Боль растаяла, мышцы расслабились, пульс участился и температура поднялась. Да, Сут был в опасности. Он служил баю Хулагу, мужчине, и сейчас приближался к Изменению. С большей долей вероятности он мог стать женщиной и служить Хулагу, но мог стать и мужчиной и перейти в род Аланей, великий могущественный род.

Заменить бая Чарна… стать Чарном, которого убил человек… такая мысль билась в голове страдающего Сута. Он выругался вслух, вспомнив человека, который совершил это, который вошел в союз с мри и пытался обратить их в союзников людей.

Сто двадцать три звезды… сто двадцать три мертвых системы… И даже после того, как мри совершили этот убийственный рейд по всей Галактике… люди хотят заключить с ними мир.

Сут должен жить. Это требует его долг. Требует сама жизнь. И даже не из личных соображений. Он должен жить, чтобы возвысить род Хорагов, приблизиться к великому роду Аланей… он должен жить… Но вот кто-то дотронулся до него. Это

была Нань, самая старшая из молодых.

— Досточтимый! — крикнула она. — Я горю! Это случилось! Следующий регулец перешел в состояние изменения. Сут воскликнул с облегчением и закрыл глаза. Боль опустилась ниже. Мускулы снова сократились и все тело стало жечь огнем. Молодые регульцы принесли пищу и стали прикладывать примочки к горящему телу. Поддерживаемая молодыми регульцами Нань подошла и легла рядом, с трудом сдерживая рвущиеся от боли крики. Изменение продолжалось. И вот наконец один из регульцев ахнул:

— «Мужчина!» Логика природы. Сут улыбнулся, преодолевая боль. Рядом корчилась Нань в муках Изменения, но у нее все происходило быстрее, природа сделала выбор. Старшим регульцем стал Сут. Боль постепенно затихала. Сут двинулся, поддерживаемый молодыми регульцами. Теперь он всегда будет иметь помощь и поддержку. Тело его увеличилось вдвое. Прежде сильные ноги уже не могли удержать его. Скоро мышцы атрофируются, заменятся жировыми складками. Но руки его будут сильными всегда, поддерживаемые специальными упражнениями. Все чувства, кроме зрения, притупятся. Останется только мозг, он будет доминировать надо всем. Память регульцев

мгновенная и нестираемая. Он будет жить, если не случится ничего непредвиденного, лет триста и будет с необыкновенной ясностью помнить каждое мгновение, каждую подробность, на которые обратил внимание.

Только тридцать процентов регульцев становятся взрослыми — и ему удалось это. Он стал первым на корабле — только один процент регульцев достигает такого высокого положения.

И теперь, благодаря Изменению, он станет не слугой бая Хулага, а его соперником из другого рода… Он теперь стал старшим здесь, и, следовательно, великий «Шируг», гордость великого рода Аланей, стал территорией рода Хорагов. Сут улыбнулся. Затем он посмотрел на трех регульцев, которые проходили Изменение. С ними это будет быстро. Это ему пришлось мучиться несколько дней.

— Прочь! — рявкнул он на молодых регульцев, те повиновались. Он поднялся. Долго он не мог стоять на ослабевших ногах.

— Приветствую тебя, Нань, — сказал он.

— Приветствую, бай Сут, — она попыталась сесть. Он отослал регульцев, которые могли бы помочь ей. Но она стала женщиной, а женщины всегда были более подвижны, чем мужчины. Она

наконец поднялась и подошла к нему. Она была младше его, хотя различие во времени между их Изменениями исчислялось минутами. Она была следующей по возрасту и должна стать второй на корабле. Рядом лежали еще два регульца, которые тоже проходили Изменение. Они будут его офицерами. Необходимо увеличить количество молодых регульцев на корабле. Ведь теперь им придется переносить на носилках старших.

Сут с удовлетворением ощущал свое высокое положение после длительных страданий. Теперь на корабле — его корабле — будет новый порядок. А род Хорагов успешно завершит операцию, где великие Алани потерпели поражение… Его захлестнула волна гордости собою.

— Необязательно, — сказал он, — чтобы люди знали о нашем появлении на «Шируге».

— Да, — согласилась Нань. — Пока они не поймут этого, они будут продолжать свою линию поведения, не консультируясь с нами.

— Если люди умрут, — сказал он, — то не останется свидетелей.

— Ты хочешь ударить по ним?

— Обезопасить себя. Нань подумала над этим. Ноздри ее раздувались в возбуждении.

— Но у них корабли более подвижные, чем

наши.

— Если мри и люди исчезнут, то регульцы освободятся от опасности. Люди, правда, могут задавать вопросы, но регульцы могут не отвечать на них. Нань ухмыльнулась. Глаза ее сузились.

5

Да, звери снова изменили положение, чтобы стряхнуть песок. Уже наступило утро и солнце было при этом ярче, чем вчера. Дункан поднялся, разминая затекшие ноги. Он хорошо поспал, хотя дусы навалились на него своими тяжелыми телами. Инстинкт. Он понимал, что они хотят согреть его своей шерстью. Дусы тоже проснулись и теперь фыркали, продувая ноздри. Дункан вздрогнул и обхватил себя руками. Холодный ветер быстро выдувал то тепло, которое передали ему дусы.

Пора идти. Тревога охватила его, когда он увидел в облаках пыли горизонт. Ведь если он видит, то точно так же могут увидеть и его. Нужно было идти ночью, когда буря немного стихла. А вместо этого он спал.

— Глупость, — сказал бы ему брат мри, — это совсем не почетная смерть.

— Хай! — крикнул он дусам, собрал сумку, перекинул ее через плечо и пошел, хотя каждый мускул в его теле отчаянно протестовал.

По дороге он съел немного сушеного мяса, доел

остатки трубки — и это было его завтраком. Муки голода немного покинули его. Дусы хотели получить свою долю и Дункан поделился с ними. Его дус взял мясо, а когда он протянул мясо второму дусу, то ощутил опасность. Повернувшись, он увидел двух дусов, чужих, диких, которые стояли поодаль. Дусы Кесрита две тысячи лет жили рядом с мри и некоторые из них выбирали себе кел. Они становились друзьями только кел, так как каты не нуждались в них, а сен были слишком сложны. А этот дус, по какой-то, ему одному понятной причине, выбрал человека, когда на Кесрите исчезли мри. Эти дусы, вероятно, тоже хотят выбрать себе кел. Лишь бы только не того, что преследует его сейчас. Он шел, держа руку на холке животного и изредка оглядываясь назад. Дусы уже превратились в смутные тени. Через некоторое время в душу Дункана снова закрался холод и страх. Спина его между лопатками заледенела. Он оглянулся, отыскивая угрозу в янтарном мареве. Дус тоже остановился и стал прощупывать пространство мысленными импульсами.

— Тихо, — сказал Дункан, упав на колени и обняв шею дуса. Он боялся, что преследователь может обнаружить их по этим импульсам.

Мри, который его преследует, почувствовал им-

пульс дуса… Дус стоял возле него и мелко дрожал. Дункан повернулся и снова побрел навстречу ветру. Беспокойство дуса действовало угнетающе на его нервную систему. Местность не давала права на ошибку. А он уже сделал одну, сегодня утром, из-за слабости.

Повернуться, — подумал он, — встретить преследователей и убедить, что он несет послание, от которого зависит судьба мри, их жизнь или гибель.

Один взгляд на него, на его оружие, в его глаза… и все будет ясно. Мри считают ци-мри не мри, а всего лишь высшими животными, и он и дус равны в их глазах. И никакие слова не смогут их убедить. Его преследовал какой-то мри. И вовсе не просто из любопытства, так как преследование не прекращалось и в бурю. Дункан был уверен в этом и душа его была полна тревоги и гнетущего предчувствия.

* * *

Нлил остановился перед полузасыпанными песком развалинами города. Он смотрел на то, что оставили после себя ци-мри.

Ан-Эхон. Его город. Он никогда не жил здесь, но это был его город — здесь жили все его предки.

Он приходил сюда, когда был молодой, по требованию госпожи. Он сидел возле стены, а сен запирались в святилище и Мать изучала тайны, которые хранились в драгоценных тайнах города.

И вот теперь этот город, который существовал сто тысяч лет, уничтожен на его глазах в одно мгновение. Он видел, как рушились башни, как погибали его товарищи — и пока он будет жить, он будет носить в своей душе этот кошмар.

Сейчас он должен сделать… больше, чем просто раскопать склады и забрать припасы, необходимые для поддержания жизни… он должен проникнуть в Святилище… и это наполняло его страхом. Новая госпожа поручила ему это, хотя он не имел права касаться тайн. Возможно, она знает, что делает. Но он не был уверен в этом. Ан-Эхон уничтожен и им приходится доверять этой пришлой, которая прибрала к рукам все святыни, кроме тех, что остались в городе.

«Мераи, — подумал в отчаянии он. — Мераи, что мне делать?»

Он стоял, размышляя, перед засыпанным песком городом. Когда началась буря, он отослал пять кел назад — может племени потребуется помощь. Он нарушил Закон и приказ госпожи.

Возможно, она проклянет его за ослушание, выгонит из племени. Ну, что же, это будет небольшая цена за то, что удастся спасти детей. Песок с тихим шелестом сыпался вокруг. К нему подошла Рас. Затем появился Десаи, кел третьего ранга, слепой на один глаз, но зато вторым он видел очень хорошо. А вот и Мерин, один из мужей, и подросток Таз, не имеющий ни одного шрама. Как он упрашивал взять его с собой! Где-то поблизости в дюнах были и остальные. Нлил помнил предупреждения Ньюна о западнях, и держал свои силы рассредоточенными. Он подождал, пока остальные немного передохнут. Затем поднялся и пошел, стараясь держаться в низине. Остальные двигались за ним, выдерживая интервалы, чтобы не служить групповой мишенью для оружия ци-мри. Но когда он подошел к домам и увидел первого мертвого, гнев охватил его и он остановился. Черная мантия: это был кел. Нлил смотрел на обгоревшую мантию, на то, что осталось от этого кел после хищников. Должно быть, у них был здесь праздник, в Ан-Эхоне. Кел догнали его, и он тронулся дальше, не взглянув на них. Впереди виднелись развалины башен и домов. Все было мертво.

— Это Эхан, — сказал Десаи, когда они уви-

дели второй труп. — Рисас, — сказал Мерин о следующим. Знаки Чести позволяли опознавать мертвецов, хотя хищники, ветер и песок сделали их неузнаваемыми.

Они называли имена погибших, проходя между развалинами. Это были не только кел, но и сен в золотых мантиях, чьи высохшие черепа когда-то хранили мудрость Народа, и кат в голубых мантиях — воспитатели детей и сами дети — будущее Народа. Некоторые из них погибли мгновенно, задавленные рухнувшими стенами, другие долго страдали от ран, прежде, чем уйти во Мрак. Иногда это были старики, которые уже не могли бежать из города, спасаться от ужаса. Иногда это были кел, старавшиеся укрыть своими телами детей или стариков.

— Торопитесь, — сказал Нлил, чтобы прекратить оплакивание родных и близких. Но Рас не послушалась. Она шла последней, все еще стараясь отыскать своих близких.

Он ничего не сказал ей — их отношения не позволяли ему это сделать. Но сам он больше не смотрел на мертвых, и остальные кел шли рядом с ним, не отставая.

Но вот они вышли на широкую площадь, окаймленную валом песка. На площади лежали

полузасыпанные трупы. Здесь их было больше, чем где-либо. В дальнем конце площади возвышался великий Эдун, Дом Народа, Эдун Ан-Эхона, печально возвышающийся среди развалин. Сам он почти не пострадал. Четыре башни наклонились друг к другу, образуя усеченную пирамиду. Дверной проем темнел в стене и к нему с площади вела широкая лестница. Камни Эдуна были иссечены осколками, как и все остальные дома города. Большие трещины вились по стене здания. Видимо, сюда пришелся главный удар нападающих, но здесь была и самая серьезная защита, поэтому он и пострадал менее всего. Надежда на успех миссии вспыхнула в Нлиле. Он надеялся быстро сделать все, что ему было поручено, и уйти, не подвергнувшись нападению. Он пошел к Эдуну не через площадь, а вокруг нее, ища прикрытия возле развалин, и в нанесенных дюнах. Наконец он не выдержал и бросился к темному входу бегом. Тяжело дыша от напряжения и ожидая каждую минуту огненной вспышки. Но ничего не произошло. Он влетел в Эдун и прижался к стене. Ноги его заскользили в пыли. Здесь стояла тишина, которую не возмущало даже завывание ветра на площади и звук шагов бегущих кел. Они тоже вбежали в Эдун и остановились, прислушиваясь.

Ни звука. Только свист ветра.

— Сделай свет, — приказал Нлил Тазу. Тот полез в карман и достал кусок дерева. Зажег и поднял. Подошла Рас.

— Стой здесь, — приказал Нлил, и обратился к Рас. — Посмотри остальных. Они должны подойти.

— Хорошо, — ответила она и выскользнула на улицу, на холодный ветер. Но там было лучше, чем в жуткой темноте Эдуна. Таз поджег куски дерева для остальных кел и в этот момент снаружи Рас крикнула, что никого еще не видно. Нлил взял свой факел и пошел по темному проходу. Даже самые легкие шаги вызывали гулкое эхо. Когда глаза привыкли к полутьме, они стали различать черные трещины, изрезавшие мраморные стены и потолки, исписанные таинственными письменами.

Проход в башню Кел был свободен. И в башню Сен, башню Госпожи, башню Кат… У Нлила надежда на благополучное завершение дела все крепла. Но когда он заглянул в Святилище, сердце его упало: потолок просел и колонны, которые его поддерживали, были повреждены. Одного прикосновения могло хватить, чтобы все рухнуло. Он вошел в святилище, постукивая своим

легким жезлом по растрескавшимся стенам.

— Нлил… — запротестовал Мерин. Он заколебался, даже остановился, когда ему на плечо упал кусок штукатурки.

— Назад, — приказал ему Нлил. — Оставайтесь там. Здесь находились Святыни. Те, что хранили они, и те, что принесли пришельцы. Колени его дрожали, когда он думал о приближении к запретному, но им двигал страх, что они могут потерять святыни навсегда. Ведь эти Святыни были гораздо ценнее, чем город и чем все их жизни вместе взятые. Он снова двинулся вперед. Остальные кел не послушались его и пошли за ним. Это он понял по колеблющимся теням, которые заплясали по стенам. Вот и экран. Рука его боязливо притронулась к нему и отодвинула в сторону. Маленький ящик из позеленевшей бронзы, фигурки из изъеденного временем металла, маленькое изображение дуса и сверкающий овальный предмет размером с ребенка. Все это были Тайны, Тайны, на которые ни один кел не смел бросить взгляд. Он собрал все эти предметы, прижал их к груди и повернулся. Он протянул ящик Мерину, но тот с ужасом спрятал руки за спину. Тогда Нлил двинулся к выходу. Со страшным грохотом стала рушиться штукатурка.

Поднялся столб пыли. Напрягая все силы, Нлил рванулся к выходу, чьи-то руки подхватили его и вот он уже стоит на чистом пространстве, держа в руках Святыни Народа.

— Нлил? — послышался голос Таза.

— Все нормально, — отозвался Нлил, склонившись под тяжестью ноши. Он прошел к выходу из Эдуна, вышел на улицу, и, встав на колени, положил Святыни на ступеньки лестницы, чтобы завернуть их. Мерин подошел к нему, снял вуаль. То же самое сделали Рас, Десаи и сам Нлил. Он посмотрел в лица кел, полные благоговейного ужаса от того, что им пришлось увидеть запретное. По Закону, кел, увидевший Святыню, должен умереть. А если не умрет, то становится чем-то средним между святым и проклятым.

— У нас есть прощение госпожи, — сказал Нлил. Кел тесно сгрудились вокруг Святынь, как бы оберегая их. Им казалось, что Святыни живые и хрупкие. Таэа среди них не было.

— Таз, что с тобой? — крикнул Нлил в темноту Эдуна.

— Я сохраняю огонь. Кел, обвал прекратился, хотя пыли очень много.

— Боги хранят нас, — пробормотал Нлил. То, что сейчас лежало перед ним, обжигало его хо-

лодом. — Только пусть они продержатся еще немного.

* * *

Дункан остановился у подножия небольшого камня, который давал некоторую защиту от ветра. Он обхватил руками шею дуса и спрятал голову от ударов песка. Он закашлялся, голова его ужасно болела, чувства все притупились. Буря, казалось, высасывала весь кислород из воздуха, которым ему приходилось дышать. Он достал фляжку, и сделал один глоток, так как во рту у него было так сухо, как будто в него натолкали бумаги. Он немного постоял, пока у него перестала кружиться голова, легкие немного успокоились. Затем он собрал все моральные силы, чтобы подняться и идти дальше.

В мире осталось только одно яркое пятно — солнце. Даже при сильнейших порывах ветра его можно было видеть или хотя бы чувствовать. Дус вел его в моменты слепоты.

Но вот в этом, заполненном ветром и песком, мире возникло что-то реальное — высокие тени, похожие на деревья с толстыми сучьями. Трубчатые деревья! Он быстро пошел к ним, желая поскорее насладиться сладкой мякотью, которая

утолила бы его голод и жажду. Дус шел рядом, приноравливаясь к его шагу. Тени становились все больше и больше. Они уже четко выделялись на фоне кроваво-янтарного неба и желтой земли. Мертвые деревья. Ни одно живой ветви: иссохшие деревья, мертвые стволы, призраки леса. Он вытащил нож, намереваясь выяснить, не сохранилось ли хоть немного влаги в сердцевине. И внезапно он ощутил предупреждение, импульс от дуса, который сразу вселил в него панику. Он почти побежал и дус за ним. Он обругал себя за целую серию ошибок, совершенных им.

— Думай о местности, — говорил ему братмри. — Используй ее, сживайся с ней, будь частицей ее. Он все время ищет точки реальности в этой нереальной пустыне. Он движется от одной точки к другой: камни, теперь мертвый лес. Его нельзя обнаружить, пока он в пустоте, но как только приходит к чему-то реальному, он становится уязвимым, видимым.

— Думай о местности, — говорил Ньюн. — Никогда не бросай вызов тому, что тебе не по силам. Никто не может пренебрегать буровером, сидящим в засаде. Или мри в его собственной стране. Он остановился, осмотрелся, полуслепой от пыли, сжимая в руке короткий меч. Он вспомнил,

что он ци-мри, что у него есть пистолет. Но ведь он пришел сюда спасти жизнь мри. Нет, лучше умереть, чем нарушить Закон кел. Он вдохнул воздух и снова осмотрелся вокруг, не видя ничего, кроме мертвых деревьев, едва различимых сквозь песчаные облака. Дус прижался к нему, все время предупреждая его. Дункан заставил его замолчать.

Дус повернул голову. Дункан заставил его замолчать, потом тоже посмотрел туда же и сердце его опустилось — из песчаного тумана материализовалась темная фигура кел.

— Какого племени? — крикнул тот.

— Яном, — ответил Дункан. Голос его был хриплым от сухости в горле. Он успокоил дуса прикосновением руки и крикнул сам: — Ты на территории яном. Почему? Тишина. Дус попятился назад, испуская импульсы угрозы.

— Я — Риан Тафа Мар-Эддин, предводитель кел племени хао-нат. И ты ошибаешься относительно принадлежности территории.

Теперь Дункан должен был назвать свое имя. Все теперь происходило в полном соответствии с древним ритуалом. Далее должен будет последовать вызов. Дункан перевел дыхание, как мог беспечнее вложил меч в ножны и опустил руки.

Он держал их так, чтобы было видно, что они — пустые. Он не хотел дуэли…

— Вероятно, ошибся я, — сказал Дункан. — Прошу разрешения пройти.

— Ты не сказал своего имени. Не показал лица. Кто ты?

— Идем со мной, — сделал отчаянную попытку Дункан. Спросишь мою госпожу.

— Прилетали корабли. Уничтожили город.

— Спроси мою госпожу.

— «Кто ты?» Рев и прыжок дуса. Боль пронзила его руку и затем мри упал.

— Нет! — крикнул Дункан, когда дус приготовился к следующему прыжку. Дус повиновался. Мри не двигался. Дункан дотронулся до своей руки и почувствовал горячую жидкость.

Все это произошло в одно мгновение. Он вздрогнул, понимая, что ударило его — асей. Нападение дуса, рефлекс мри — все это было мгновенно. Дус ощутил намерение мри.

Дункан подошел к дусу, нашел второе лезвие, воткнувшееся в плечо. Удар, смертельный для человека, но для толстого слоя жира дуса — просто царапина. Предводитель кел лежал мертвый на своей территории. Дункан наклонился над ним, пощупал пульс, ища признаки жизни. Пульс еще

был, но в теле кел был дус. Песок уже насыпал бугорок на край его мантии. Дункан выругался, подхватил тело и подтащил его к стволу дерева, оставив в сидячем положении.

— Дус! — хрипло позвал он и снова двинулся против ветра. Дус пошел рядом. Теперь, без сомнения, за ним будет погоня. На нем лежит кровь кел, взывающая к отмщению. Он закашлялся и бросился бежать, глотая пыль вместе с воздухом. Но долго он этого не смог выдержать и скоро снова пошел медленно, сгибаясь от боли в легких. Импульсы дуса покалывали его. То ли дус просто тревожился, то ли чувствовал нового врага. Дункан взялся раненой рукой за его шею и пошел как можно быстрее, даже пускаясь бежать но склонам дюн.

Две ошибки совершил он сам, а третью — роковую — дус.

* * *

— Буря стихает, — доложили с «Флауэра», — но на поверхность выйти невозможно.

— Не надо, — сказал Кох. — Не рисуйтесь и не рискуйте людьми. Не выходите, если видимость хоть немного ограничена.

— У нас есть свои задачи, которые мы должны

выполнять, — ответили с «Флауэра». Кох узнал говорящего, это был Эмиль Луиз, главный хирург. — Мы сами знаем свои ограничения. Нам нужно проводить измерения. Кох поморщился. Формально ученые подчинялись ему, но с ними всегда было сложно, так как они были также связаны с Сюр-Так. Он сказал:

— Мы приказали «Сантьяго» следить за поверхностью. Будьте предельно осторожны. Не отпускайте далеко личный состав. Пусть все находятся в непосредственной близости от корабля. А ключевые сотрудники вообще не должны покидать корабль. Все очень серьезно, доктор Луиз. Я понимаю всю важность ваших задач, но будьте осторожны. Понятно?

— Хорошо. Мы будем осторожны.

— Какова ваша оценка возможности выживания на планете? Последовала пауза.

— Очевидно, те, кто живут здесь, выживают.

— Без убежища?

— Мы не знаем, где оно. Кох выругался про себя.

— Мы предлагаем ждать дальше, — сказал Луиз. — Буря задержала здесь течение событий. Кох промолчал.

— Мы требуем ответа. Команда «Флауэра» реко-

мендует ждать.

— Рекомендация принята.

— Адмирал, мы просим, чтобы это было официально зарегистрировано. Мы просим прекратить полеты над планетой — они могут посчитать это за провокацию. Наш персонал в безопасности и мы надеемся на мирный исход событий. Своими полетами вы можете вызвать военные действия и тогда мы окажемся в центре всего. Сердце Коха отчаянно забилось. Он долго молчал, потом сказал:

— Мы обдумаем предложение и дадим ответ. Ждите. Снова наступила пауза.

— Есть еще сообщение, «Флауэр». Скоро мы выйдем из зоны связи, но сзади движется «Сантьяго», который будет транслировать сообщения. Конец связи.

— Конец связи.

Кох вытер губы и нажал кнопку с Сильверменом и с «Сантьяго». Корабль был на связи и немедленно ответил на вызов.

— Командор Кох. Немедленно связывайтесь со мной в случае необходимости. Затем он вызвал телохранителя Дельдегаса. Тот появился почти мгновенно.

— Сэр?

— Кто-то пролетел над «Флауэром». Кто? Лицо Дегаса было непроницаемым.

— Сейчас никто из наших не имеет никакого задания.

— Я знаю. А как начет наших союзников?

— Я постараюсь выяснить.

— Дель… если это регульцы… теоретически молодые регульцы не могут проявлять инициативы. Но если это неверно, если «Шируг» может функционировать в их руках, тогда это становится проблемой для нас. По соглашению, их челноки могут летать над планетой невооруженные.

— Как и наши, — заметил Дегас.

— Дель, обеспечь, чтобы «Сантьяго» полностью контролировал положение пространства над планетой. Мы должны сделать все, что можно. Регульцы никогда не лгут, таково было всеобщее мнение. Их память устроена так, что любая ложь могла быть опасной для их душевного здоровья. Так утверждали ученые. Кроме того, регульцы были большими законниками. При общении с ними нужно было тщательно взвешивать свои слова, не допуская двусмысленных интерпретаций, формулировок. Так была устроена память регульцев. Память людей такой не была. Дегас медленно кивнул:

— Попытаться войти с регульцами в открытый контакт?

— Нет. Пока нет. Я не хочу тревожить их. Достаточно маневрирования «Сантьяго».

— А если это летают не регульцы?

— Я обдумаю эту возможность.

Кох нахмурился. У Дегаса есть свой интерес во всем этом деле. Возможно, подозрение… или месть… Человек, потерявший жену и сына, мог пойти на что угодно.

— Офицер Сюр-Так, — продолжал без приглашения Дегас, — дезертир. Но, может быть, эта акция спланирована их ведомством заранее. Однако его поведение не подтверждает этого. Он отключил и трассер, и передатчик в каньоне. Его поведение совершенно недвусмысленно: он — мри и он утверждает, что у мри нет кораблей. Однако он мог подвергнуться психологической обработке, когда находился вместе с мри на одном корабле многие годы. Может быть, это мри, который исполняет роль Дункана, офицера Сюр-Так.

Дункан отказался подвергнуться обработке службой безопасности и согласился только на беседу с персоналом «Флауэра». Дегас был вне себя, когда узнал, что высшие чины разрешили это.

— Дункан фанатик, — продолжал Дегас, — и,

как любой фанатик, он видит только то, что хотят от него мри. Я настаиваю, чтобы за планетой было установлено наблюдение, военное наблюдение. Миссия Галея…

— Галей не может отвлекаться на это.

— Тогда кто-нибудь другой.

— Ты хочешь невозможного. Дегас глубоко вздохнул и посмотрел сначала на пол, а затем в потолок с видом величайшего неодобрения. Кох вспомнил, что они росли вместе с Дегасом, однако пути их разошлись. Правда, ум Дегаса и его понимание событий всегда стимулировали работу мозга Коха.

— Мы не можем задействовать Галея, — продолжал Кох. Он подумал, взвешивая доказательства. — Во-первых, регульцы. Очень странно, что они держатся в отдалении от нас. Вполне возможно, что среди них есть те, кто может принимать решения, и, значит, они способны на месть, это ты не принял во внимание.

— Но может быть и не так.

— Кто сейчас у нас эксперт по регульцам? — спросил Кох, и тут же вспомнил: Алдин. Но он уже мертв. Он был стар, как «Сабер». Он был его первым капитаном.

— Кто теперь принял его отдел?

— Доктор Боаз, глава Хен.

— Боаз, друг Дункана, эксперт по мри. — Кох закусил губу. — Я не буду вызывать ее сюда. Она нужна внизу. Дегас пожал плечами.

— Доктор Симон Эверсон занимался регульцами после смерти Алдина. Он изучил библиотеку Кесрита. Пожалуй, он после Алдина и Боаз самый информированный человек.

Дегас прекрасно знал всех людей, входящих в состав экспедиции. Сам Кох редко общался с персоналом «Флауэра». Он не любил иметь дело с гражданскими. В самом начале этой миссии Мел Алдин был полезен ему, когда приходилось общаться с регульцами. Но затем пришла обычная рутина, все вошло в норму и общение с Алдином перестало быть острой необходимостью.

— Вы хотите, чтобы доктор Симон был доставлен сюда? — спросил Дегас.

— Хорошо, — Кох откинулся на спинку кресла. — Галей спустился вниз. Вслед за ним — Гаррис. Два челнока. Мы все время бросаем камни в пруд, где рискуем пробудить что-то. Мне это не нравится. Нам лучше отлететь подальше. Мне не хочется чувствовать себя мишенью.

— Мы можем всегда сделать так, что пока расходятся круги от брошенного камня, мы сумеем

получить множество информации…

Кох глубоко вздохнул. Долгое путешествие… Дегас…

— Все, — сказал он, — все, что будет сделано, должно быть одобрено мною. Он взглянул на Дегаса и подчеркнуто аккуратно записал свой приказ.

6

Но вот подошли и остальные. Они прошли через площадь, поднялись по ступеням. Нлил собрался с силами, чтобы встретить их.

— Святыни в безопасности, — сказал он, обращаясь к кел Диас, которая привела отряд, и посмотрел на сен, пришедших вместе с отрядом кел. Он постарался придать своему лицу уверенность, которой не чувствовал, и встретился глазами с одним из сен, закутанным в золотую мантию от ветра и пыли. — Мне было приказано сначала спасти Святыни. Сен наклонили головы, одобряя его поведение, и это вернуло ему бодрость. Сен сразу же забрали Святыни, завернули их в мантии, так как вуали кел не давали надежного укрытия от ветра. Нлил оставил сен и прошел внутрь здания к остальным кел. Таз разжигал все новые факелы и раздавал их.

— Быстрее, — сказал Нлил, — но ходите осторожнее. Один обвал уже был. Они пошли, не бегом, но быстро. Он смотрел, как они под руководством различных лидеров вошли в башни Кел, Кат, Сен, в кладовые, в башню Госпожи. И

все здание наполнилось тихим топотом шагов. Это ходили те, кто пришел тайком взять то, что принадлежало им самим. Нлил послал Таза, стоящего рядом с ним, поискать лампы и повесить их в коридоре. Тот поспешно повиновался. Вскоре начали появляться кел, спотыкающиеся в темноте. Им пришлось бросить факелы, чтобы захватить побольше груза. Нлил встречал их и вел к месту, откуда был виден прямоугольник света при входе. Он видел, что кел тащат все подряд, не выбирая. Но он сам дал такой приказ, опасаясь нового обвала и стараясь вынести как можно больше.

Таз наконец установил лампы и к облегчению Нлила начали появляться действительно полезные вещи — палатки, металлические шесты для их установки, посуда, сосуды с пищей и маслом, тележка, скатанные маты. В Эдун зашли два сен, взяли одну из ламп и пошли в башню Сен. Нлилу не понравилось это. Он даже пошел сначала за ними, затем остановился, с тревогой глядя им вслед. Он не имел власти там, где дело касалось сен. И все же именно он нес ответственность за них. Он вернулся к двери, куда кел сносили имущество племени, затем вышел на улицу, где оставались два сен, с завернутыми в мантии Свя-

тынями. Он помог уложить Святыни на тележку, обложил их со всех сторон матами. Мерин, Диас и Рас разбирали выносимые вещи и делили их на отдельные ноши. Они не хотели ничего оставлять. Нлил стоял возле них, не вмешиваясь в работу. Его положение не позволяло ему делать это. Он думал об обратном пути: путь предстоял долгий, а сильный ветер не прекращался.

Правда, буря немного уменьшилась. Но может быть, надежды напрасны — и скоро она снова грянет с удвоенной силой. Сейчас он рассматривал руины города, которые толком не рассмотрел по дороге сюда. И мертвых, которые в большом количестве валялись на площади.

— Нам следует похоронить их, — послышался голос. Нлил оглянулся. — Таз. Мальчик потерял в городе всех своих родных. *Всех*.

— Нет. У нас хватит сил только на то, чтобы выполнить порученное нам дело.

— Да, — согласился Таз, единственный, кто из всех кел не имел шрамов.

— Прости, кел Таз. Таз отвернулся и стал копаться в горе имущества. Такова была судьба кел. Они часто теряли своих родных. Нлил взглянул на Рас, которая энергично работала. Он от всей души надеялся, что работа поможет ей в ее

скорби. Нлилу было не по себе, что он не может помочь ей в работе. Он вернулся в Эдун, где кел уже возвращались из кладовых.

— Не убирайте лампы, — приказал он. — Еще двое в башне Сен.

— Хорошо, — сказал один из кел. Нлил пересчитал их. Все здесь. Он приказал сносить вещи вниз, на площадь.

— Рас, — позвал кто-то с площади. — Кел Рас!

«О, боги», — подумал Нлил, про себя ругая кел. Рас спустилась вниз по ступеням, без спешки и без страха. Нлил взглянул на тело возле лестницы. Это была Нелан Элиш, да это она, вне всякого сомнения. Он смотрел, как Рас опустилась на колени возле своей матери, как она взяла из остатков мантии прекрасный меч, служивший Нелан.

— Рас, — позвал Нлил. Она выпрямилась, держа меч на коленях. Песок сыпался на складки мантии. Никто не двигался — ни она, ни кел Тосан, который подозвал ее.

— Рас… — снова позвал Нлил. Она повернула лицо без вуали к нему. Меч прижат к груди. На лице ее не было никакого выражения. Он почувствовал острую необходимость увести ее отсюда.

— Иди сюда, — сказал он. — Мы не можем

оплакивать одного погибшего и не оплакивать остальных. Помни свой долг, Рас. Она вложила меч Нелан в свои ножны, а на тело матери положила свой меч. И отошла, встав рядом с остальными и не говоря никому ни слова. Нлил поднялся по ступеням, бросая гневные взгляды на кел, прекративших работу. Нужно было торопиться. Внезапно, когда он уже поднялся по лестнице, в Эдуне раздался грохот. Все замерли, ожидая обвала.

— Бегите! — крикнул Нлил, и все они бросились вниз, убегая от облака пыли, хлынувшей из дверей. — Всем оставаться на месте — подумав, добавил он. Он натянул вуаль и осторожно направился внутрь Эдуна. Где-то впереди виднелось светлое пятно лампы, но она приносила мало пользы в пыльном облаке. Он всматривался в пыль до боли в глазах, и вот он увидел то, что боялся увидеть: покрытое белой пылью черное пятно на полу.

— Рос, — позвал он, но ответа не было. Пульс не прощупывался и рука Нлила стала мокрой при прикосновении. Он посмотрел на рухнувший потолок, потом перевел взгляд на вход в башню Сен.

— Сен Кадас, — крикнул он и услышал в ответ

только эхо, да стук опавшей штукатурки. Он оставил тело кел и вошел в башню Сен, кашляя от пыли. По спиральному коридору везде шли трещины. Штукатурка осыпалась со стен. Он, осторожно двигаясь, проник в холл сен. Сюда проникал свет из окон. И не только свет, но и ветер, который вздымал облака пыли.

— Сен Кадас, сен Ста.

Там… дальше, за дверью, виднелся свет. Ответа не было. Он боязливо вошел в комнату, где рядами стояли какие-то аппараты. Это был сам город, мозг госпожи и сен. Это тоже была Святыня. Тайна, на которую не имел права смотреть кел. Он прошел дальше, убеждаясь, что все здесь мертво, что умерло само сердце города.

— Сен, — снова позвал он. В ближайшей машине вспыхнул ослепительный белый свет.

— Кто? — послышался рокочущий голос.

— Нлил Сошиль, — ответил он, стараясь сдержать дрожь.

— Почему ты здесь?

— По приказу госпожи Мелеин Интель. Сквозь белое сияние пробились отблески красного и желтого.

— Где госпожа? Нлил в ужасе отступил и свет погас. Он должен был немедленно бежать отсюда,

но двое членов его отряда пропали. Нлил прошел вдоль стены, стараясь держаться подальше от машин. Огни в машинах все время мигали. Иногда они гасли, затем вспыхивали снова.

— Сен, — хрипло крикнул Нлил. Внезапно пол у него под ногами пошел вниз и просел. Он упал, едва успев уцепиться за какой-то предмет. Посмотрев вниз, в провал, он увидел золотое пятно мантии, придавленное каменной стеной весом в полтонны. Это лишило его последней надежды увидеть сен живыми. Спуститься вниз он не мог, да это было и бесполезно.

— Боги, — пробормотал он, вздрогнув и отвернувшись.

— «Я слушаю», — пророкотал Ан-Эхон. Белый глаз вспыхнул. — «Кто?» Нлил попятился и быстро выскочил в холл сен, прошел по спиральному коридору и тут возле поворота его встретил кто-то: одноглазый Десаи, который не подчинился приказу. Нлил схватил его за руку, благодарный ему за то, что он живой.

— Быстрее, — сказал Нлил, и они поспешили к выходу. Нлил перевел дыхание, откашлялся, вытер лицо белыми от пыли руками.

— Идем отсюда, — сказал он. — Здесь нам больше нечего делать. Здесь остались только мертвые.

Он распределил тюки, взял один себе. Сен приготовились везти тележку со Святынями.

— Пошли, — приказал он и стоял, ожидая, пока они все пройдут. Он увидел Рас, которая взяла тюк, слишком тяжелый для нее. Он смотрел на нее, но все его чувства к ней сейчас отступили на задний план перед той ответственностью, которая была возложена на него. Все, что бы он ни делал, заканчивалось неудачно. Они потеряли одного кел, потеряли двух сен, они даже не смогли похоронить их. А он руководил отрядом. Нлил оглянулся назад. Он был последним, кто выходил из города. Прищурившись от ветра, он смотрел на руины. Нет, не таким он хотел запомнить этот город.

Трое погибли… Да и в самом племени он не был уверен, что племя смогло пережить эту бурю. Это было его решение идти сюда. Это было его решение забрать все имущество.

Но он понял, что пустыня — это смерть. Что она забирает, то обратно не отдает. Он делал то, что умел делать, но то, что он делал, ни к чему не вело.

* * *

Кровотечение снова возобновилось, рана болела. Дункан прижал руку к телу и старался как можно меньше шевелить ею. Кашель подступал к горлу и сдерживать его не было сил. Он шел вперед, тяжело дыша. Вкус меди стоял во рту. Он знал, что его преследуют. Он знал это, хотя из-за песчаных дюн не мог видеть преследователей. Солнце уже висело на западе, пробиваясь через пыль своими лучами.

Дус бежал рядом с ним, изредка излучая вспышки гнева. Ветер шевелил песок, создавая иллюзию ожившей почвы.

Но кроме иллюзий встречалось и нечто реальное. Однажды его ногу вдруг охватили щупальца. Дункан выхватил меч и обрубил их. Песчаная звезда извивалась у его ног. Еще совсем маленькая, иначе она достала бы до его лица. Дус съел звезду и Дункан быстро, чуть ли не бегом, пошел дальше. Теперь он шел с обнаженным мечом в руке. Рукоять меча придавала ему уверенности. Приближался вечер. Стало темнеть. Дункан поднял вуаль, но песок сразу засыпал ему глаза и поэтому он был вынужден снова опустить ее и пошел вперед полуслепой, полагаясь только на

дуса и меч.

Наконец солнце скрылось за горизонтом и наступила ночь. Были ли звезды на небе — Дункан сказать не мог. Он не видел их из-за ураганов пыли. Дункан решил остановиться и решить, что же ему делать дальше. Внезапно дус послал ему сильный импульс предупреждения, который подействовал на него, как порыв холодного ветра.

— Идем, — ответил Дункан и двинулся дальше, как можно быстрее.

Соревноваться с мри в ходьбе — это чистое сумасшествие. Самое верное — это остановиться и сражаться. Они дадут ему возможность сразиться один на один. Но Дункан продолжал идти дальше. Внезапно дус покинул его, бросившись влево. Паника охватила Дункана. Опасность грозила ему со всех сторон. Дусы! Импульсы опасности сотрясали тело. Дункан повернулся, выхватил меч, приготовился к бою. Темная фигура появилась из темноты, внезапно сблизилась с Дунканом, не дав ему возможности нанести удар. Крепкая рука сжала его запястье. *Ньюн!* Дункан перевел дыхание, стараясь придти в себя. Импульсы опасности все еще доходили до него.

— Кто они? — спросил Ньюн, держа в руке меч.

— Другое племя, — Дункан хватал ртом воздух,

крепко держа меч и стараясь увидеть то, что скрывалось во тьме: фигуры врагов. Чужие дусы уже подступали к ним. Их было много, во всяком случае, больше двух. Дункан поднял вуаль, чтобы лучше видеть их.

— Кто вы? — крикнул Ньюн.

— Хао-нат, — пришел ответ; хриплый мужской голос. — Кто вы?

— Предводитель кел яном. Прочь с дороги, хао-нат! Вы не имеете права находиться здесь! Долгая тишина. И затем не стало ничего: ни звуков, ни темных фигур. Импульсы дусов стали слабеть, как угасающее пламя, и Дункан весь обмяк, понимая, что смертельная опасность миновала. Сталь с лязганьем вошла в ножны. Ньюн поднял вуаль, показывая свое лицо. Дункан тоже вложил меч в ножны и повернулся к нему. Он страстно обнял брата-мри, остро ощущая дрожь своего тела и горячечный жар тела Ньюна.

— Идем, — сказал Ньюн, обняв его за плечи и подталкивая вперед. Они пошли и две гигантские тени двинулись за ними: дус Ньюна и дус Дункана. Он пытался приноровиться к шагу Ньюна, хотя сил у него уже совсем не было. Позади них все еще оставалась опасность. Ньюн вел их к югу, в каменистые пустынные равнины. Временами

он переходил на бег. Дункан пытался угнаться за ним, приступ кашля согнул его вдвое и после этого он мог только идти. Наконец колени его подогнулись и он без сил опустился на песок. Ньюн сел рядом с ним. Рука его легла на его плечо. Дусы окружили их, создав живую стену.

— Сов-кела? — спросил Ньюн. Дункан перевел дыхание и сжал в ответ руку Ньюна.

— Я дошел до них, Ньюн. Я был там, на кораблях. Ньюн молчал. На лице его не отражалось никаких эмоций, но Дункан чувствовал напряженность брата-мри.

— Я понял это, — наконец сказал Ньюн, — потому что прекратились нападения. Но… но не для этого ты ходил к ним. И они позволили тебе уйти снова.

— Пришли регульцы, — оказал Дункан. В глазах Ньюна сверкнула такая ненависть, что Дункан едва не вскрикнул — такое чисто физическое ощущение испытал он при виде этой ненависти.

— Регульцы и люди?

— И те, и другие.

— Союзники, — сказал Ньюн с гневом и отчаянием.

— Больше не будет обстрелов. Регульцы не стреляют, а люди поняли… Ньюн, они слушали

меня. Госпоже… они предлагают войти в контакт, поговорить с нею. Снова ярость в глазах. Дункан вздрогнул.

— Тебя наняли? — спросил Ньюн. Это был разумный вопрос. Мри всегда были наемниками.

— Меня никто не нанимал. Ньюн потрогал раненую руку Дункана, увидел кровь.

— Я встретился с предводителем кел Хао-нат. Или он, или дус вступили в бой раньше меня.

— Он мертв?

— Я оставил его возле трубчатого дерева. Яд дуса… я думаю, что с ним все покончено.

— О, Боги! — Ньюн сплюнул. Он взял сумку Дункана, перевесил ее на свое плечо и они снова пошли. Дункану стало легче идти, но все же он с трудом поспевал за Ньюном. Тот останавливался, поджидал, помогал ему идти.

— Что они могут сделать теперь? — спросил Дункан.

— Меня вызовут на дуэль, но дело не в этом. Опасность может поджидать племя.

— Мелеин…

— Я не знаю, — Ньюн старался идти быстрее и торопил Дункана. — Бог знает, кто сейчас рядом с госпожой. Я здесь, Нлил в городе… Хао-нат вернулись сейчас к своей госпоже. Они не могут

вызвать меня на дуэль без ее разрешения. Но долго это положение не может продолжаться. Если… — у него перехватило дыхание. — Если они догонят нас, то я буду драться по очереди со всеми. Но встреча с госпожой… это другое дело. Госпожа — это наша защита, а мы — ее защита. Больше он ничего не сказал. Взвалив сумку на плечи, он пошел дальше. Дункан, полуслепой, побрел за ним, ориентируясь по звукам, по ощущениям дуса, наконец хватаясь за руку Ньюна.

* * *

Они нашли место для отдыха — каменистую гряду среди бесконечных песков. Дункан буквально рухнул на землю, чувствуя, как болит все его тело. Он припал губами к фляжке, стараясь утолить боль в горле. Затем он предложил фляжку Ньюну, который допил остатки и выбросил флягу. Дусы прижались к ним, защищая от ветра. Пока что не было никаких признаков преследования. Дункан лежал и чувствовал, что ему больше в жизни ничего не надо, кроме того, чтобы лежать и спокойно дышать. Ньюн растолкал его, чтобы осмотреть рану. Он оторвал полоску от своей вуали, смочил ее слюной дуса и перевязал рану. Дункан не задавал вопросов. Ньюн знал,

что делать.

— Ци-мри на кораблях, — спросил Ньюн. — Ты их знаешь?

— Знаю.

— Ты долго говорил с ними?

— Нет. День и ночь.

— Значит ты медленно шел.

— Я сбился со следа. Но шел я, действительно, медленно.

— Ай, — Ньюн некоторое время сидел неподвижно, затем толкнул ногой сумку, которую нес. Это был вопрос.

— Пища, — Дункан потянулся к сумке, чтобы показать, но Ньюн перехватил его руку. — Твоего слова достаточно. Но Дункан взял сумку, достал из нее пакет сушеного мяса. Он положил кусок себе в рот, сдвинув вуаль в сторону, предложил Ньюну.

— Ци-мри. Но если они предлагают, я беру. Пищу. Воду. Ничего больше.

Ньюн взял мясо и по этому движению Дункан понял, что Ньюн сам находится на пределе, что он ужасно устал, что он очень голоден. Паника охватила Дункана. Он думал, что они недалеко от племени. Но если путь сюда так вымотал Ньюна, то… Он с трудом разжевал мясо и с не меньшим

трудом проглотил.

— Слушай меня. Я расскажу тебе, что случилось. Лучше, если мы будем оба знать. Когда мы приземлились, я оставил на корабле включенные передатчики, которые предупреждали, что для нападения нет причин. Регульцы прибыли первыми. Они уничтожили корабль и передатчик. Люди не слышали предупреждения. Регульцы решили, что людям это не нужно знать. Глаза Ньюна, не отрываясь смотрели на Дункана.

— Регульцы напали, — продолжал Дункан, — и город, защищаясь, открыл огонь. Когда прибыли люди, они оказались втянутыми в войну, поверив регульцам. Но теперь они знают, что регульцы обманули их и это им совсем не нравится. Старший регулец пытался заставить меня замолчать, и я убил его. Молодые регульцы остались без руководства и теперь здесь все решают люди. Я сказал им, Ньюн, я сказал им, что не подчиняюсь их приказам, что я теперь кел. Они послали со мной письмо к госпоже, чтобы та пришла на переговоры. Они хотят получить гарантии, что мри никогда не нападут на планеты людей.

— Они хотят говорить с ней?

— Или с кем-нибудь, кто будет ее голосом. Они разумные существа, Ньюн. Ньюн молчал, погру-

женный в раздумья. По выражению его лица Дункан понял, что Ньюн желал бы никогда не видеть людей.

— Они будут ждать ответа, — добавил Дункан. — Это конец кошмару, выход из положения.

— Хао-нат! — сказал Ньюн. — Хао-нат.

— Я не думаю, что люди выйдут из корабля без всякой защиты, — сказал Дункан.

— Сов-кела! Корабли над планетой, обстрел Ан-Эхона — неужели ты думаешь, что племена слепы и глухи, что они не обращают внимания на все это? Каждое племя на планете, увидев это, подумает о своей защите. Ан-Эхон в руинах. Это может случиться с каждым городом. Теперь хао-нат знают, что все произошло на территории яном. Дункан понял, что может случиться, и прикусил губу. Какой-нибудь город другого племени может открыть огонь по кораблям.

— Твои мысли? — спросил Ньюн.

— Возвращаться на корабль. Вместе. Ты и я. Убедить машины городов, то мы не враги. Однако мы не можем.

— Мы не можем, — подтвердил Ньюн. Дункан собрал все силы и стал подниматься. Ньюн собрал сумку и тоже встал, протягивая ему руку. Дункан игнорировал помощь.

— Путь долгий, — сказал он. — Если можешь, брось меня и иди вперед. Я пойду следом.

Ньюн ничего не сказал. Он поднял вуаль, так как ветер немного ослабел. Видны были звезды на небе — первые звезды за несколько дней. Они двинулись в путь и через некоторое время Дункан спросил:

— Далеко идти?

— Хотелось бы мне это самому знать, — ответил Ньюн. Теперь они шли по песчаной равнине. Изредка перед ними возникали песчаные фонтаны. Это буроверы стремились уйти с их пути, предупрежденные дусами.

— Буря, сов-кела… Я очень тревожусь, я знаю, что они не остались там, где были. Они не могли остаться.

— Палатки…

— У них нет палаток. Дункан глубоко вздохнул и подумал о детях, о стариках. Он нарисовал в мозгу изображение Мелеин для дусов. И получил обратно что-то непонятное. Непонятное, ждущее их впереди и страшное, что было уже позади.

— Я ощущаю что-то опасное, — сказал Ньюн. — Нужно было бы вернуться обратно в бурю, но уже поздно, нам не успеть. Я еще никогда не испытывал такого ощущения, сов-кела.

— Здесь бродят дикие дусы, — сказал Дункан и сразу вспомнил то, что ему пришлось пережить. Он вздрогнул, споткнулся. Где-то вдали раздался протяжный вой.

— Мелеин, — пытался внушить дусам Дункан. Но дусы шли рядом с ними и Ньюну, и Дункану не оставалось ничего другого, кроме как идти за ними.

7

Луиз появился в дверях лаборатории «Флауэра». Он прислонился к дверному косяку. Лицо его было крайне встревожено.

— Еще челноки, — сказал он. — Два. Они летают парами.

— Донесение почти готово, — Боаз быстро запечатала бумагу в конверт, сунула в маленький переносной сейф и закрыла замок на коде. Все эти предосторожности были ей противны. За пятьдесят лет своей жизни она научилась презирать военных. Большая ее часть пришлась на войны — сорок три года шла война с мри. И вся ее деятельность, как ученого, была так или иначе связана с войной. В последнее время, на «Флауэре», она занималась расшифровкой записей мри — и эти записи привели их сюда, привели к уничтожению городов мри, смерти детей. И сознание своей причастности к этому причиняло ей большие душевные муки. Она сделала мри больше вреда своим пером, чем все оружие «Сабера», чем все военные корабли людей. Но у нее, в общем-то, не было выбора — это была ее работа.

Когда-то у нее были иллюзии, она верила в свободу научной деятельности, в возможность получать знания ради знаний. Она верила в то, что ее научное положение сделает ее независимой от тех, кто делал политику, она верила в то, что сможет сказать: «нет».

Она передала сейф в руки Луиза и взглянула на другого человека, вошедшего в лабораторию: Эверсон, Сим Эверсон, лысоватый мужчина, походка у которого такая, что, казалось, он вот-вот развалится. Боаз протянула ему руку. Три года Эверсон работал на «Флауэре» — с самого начала миссии на Кесрите — и теперь он был старейшим членом экипажа научного корабля. Он считал свою работу настолько важной, что не представлял себя без нее; он работал, чтобы увеличить количество знаний людей. В основном, он специализировался на регульцах. Он работал медленно, методично, и буквально наслаждался, копаясь в залежах информации, которые накопились у этих долгожителей вселенной. После смерти Алдина он принял его лабораторию, унаследовал все его записи и материалы, и еще более углубился в работу по систематизации и составлению картотек. Вряд ли Эверсон считал, что его работа может в какой-то мере заинтересовать

военных. Он был так далек от всего мирского, что никакие моральные страдания не касались его. И только сейчас он почувствовал что-то — ведь его отрывали от работы и он был слегка встревожен.

— Сим, сейчас необходима осторожность, — сказала Боаз. — Происходит что-то непонятное. Темные глаза посмотрели на нее. Эверсон не привык смотреть на людей. Он всегда смотрел вниз. Сейчас он пожал сутулыми плечами.

— Что я могу сделать? Все записи находятся в страшном беспорядке. Я уже говорил об этом. Мне понадобится не меньше недели, прежде, чем я разберу их и смогу отвечать на вопросы.

— Сим, я сейчас говорю о регульцах. Происходит что-то непонятное. Лоб Эверсона прорезали морщины. Несмотря на свой возраст, он соображал быстро. Луиз сложил руки на груди и прислонился к стене. У него в последнее время болели ноги.

«Он уже стар, — подумала Боаз. — Стар, как и Эверсон. Мы все уже стары. Никто из нас уже не сможет вернуться к людям. Мне около шестидесяти, Луизу — семьдесят пять, Коху — не менее семидесяти… А некоторые из нас уже умерли — например, Алдин…»

— Кох хочет побыстрее получить информацию

о регульцах. Боаз права: с нашими союзниками происходит что-то непонятное. Эверсон медленно моргнул:

— Метаморфоза?.. Мы считали, что на это требуется много времени.

— Может, повлияло то, что условия потребовали быстрой метаморфозы?

— Возможно. — Эверсон нахмурился, не глядя ни на кого конкретно. Он смотрел куда-то вдаль, как бы следуя за своими мыслями.

— Сим, — повторила Боаз. — Сим, будь очень осторожен. Эверсон взглянул на нее.

— Не доверяй этим людям, — сказала Боаз. — Думай, прежде, чем ответить на что-либо им. Подумай, как они могут интерпретировать твою информацию, что они могут сделать с ней. Они не могут быть объективными. Им нельзя доверять. Им нужна твоя статистика только для того, чтобы придать видимость справедливости тому, что они хотят сделать. Это единственная причина, почему они спрашивают нас.

— Боаз — запротестовал Луиз, бросая предостерегающий взгляд на систему внутренней связи. — Не забывай, что экипаж «Флауэра» — это, в основном, военные.

— А чего мне бояться? Чем я рискую? Карьерой?

Никто из нас уже не получит новой должности в будущем. А заменить нас здесь никем они не смогут.

— Но наше влияние, Боаз…

— Какое влияние? Вспомни, что бесценные города уже обращены в руины, что разумные существа безжалостно уничтожаются… А мы только наблюдаем, только делаем записи… И наша информация используется для того, чтобы регульцы и мри могли уничтожать друг друга. Может быть и люди скоро присоединятся к этой бойне. Дункан бросил все и ушел. Неожиданно я начала понимать его. Он, но крайней мере…

В коридоре появилась тень, и Боаз замолчала. Это был Галей с «Сабера» и с ним еще кто-то. Боаз несколько удивилась. Она давно знала этого человека, еще с Кесрита. Сейчас ему было уже за тридцать и вид у него был очень озабоченный. Когда он вернется в мир людей, то будет уже глубоким стариком. «Все мы смертны», — подумала она и эта мысль не принесла ей радости.

— Доктор Эверсон? — спросил Галей, входя в лабораторию вместе со своим спутником. Он протянул Луизу кассету, подписанную Кохом. Затем представил своего спутника. — Лейтенант Гаррис. Поведет челнок с доктором Эверсоном. Я

и мои люди остаемся здесь. Все распоряжения на кассете. Доктор, вам пора собираться. Наступила тяжелая пауза.

— Что происходит? — прервала ее наконец Боаз.

— Не знаю, — ответил Галей, избегая ее настойчивого взгляда. — Сэр, — обратился он опять к Эверсону, — у нас мало времени. Вам нужно побыстрее собраться. Луиз протянул Гаррису конверт и получил от него расписку. Галей взглянул на Боаз, движением руки пригласил Эверсона и они втроем вышли из лаборатории. Дверь закрылась за ними.

— Черт побери! — выругалась Боаз.

— Мы ничего не можем сделать, — сказал Луиз.

— Вся его жизнь, — качая головой, пробормотала Боаз, — моя жизнь, твоя жизнь — ушли на это. Больше, чем просто годы. Мы можем улететь отсюда. Но зачем? Где уверенность, что Ставрос все еще губернатор на Кесрите? Нет, новая политика, новый губернатор. И с чем мы вернемся? Что мы расскажем им о том, что видели здесь? И кто задаст нам тот вопрос, который нужно задать? Никто, Эмиль. Луиз обхватил себя своими тонкими старческими руками и посмотрел на нее.

— А теперь мы втянуты в военную авантюру.

— У меня не выходит из головы, что здесь мы крайне уловимы. Боаз, я хочу просить, чтобы весь персонал был вывезен отсюда. Мы не можем рисковать жизнью пятидесяти восьми человек.

— Нет! — Она резко встала. — «Флауэр» останется здесь. Мы останемся здесь. Мы будем ждать Дункана, пока есть хоть капля надежды. Это — наша единственная цель. Больше мы ничего не можем сделать для него и пятьдесят восемь жизней здесь ни при чем. Забудь об этом. Она пошла к двери и резко обернулась к нему.

— Мы теряем мри, ты знаешь это. И мы не сможем выиграть игру в выжидание с регульцами.

— Но мы можем осторожно надавить на них. Это все, что мы можем сделать.

— А они сделают вид, что не поймут. Это их игра. Смена поколений у нас происходит гораздо быстрее, чем у них. Наша жизнь ничто по сравнению с их тремястами годами. Если ты прав и среди них появился взрослый регулец, то они спокойно переживут нас. И, даже если у них и нет сейчас взрослого, то он появится в будущем году. Рано или поздно, но «Сабер» вынужден будет забрать нас отсюда. Мы смертны, Эмиль. Мы мыслим категориями недель, месяцев. У регульцев они

тянутся годами и десятилетиями. Неужели ты не понимаешь, что регульцы могут выждать лет пятьдесят-сто и потом окончательно расправиться с мри. Мы этого не можем. Пятьдесят лет — и мы все мертвы! Луиз посмотрел на нее темными глазами из-под полуопущенных ресниц и губы вытянулись в тонкую линию:

— Не нужно говорить так, Боаз. Мы потеряли многих, кто думал так же. Я не хочу слушать тебя.

— Четыре самоубийства? О, нет. Это дорога для молодых, вроде Галея, которые еще не лишились иллюзий относительно своего будущего, относительно жизни, когда закончится их миссия здесь. Мы с тобой слишком стары для этого. Но зато у нас есть то, чего нет у молодых — у нас есть прошлое. Многие из них еще смогут вернуться домой, а мы уже нет. Она пожала плечами, но это движение больше напоминало судорогу:

— Этот мир, Эмиль, одна большая могила — моря пересохли, города вымерли — жизнь кончилась тут. О, боже, как можно находиться здесь молодым? Уж лучше быть старым. Луиз подошел к ней, взял ее руки и она прижалась к нему, пока ее дрожь не унялась.

— Эмиль, — попросила она. — Обещай мне кое-

что. Поговори с людьми. Позволь мне поговорить с ними. Мы можем и должны оставить «Флауэр» здесь вместе со всеми людьми. Мы не должны облегчать задачу ни для людей, ни для регульцев.

— Нельзя, Боаз. Я не знаю, что решил Кох, оставить нас или поднять на орбиту, но мы не имеем права мешать ему, предпринимая незапланированные действия. Мы обязаны защищать экипаж и должны быть готовы подняться в любой момент, как только поступит приказ. У Коха всего два межзвездных корабля и мы не имеем права играть с этим.

— Мы не имеем права помогать регульцам уничтожить мри.

— Я не могу больше слушать тебя.

— Не хочешь! — Боаз отвернулась, глубоко вздохнула, снова посмотрела на него. — Что прислал нам Кох? Луиз достал из кармана кассету и посмотрел на нее как на гремучую змею.

— Мне бы хотелось услышать, что полеты совершают не наши челноки.

— Включи пленку, — сказала Боаз. Она закрыла дверь. — Послушаем вдвоем. Он с сомнением посмотрел на нее, нахмурившись. Но все же обошел вокруг стола и вставил пленку в плейер.

По экрану побежали цифры, условные обозна-

чения, появилась эмблема «Сабера». Боаз присела на край стола, сложив руки, сердце ее билось от волнения.

— …просим сотрудничества персонала «Флауэра» с военной миссией. Наш корабль — база для операций. Глава миссии — лейтенант-командор Джеймс Р. Галей. Все решения по операции принимает Галей, включая и отбор кандидатов из персонала «Флауэра» для проведения операции Код Данте. Предлагаем Д. Тенсис принять участие в операции. Операция — это только ознакомление с цивилизацией, попытка понять характер городов мри. Если персонал «Флауэра» откажется сотрудничать, нам придется поискать другие возможные решения. Боаз вскочила со стола и пошла к двери.

— Боаз! Она остановилась. Лента продолжала крутиться.

— Боаз, — уже спокойнее повторил Луиз. Брови его недовольно сблизились. — Тебе пятьдесят два года! Ты ничего не сможешь сделать полезного для этих молодых людей.

Боаз взглянула на него, на свое пухлое тело, яростно сопротивляющееся любой диете. Она понимала, что ей не влезть в стандартный скафандр. Она вела неправильный образ жизни — слишком

много писала, слишком много читала, слишком много сидела за столом. И вот теперь вся ее оставшаяся жизнь находится в руках этого молодого военного, который, наверняка, не понимает ситуации, сложившейся здесь.

— Эмиль, — сказала она. — Я хочу поговорить с мистером Галеем. И ему придется выслушать меня.

— То есть, ты хочешь, чтобы операция была согласована с тобой? Она бросила на него яростный взгляд и перевела дыхание.

— Я собираюсь изложить ему все, что касается ситуации. Ты должен признать, что я понимаю что здесь происходит — лучше, чем Дамон Тенсис и Сим Эверсон. Он не стал возражать. Боаз пошла по коридору так быстро, как только могла. По дороге она обернулась, ожидая увидеть Луиза в дверях. Он и стоял там. Он медленно кивнул ей. Да, сам он слишком стар, но он понимает ее опасения, ее душу, ее сердце. Если бы он мог, он шел бы впереди нее. Жалость перехватила ей горло. Он кивнул, повернулся, а она пошла искать Галея.

* * *

Гаррис включил двигатели и бросил взгляд на приборы. Он мысленно уже был на «Сабере», где

ждала его чашка кофе и день отдыха — награда за сегодняшний полет. Менее всего он думал о маленьком человеке, сидевшем справа от него и нервно ерзающим в кресле.

— Все в порядке, — успокаивающе заметил Гаррис. Он решил совершить посадку как можно мягче. Все-таки этот человек был намного старше его. Эверсон жалобно смотрел на него. На его лбу уже выступили капли пота. Гаррис снова посмотрел на приборы и начал плавный подъем. На альтиметре уже появилась отметка 6000 метров. Эверсон заметно волновался.

— Все в порядке, сэр, — доложил Гаррис и поправил телефоны, чтобы быть уверенным, что он не пропустит указаний центра управления. Сейчас они летели над пустыней. Ярко-желтые пятна песчаных долин перемежались белыми рваными пятнами облаков. Весь путь контролировался лучом радиолокатора. Прибор показывал, что по их курсу не было городов и, значит, исключалась возможность провокаций. Гаррис внимательно посмотрел на сидевшего рядом с ним. Тот, казалось, успокоился. Он склонился к экрану и внимательно осматривал то, что пролетало под ними. Покой. Песок, небо и покой. Гаррис облегченно вздохнул и снова взглянул на приборы.

Внезапно успокаивающе ровный тон в его наушниках перешел в вой и Гаррис бросил быстрый взгляд на экран. Сердце его бешено заколотилось. Он включил ускорение и резко изменил угол полета. Эверсон тихо ахнул.

— Что-то у нас на хвосте, — сказал Гаррис. — Проверьте ремни, — это он сказал просто для того, чтобы отвлечь мысли Эверсона от возможной опасности. Сам же он не отрывал взгляда от экрана, на котором виднелись две светящиеся точки. В животе у него похолодело: ведь сейчас те были в том положении, когда могли открыть огонь. Гаррис увеличил скорость полета. Сердце его оказалось где-то под горлом. Он включил аппаратуру связи, нарушив данный ему приказ о радиомолчании:

— «Сабер», «Сабер». Здесь НАС-6, меня преследуют. Он выключил связь, сорвал наушники и тут же в его уши ворвался вопль Эверсона. Светящиеся точки снова приближались. Гаррис закончил разворот и снова увеличил скорость до максимальной.

— Проси помощи! — крикнул Эверсон.

— Никого не слышу! — ответил Гаррис. Он снова вышел на связь:

— Меня преследуют два неизвестных объ-

екта. Кто-нибудь слышит меня? Он совершал немыслимые маневры, стараясь оторваться от преследователей, но так, чтобы они не исчезли с экрана. Эверсону стало совсем плохо. Гаррис достал гигиенический пакет и сунул его Эверсону. Послышались звуки рвоты и это вызвало приступ тошноты у самого Гарриса.

— Вода во фляге, — сказал он. И со злостью добавил: — Только не обгадь все вокруг. Нам здесь еще долго сидеть.

Под ними была дневная сторона планеты. «Сабер» был где-то за горизонтом и на экране не было видно ни всплеска. Где-то неподалеку от них сейчас находился корабль регульцев «Шируг», а внизу, на планете, лежали города мри, которые в любую минуту могли открыть огонь по их челноку.

Гаррис вытер пот с лица, стараясь обнаружить «Шируг». Он очень боялся увидеть его на переднем экране, особенно в такой момент, когда за ним гонятся два корабля.

— Возвращаюсь на курс, — сказал он в пустоту эфира, не обращаясь ни к кому в частности. — Кажется, снизу в нас никто не собирается стрелять. Эверсон промолчал. Гаррис сориентировался, и поверхность Кутата проплыла на переднем

экране.

Легкая дрожь охватила все мышцы Гарриса. Он знал, что где-то за горизонтом находится «Сабер» и командор волнуется из-за того, что он нарушил расписание. А где-то поблизости барражирует «Сантьяго», который присматривает за кораблем регульцев. Но вот что-то снова зажужжало в его наушниках и на экране появилась точка. Но самом краю экрана. Гаррис впился в нее глазами. В висках у него стучало так, что он почти перестал слышать наушники. Эверсону он ничего не сказал. Может, следует сделать еще один нырок в атмосферу? Пот стекал по его лицу и он вытер лицо тыльной стороной ладони. Точка не приближалась и он подумал, что может ему позволят лететь по своему курсу.

— Нам еще долго? — спросил Эверсон.

— Не знаю. Только не волнуйся. Пока ничего опасного. Точка исчезла с экрана так же внезапно, как и появилась. Но это не дало ему ощущения безопасности. Она была все равно где-то рядом и могла снова появиться в любую секунду. Желтые пески Кутата кончились и на экране возникла белая полярная область. Впереди терминал.

«Будь там, — молил он про себя. — „Сабер“, „Сабер“, ради бога, будь там». Эверсон достал из

кармана пузырек с таблетками и положил одну в рот. Лицо его стало совсем белым.

— Все идет нормально, — успокоил его Гаррис. — Успокойтесь, сэр.

— Мы живы, — пробормотал Эверсон.

— Да, сэр, мы живы. В три часа на экране появилась светящаяся точка. Наушники взорвались пульсирующими звуками. Частота импульсов непрерывно увеличивалась при приближении к объекту. Значит, объект был большим.

Вспыхнул экран дисплея. По нему побежали цифры — кодированные сигналы, запрос. Послышался женский голос:

— Челнок НАС-6. Здесь «Сантьяго». Он включил связь, сразу ослабев от радости:

— Я — НАС-6. Меня преследовали два неопознанных объекта.

— Ясно, НАС-6. Дальше по курсу вас поведем мы. «Сабер» ждет тебя. Гаррис произвел необходимую перестройку, вспомнил об Эверсоне, взглянул в его круглые глаза, в которых светился вопрос, и ободряюще кивнул ему.

Они летели дальше в ночь под защитным полем «Сантьяго». Теперь он ясно видел на экране силуэт «Сантьяго», а впереди вспыхнула новая светящаяся точка: «Сабер».

* * *

Гаррис неуверенно пошел на негнущихся ногах, заметив кивок, приглашающий его в кабинет адмирала, вошел туда и встал, глядя на героя Элага, Хайзена и Адавана, лицо которого он раньше видел только на портретах и никогда воочию.

Формальности были короткими:

— Эверсон? — спросил адмирал и голос его был угрюм.

— Его взяли медики, сэр. Немного испуган.

— Сейчас служба безопасности просматривает твои записи. Садись, лейтенант. Ты видел нападающих? Гаррис опустился в предложенное ему кресло, посмотрел на сухое, угрюмое лицо.

— Нет, сэр. Я пытался рассмотреть. Небольшие, не очень быстрые, но обладающие высокой маневренностью. Они, в общем-то могли сбить меня, хотя двигались довольно медленно.

— Своей ремаркой ты даешь понять, что это могли быть регульцы? Гаррис молчал. Что может произойти, если он выскажет это предположение и ошибется?

— Я не могу быть уверенным на сто процентов ни в чем, сэр. Размеры кораблей, как у регульцев и они избегали крутых поворотов и резких подъ-

емов. Я летал против мри. Те действуют совсем не так. Быстро. Они предугадывают твой маневр и выходят наперерез. — Он замолчал, смущенный тем, что ему приходится говорить это человеку, который воевал с мри еще до того, как он, Гаррис, появился на свет, и который сейчас рассматривает его с холодной расчетливостью. Кох все это знал и сам. Что мог нового сказать Гаррис этому старому солдату?

— Я просмотрю твои пленки, — сказал Кох и Гаррис тревожно подумал, не упустил ли он чего-либо существенного.

— А ты, — спросил Кох, — приготовил оружие?

— Да, сэр.

— Маневрировал для стрельбы?

— Нет, сэр. Они зашли снизу и мне пришлось сделать зигзаг и уйти без стрельбы.

Кох кивнул. Это могло быть и похвалой его действиям, но могло быть и просто подтверждением того, что он — понял. Кох включил тумблер на панели пульта. Недолгое молчание, затем экран вспыхнул. Но Гаррис не мог ничего видеть под таким углом.

— Доктор Эверсон находится в лаборатории медиков, — сказал Кох, и Гаррис сразу понял, что он попал в щекотливое положение; он попал

между военными и гражданскими — в самый центр конфликта.

— Медики утверждают, что ничего особенного с ним не произошло, он в относительно хорошей форме. Но им придется подержать его у себя немного. Мы потом поговорим с ним. Он делал какие-нибудь замечания во время полета?

— Нет, сэр. Он мало что мог видеть.

— А корабли?

— Не думаю, что он их видел.

— Откуда они взлетели?

— По-моему, с востока. Зашли снизу и пристроились с хвоста. Кох медленно кивнул и откинулся на спинку кресла.

— Я отметил твою работу, лейтенант, ты свободен. Все.

— Сэр, — Гаррис поднялся, отсалютовал и вышел в приемную. Пройдя мимо секретаря он вышел в коридор. Вероятно, его назначат и в другие полеты. Он прошел через ужасы войны и теперь, казалось, воина кончается. Он верил в это. Как верили и все остальные люди.

Гаррис завернул в холл для отдыха, где сейчас должно было быть много людей — и мужчин, и женщин. Он хотел оказаться в обществе, пока не успокоятся его нервы. Это было неофициальное

место, где собирались люди перед полетом, чтобы немного разрядиться, и после выполнения задания, чтобы снять напряжение. Здесь автомат круглосуточно выдавал горячий кофе, здесь собирались люди, не требующие откровений друг от друга и нуждающиеся только в том, чтобы не быть одним.

Гаррис прошел к автомату, налил чашку горячего кофе, добавил немного эрзац-сливок. И вдруг он осознал, что в холле необычайно тихо. И мужчины, и женщины собрались вокруг центрального стола. Некоторые сидели, некоторые стояли вокруг. Гаррис осмотрелся и обнаружил, что на него никто не обращает внимания, после чего задумался, в чем же дело. Джеймс, Монтойя, Хэйл, Суонава, Иванов — он знал их всех, хорошо знал, слишком хорошо, чтобы понимать, что такая тишина здесь необычна. Он прошел между ними, чувствуя себя очень скованно. Суонава пододвинул к нему ногой стул. Гаррис опустился на него и отпил кофе. Тишина стала действовать на него угнетающе. Одни сидели, другие стояли возле стола.

— Что-нибудь случилось?

— НАС-10 не вышел на связь, — сказал кто-то.

Сердце Гарриса бешено забилось. Он вспомнил

яркие точки на экране, выпил еще глоток и сел, сцепив пальцы, чтобы не было заметно, как они дрожали. Он знал Вана. Они вместе летали на Хэйвене. Ван был одним из лучших. Он посмотрел есть ли здесь кто-нибудь еще, кто летал с ним. Никого…

— Подробности есть? — спросил он.

— Просто не вышел на связь, — сказал Иванов.

— Мри, — резко сказал Суонава. — Мри! Гаррис поднял голову:

— Не говори так, — внятно произнося слова, заявил он. — Я так не думаю. Нет, это не мри. Никто не возразил ему, воцарилась тишина. Люди с мрачными лицами стояли вокруг стола. Все молчали. Так могло случиться с каждым из них. Внезапно будущая карьера для каждого из них превратилась в нечто эфемерное, призрачное. Время от времени кто-нибудь из пилотов отходил от стола, наполнял свою чашку кофе и возвращался к столу. По-прежнему все молчали. Гаррис смотрел, как в его чашке отражаются огни и думал, думал над тем, что пришлось вынести ему.

* * *

Было очень приятно видеть кел, стоящего высоко среди камней вблизи лагеря. Нлил помахал

рукой и часовой радостно закричал. Его крик подхватили и другие.

Камни, казалось, ожили. Сначала появились черные фигуры, а затем голубые и золотые. Колонна ускорила шаг, как бы забыв об усталости, о натруженных спинах и больных ногах. Братья и сестры кел поспешили к ним на помощь и даже дети-кел подставляли свои слабые руки под тяжелые тюки, крича от восторга.

Только сен, несшие Святыни, отказывались от помощи, пока к ним не подошли братья сен. Нлил, у которого кел взяли его груз, сопровождал сен с их драгоценной ношей в лагерь.

Смех, радостные крики сопровождали шествие, но когда колонна достигла центра лагеря, все стихло. Там, на плоском камне, сидела в ожидании госпожа, одетая в белую мантию. Сен со Святынями остановились перед ней и Нлил, забыв об усталости, почувствовал как тело его все дрожит от восторга. Госпожа подошла к Святыням и посмотрела на Нлила.

— Кел, — сказала она и он с закрытым вуалью лицом подошел к ней и опустился на колени в песок.

— Трое погибли, — тихо сказал он и спокойный, но ясный голос его был слышен всем. — Сен Ста,

сен Кадас, кел Рос. В Ан-Эхоне… обвал погубил их. Эдун в руинах. Она опустила глаза на Святыни и снова подняла их:

— Кто спас это?

— Я, — ответил он, подняв вуаль. — Я, Мерин, Десаи и Рас — по моему требованию…

— А энергия города… жива или мертва после обвала?

— Жива, — ответил он, — я видел.

— Что ты видел?

Несмотря на чувство собственного достоинства, которого от него требовал Закон кел, Нлил неуверенно взмахнул рукой. Он стал вспоминать то, что хотел бы стереть из памяти. Он закрыл глаза и снова перед ним встало то, то поразило его в Эдуне: ряды машин, мелькание огней, красных, золотых… и голос:

— …Я назвал свое имя и твое…

Госпожа некоторое время молчала. Нлил смотрел в ее лицо… молодое, украшенное шрамами кел…

— Святыня повреждена, кел Нлил?

— Нет…

— Ты отослал назад половину из тех, кого я послала с тобой. Мы благодарим тебя за это. В лагере никто не погиб, благодаря тому, что ты

обеспечил защиту. Вряд ли мы выжили бы без твоей помощи. Он в замешательстве смотрел на нее, с трудом понимая, что эта молодая, холодная госпожа благодарит его.

— Мы все обязаны тебе жизнью, — сказала она. — «Все», — она поднялась, подошла к нему, поцеловала в лоб и потянула за руки, поднимая с колен.

— Госпожа, — пробормотал он и отступил назад, освобождая место для остальных. Кел подходили и она целовала всех. На лицах каждого из кел было замешательство — они не подозревали, что эта холодная госпожа способна на такое проявление благодарности. Только Рас подалась назад и, когда стало ясно, что она осталась последней, спросила:

— Предводитель кел не вернулся? Где он, госпожа? Могу я задать этот вопрос?

— Пока не вернулся. И Рас повернулась и пошла прочь.

— «Рас!» — прошипел Нлил ей вслед. Сердце его упало. Он не знал, что ему делать, броситься ли за Рас или остаться и умолять госпожу, чтобы она не наказывала Рас за такой проступок. Ведь наказание должно было последовать. Но Мелеин просто отвернулась, как бы не замечая ухода Рас.

— Делайте лагерь, — сказала она в мертвую тишину, и затем резко хлопнула в ладоши и энергично приказала:

— Работайте!

— Живее! — эхом отозвался кел Серас и тоже хлопнул в ладоши. Работа закипела. Нлил стоял неподвижно, глядя в глаза госпожи, которая смотрела куда-то вдаль. Затем она повернулась к Нлилу и некоторое время рассматривала его открытое лицо. Затем, так не сказав ни слова, она отвернулась.

Этой ночью они спали в палатках. В них было светло, тепло от множества тел, лежащих на тюфяках, расставленных прямо на песке и камнях. Но самое главное… «Святыня». Мелеин держала у себя ее, открыв всего лишь раз и убедившись, что драгоценные листки в целости и сохранности. Сейчас она села в кресло и задумалась. Безмятежное довольство царило в лагере — впервые за много дней, такое приятное после прошлых страданий.

Думая о Ньюне, она не позволяла страху овладеть собой. Он опаздывал… но ведь в пустыне была буря, затруднявшая ему путь. А то, что он сумеет выжить здесь не хуже тех, кто родился на этой планете, не вызывало у нее сомнений.

Она сидела, крепко закутавшись в мантию. Святыню держала рядом. Мелеин время от времени протягивала руку и дотрагивалась до нее. Этот предмет был с нею все время долгого путешествия. В нем содержались сведения о всех прошлых путешествиях. Подсознательно она боялась, хотя ее гордость не позволяла ей сомневаться в себе, — что она не сможет спасти те жизни, которые тяжким грузом лежали на ней. Она не могла позволить себе бояться, так как постоянная мысль об этом свела бы ее с ума. Будучи кел, она научилась мыслить как кел, настоящим днем, а став сен, она стала мыслить как сен — столетиями… Считалось, что госпожа, великая и настоящая, обладает даром предвидения, что могущество Святыни проникает в нее и позволяет ей мысленно перемещаться во времени и пространстве. Время для госпожи не было просто нитью, на которую нанизывают события одно за другим и с которых Мрак может сорвать их, перерезав нить. Нет, на самом деле время это Сейчас, которое охватывает и то, что было Раньше, что привело Кутат к настоящему моменту, и что будет Потом, в будущем, куда вела свой народ госпожа. Госпожа видела и направляла свой народ к Центру, из которого простиралась нить по

всей Вселенной.

Но иногда Мелеин забывала о своем предназначении, думая о себе. Кат Мелеин, кел Мелеин, сен Мелеин… больше всего она хотела взять на себя обязанности кел в черной мантии и идти по стране, где нет ни прошлого, ни будущего. И где есть только «настоящее». Она хотела иметь свободу и право поражать любого, кто оскорбит ее честь или честь Народа, который она защищает. И тем не менее, она стала сен, госпожой, которая постоянно погружена в мысли о своем народе, мысли, которые граничили с безумием. Верят ли госпожи в Предвидение? Или только хотят верить? Она не знала. Она стала госпожой народа умирающего, последнего, затерянного на жестокой планете. Она не была готова принять такую ношу, ее не подготовила предыдущая госпожа, которая сама была на краю безумия. Если она даст страху овладеть собой, она станет наследницей безумия госпожи. Она станет безумной госпожой безумного народа, идущего к логическому концу.

— Госпожа… Двинулась тень, сверкнула золотая мантия, когда тень вышла на свет. Госпожа подняла руку, разрешая приблизиться. Старый сен подошел и сел у ее ног. Это был старейший из сен. Мелеин глубоко вздохнула и стала рассмат-

ривать Сатаса. Сатас недавно стал предводителем сен. Ведь никто из прежних предводителей не смог выбраться живым из Ан-Эхона. Никто, за исключением Ньюна. Это была огромная потеря для племени. Тем более, что сен были тем камнем, на котором стояло племя.

— Сатас, — мягко спросила она. — Почему ты пришел?

— Мы поняли, что ты хочешь посоветоваться с нами?

— Советоваться с племенем, Сатас.

Он нахмурился… лицо, украшенное шрамами кел, как и у нее, один из немногих сен, прошедших через касту воинов. И Мелеин ценила его за это, за ощущение здравого смысла, которое приобретал каждый кел. Солнце, ветер и годы сделали его лицо маской, на которой только глаза оставались быстрыми и живыми.

— Как госпожа… или как Мать? Мелеин опустила глаза и уклонилась от ответа. Она заметила в просвете занавеса предводителя кат и Нлила:

— Входите.

Предводитель кат уселась и склонила лицо в почтительном поклоне. На лице ее было написано умиротворение, присущее всем кат. Юный Нлил Сошиль — совершенно другое. Его лицо с

годами приобретет угрюмость лица Сатаса.

Да, это был Нлил… а не Ньюн. Но Мелеин постаралась отогнать эту мысль.

— Госпожа, — приветствовали они ее.

— Предводители, — поздоровалась она, сложив руки. — Можем ли мы завтра перенести лагерь? Головы тут же склонились. На лицах не выразилось радости, а лицо Нлила осталось бесстрастным, каким и должно быть лицо кел.

— Поймите, — продолжала она, не на территорию племени, а на новое место, которое выбрала я. В глазах предводителя кат и Нлила выразилась тревога.

— Кел, — хрипло сказал Нлил, — просит разрешения задать вопрос.

— Мы потеряли Ан-Эхон, кел. Но ты видел то, что подтвердило мои надежды. За холмами находится город, самый молодой из всех городов, город, который не участвовал в этой войне… и даже не один из наших городов.

— Эли, — пробормотал Нлил упавшим голосом.

— Город Эли, — сказал сен Сатас. — Сен согласны с госпожой. Мы должны сделать это.

— Госпожа… — слабо пробормотал Нлил.

— Я советовалась с сен, — продолжала Меле-

ин. — Но если кат не хотят идти со мной, я отделю их от племени и оставлю кел для защиты.

— Нет! — воскликнула предводительница кат.

— Подумай, прежде, чем ответить.

— Мы идем с тобой. Я, разумеется, спрошу кат, но я уже знаю, каким будет их ответ. Мелеин была рада. Она склонила голову и взглянула на Нлила. Ничего, что она сначала обратилась к кат, ведь их предводительница была настоящей, а не замещала кого-то и Нлил должен это знать.

— Кел, — сказала она. — Ты понял, какая задача стоит перед тобой? Ты слышишь меня, кел Нлил? Над нашей головой ци-мри, а ты сейчас, глава кел, моя Рука, Рука Народа. Сможешь ли ты вести кел?.. И, если понадобится, даже во Мрак? Глаза кел блеснули. Перед ней он мог не демонстрировать свою невозмутимость и бесстрастность.

— Я прошу госпожу назначить на мое место кел Сераса.

— Он опытен, — согласилась она, но в сердце ее родилась боль за этого кел, даже страх. Она встретилась с ним глазами и внезапно поняла его. — Нет, — сказала она. — Ответь, почему предводитель Мераи Сошиль назначил тебя вторым кел? Нлил посмотрел на свои руки:

— Я был его другом. Вот и все.

— Да? — переспросила она, и, не дожидаясь ответа, спросила: — Ты не думаешь, кел, что отказываешься по какой-то личной причине? Это был удар в самое сердце. Мелеин знала это. Нлил склонил голову, и снова поднял ее:

— Я должен сказать, что мы потеряли одного из кел. Кел Рас ушла из лагеря. Должны мы что-нибудь предпринять? Она медленно вздохнула, посмотрела на кел, прочла в глазах его боль.

— Я не должна говорить, что должен делать кел. Возможно, я должна была бы думать об этом кел, но я больше думаю о тех, кто остался. Пусть она поступает как знает, либо уходит, либо остается. Мне все равно. — Затем она снова вернулась к делу: — Мы уходим, и оставляем только то, что совсем не нужно. Все будут идти с грузом, включая и сен. Распределите грузы среди членов касты. Разделите имущество среди родственников тех, кто погиб. Думаю, что кел выдержат еще один переход?

— Да, — спокойно сказал Нлил. Сатас и Антил тоже кивнули.

— Тогда до рассвета, — сказала Мелеин. Они поднялись, прижали руки к груди, прощаясь. Только Нлил задержался на мгновение, как будто хотел что-то сказать… но промолчал. Они вышли.

Госпожа откинулась на спинку кресла, коснулась рукой Святыни и устремила вдаль свой взгляд. Она думала о прошлом и думала о будущем. Она послала Ньюна, понимая жестокую необходимость этого шага. Но сама она выбрала другое оружие и будет ждать момента, подходящего для этого.

Вот только Рас… Мелеин попыталась вызвать видение, узнать, в опасности она или нет. Но у нее ничего не вышло. Мрак окутывал все, что касалось Рас Сошиль. Видения мелькали перед ней, не принося успокоения, однако она придавала им мало значения. Будущее ждет их, каким бы оно ни было.

8

Они были еще здесь. Дункан скатился с дюны и повернул голову, чтобы увидеть Ньюна, который все еще стоял на четвереньках, но тоже уже соскальзывал понемногу.

Животные оставались внизу. Им не нужно было пользоваться зрением, чтобы узнать, где находятся враги.

— Ай, — хрипло выкрикнул Дункан, чтобы по импульсам дусов враги но могли узнать, где они.

— Нам нужно двигаться дальше, — сказал Ньюн. — Если ты сможешь. Дункан лежал на песке, стараясь оценить свои силы. Пища вызывала у него тошноту, но он взял кусок мяса, предложенный ему Ньюном. Он сунул его в рот и стал с трудом жевать, насильно пропихивая его в пересохшее горло. Все вокруг имело вкус меди и крови, даже воздух, которым он дышал. Все чаще наступали моменты, когда он терял зрение или когда ноги отказывались повиноваться ему. Если бы он был один, то он уже давно забился бы в какую-нибудь расщелину и приготовился к сражению, если бы его укрытие было бы обнару-

жено. Ньюн же тащил его все дальше.

— Нам еще далеко? — спросил Дункан.

— Не очень. Может быть, дойдем сегодня ночью. Дункан лежал и думал, что это лучше, чем он предполагал.

— А потом? Ты будешь сражаться на дуэли? Но ты же дважды пересек пустыню.

— Да. Но ничего другого не остается. Если на дуэль вызовут госпожу, то этот вызов будет единственным. Но если мы начнем дуэль здесь, то кровавой вражде не будет конца. — Он со стоном вздохнул. — А их предводителя кел, наверное, нет с ними. Придется драться их второму кел. Это только нам на руку.

— Ты не хочешь идти один? — спросил Дункан. — Они сейчас нас не видят. Я пойду по твоим следам и задержу их, чтобы ты мог оторваться от погони. Дусы угрожающе зашевелились.

— Нет, — ответил Ньюн. Он коснулся вуали на лице, которая немного сдвинулась и обнажила шрам. — У тебя нет шрамов и ни один кел не посмеет вызвать тебя на дуэль. Но, если ты будешь один, — бог знает, что произойдет.

— Но это касается только меня, разве нет? Взгляд Ньюна был ему ответом.

— Хай, — сказал Дункан. Многому Ньюн научил

его на корабле. Главное то, что если хочешь, то сможешь. Дункан научился переносить космические прыжки без наркотиков, как мри. Сейчас он медленно вдыхал воздух, согревая его в ладонях. Наконец он собрался с силами, поднялся и пошел по песку. Ньюн двинулся за ним. Поднялись и дусы.

— Не перенапрягайся, — сказал Ньюн.

Дункан шел вперед, не видя ничего вокруг. Всего себя он сконцентрировал на дыхании и небольшом клочке земли, куда ступала его нога. До ночи. Это так долго…

* * *

Корабль людей «Сантьяго» все время был позади, несмотря на все попытки регульцев оторваться. Бай Сут смотрел на экран. Хотя корабль регульцев был большим по размерам, корабль людей представлял несомненную угрозу. Командовал кораблем людей бай Сильвермен. Ситуация была сложной — у людей было три корабля, а у регульцев всего один, и в случае враждебных действий исход битвы нетрудно было предвидеть. «Шируг» был больше, чем «Сантьяго» и имел преимущество в скорости в космическом пространстве. Но зато здесь, вблизи планеты,

«Сантьяго» имел преимущество в свободе маневрирования и так же имел преимущество над огромным «Сабером» здесь «Шируг».

Конечно, можно было бы сделать попытку оторваться от «Сантьяго», чтобы посмотреть на реакцию людей. Однако лучше бы было знать, какова будет реакция, заранее. Уже не было сомнений, что люди поняли, что среди регульцев появился взрослый. Сут пожалел, что это случилось так быстро. Правда, это давало некоторую гарантию безопасности, если исходить из того, что люди с уважением относились к старшим. Правда, это не спасло от смерти бая Чарна. Хотя убил его Дункан, который стал полностью мри. И то, что он совершил, нельзя отнести к людям. Можно также предположить, что Дункан сошел с ума и поэтому не может отвечать за свои действия. Но факт остается фактом: люди без должной тревоги отнеслись к поступку Дункана. Хотя смерть Чарна создавала прекрасные возможности для людей и они могли только приветствовать ту возможность, что сама шла им в руки.

Люди — странные существа. Они помнят только то, что должно произойти в будущем. Они называют это воображением. Сут расхохотался, узнав об этом — целая раса страдает от какой-то

душевной болезни — они вспоминают будущее! Причем, вспоминают каждый по-своему, в зависимости от того, как он представляет себе будущее. Для регульцев было ударом узнать о такой болезни своих союзников. Но еще хуже было бы не знать об этом.

Люди могли делать все, что угодно. Мри страдали от такой же болезни — в этом они бы ли похожи на людей. И если эти две расы нашли общие точки соприкосновения — это стало бы страшной угрозой для рас с нормальным складом ума. Между людьми и регульцами была громадная разница: регульцы помнили только прошлое, но помнили с абсолютной точностью. Люди же привыкли к искажению фактов, они даже лгали! И это вносило неточность как в их память о прошлом, так и в память о будущем. Вероятно, так и должно было быть с теми, кто вспоминал то, чего не было, и фальсифицировали то, что было. Интересно, как они воспринимают настоящее? Может, у них сдвиг в восприятии? Может, они забывают убийства своих старших, когда забывать полезно? Если бы узнать правду об этом, то это помогло бы формировать политику в отношениях с людьми.

Теперь он уже сидел в тележке, будучи не в

силах передвигать свой огромный вес. Но тележка была снабжена двигателем и он мог быстро перемещаться в любое место корабля. Но у него не было, не возникало необходимости покидать свой кабинет и он делал это крайне редко. Все управление кораблем он мог производить с пульта управления своей тележки. За приборами корабля во время полета постоянно следили молодые регульцы из рода Аланей, и Сут уже убил нескольких за невнимательность… правда, он выбрал самых старых, чтобы предотвратить возможность появления еще одного взрослого на корабле. Оставшиеся молодые тут же поняли угрозу и стали работать лучше, независимо от того, следил ли он за ними или нет. Они поняли, что власть теперь в его руках и соперников у него нет и в ближайшие годы не предвидится. Теперь Сут готовился начать дело с людьми. Власть на корабле у неге уже была неограниченная, так что он мог спокойно входить в лабиринт переговоров.

Сут переключил экран так, чтобы видеть не только «Сантьяго», но и «Сабер» за горизонтом, и «Флауэр» на поверхности Кутата. Он видел еще четыре точки — челноки — два челнока людей и два — регульцев.

На пульте вспыхнула лампочка, сигнализирующая, что кто-то хочет его личного внимания. Он отключил экран от локатора и на нем тут же вспыхнула надпись: «НАНЬ, „спешно“. Прямой контакт». Он нажал кнопку разрешения.

— Дверь! — крикнул он молодым регульцам, дежурившим в приемной. Там оказался Раг, умный, ревностно исполняющий свои обязанности и полный страха перед своим повелителем. Открылась дверь и в нее въехала не одна, а целых три тележки: Нань, Тьяг и Моркхуг со своими сопровождающими. Раг вежливо приветствовал их, предложил напитки.

— Прочь! — рявкнул Сут и Раг, торопливо сунув в его руку чашку, исчез с быстротой молнии, забрав с собой всех остальных молодых регульцев. — Докладывайте, что за спешка?

— Важные новости, — сказала Нань. — Анализ данных говорит о том, что в городах вновь стали функционировать энергетические установки. Сут присвистнул, отпил из чашки, чтобы успокоить забившееся сердце:

— Подробности…

— Следы очень слабые… Можно было бы настроиться на них, но излучение «Шируга»… Сердца забились вразнобой, потом снова в унисон:

«Мри с оружием. Мри с оружием». Нань продемонстрировала карту, на которой светящиеся точки означали присутствие жизни.

Сут с содроганием смотрел на карту, на города. В этих городах хранились знания древней расы, расы забывающей. Чарн сделал попытку уничтожить их, не понимая, что делает. Эти знания недоступны регульцам. Они не смогли изучить язык мри. Эти знания имеют смысл только для самих мри… и для тех, кто изучил их язык, кто смог стать мри. Человек смог. Дункан заговорил на языке мри, он одел их одежду, принял их законы и обычаи. Человек забыл свой путь и пересек границу, которую регульцы не смогли пересечь за две тысячи лет.

Когда падет мир мри, люди получат всю их мудрость. Они получат опыт миллионолетней расы, который хранится на планете… Они могут стать…

…мри, как Дункан. Пример перед ними — «ДУНКАН».

Позволить этому случиться… сохранить информацию, которой не смогут воспользоваться регульцы… отдать ее в руки врагов, в руки расы, которая может забыть свой путь… которая может стать мри со всеми вытекающими отсюда для

регульцев последствиями.

— Перед нами стоят большие трудности, бай Нань. Одна из них касается политики. Слушайте, я скажу вам одну вещь. Однажды спор между старейшинами рода Хорагов был разрешен дуэлью между кел мри. Один кел убил другого.

— Это какая-то чушь!

— Нет. Регулец, который проиграл дуэль, потерял территории, подчиненных, потерял власть. Вот так убитый мри был отомщен. И мстителем оказался тот кел, который выиграл дуэль. Мри прекрасно понимают, что такое месть. Вы только не думайте, что мри глупы. В этом многие регульцы ошибались и платили за это.

— Но с ними сейчас человек, бай. Он опасен. Он делает опасными и мри. Люди способны запоминать события, пусть с помощью бумаги и магнитофонных лент, но запоминать. Надо устранить этого человека и тогда мри будут дезорганизованы.

— Нет, — ровным тоном сказал Сут. — Нет. Чарн и род Аланей ошибались, потому что пришли сюда из дома. Они не понимали мри, так как не работали непосредственно с ними. Хораги работали с мри в колониях две тысячи лет. Я помню. Это заставило замолчать их всех. Все они были

из рода Аланей, все они были теперь связаны с Хорагами. Они смотрели на Сута, почтительно ожидая, что он дальше скажет им.

— Я поделюсь своими знаниями, — пообещал он, — когда настанет необходимость. Алани на Кесрите сделали большую ошибку, не изучив опыт предшественников. В памяти Аланей ничего не было. Я не сделаю такой ошибки. Если у кого-либо из вас есть полезная информация, поделитесь со мной. Я приказываю. Один за другим регульцы признали полное незнание мри.

— Но ведь это не Кесрит, бай, — сказала Нань.

— Какая разница?

— Здесь есть города, машины. Разве мри могли сконструировать сами столь сложные системы? По нашим наблюдениям этого не могло быть.

— Мри всегда работали… для себя. Или для своей пользы. Они не подняли бы и камня для нас, но для себя они работали, создавали эдуны, конструировали машины. Разве Алани считали, что эдун на Кесрите был построен регульцами? Разве Алани не знают, что мри прекрасно управляют кораблями регульцев, которыми не могут научиться управлять даже люди? Алани не умели наблюдать. Трое Аланей почувствовали неловкость.

— Далее, — продолжал Сут. — Мы не должны упрощать ситуацию. Информация, полученная слишком быстро, без долгих наблюдений и сопоставлений, не всегда верна.

— Но, — сказал Тьяг, раздувая ноздри, что было выражением сарказма у регульцев, — это вооруженный мир, бай. Если пренебречь этим фактом, это может пагубно отразиться на нашей безопасности. Сут хотел взорваться, но сдержался. Этот Тьяг всегда рассуждает логично, хотя выражает мысли слишком прямо.

— Бай Тьяг, физически мы могли бы уничтожить города. Но поблизости люди. И мы в такой же близости от их кораблей, как города мри от нашего, — он небрежно тронул пальцем кнопку на своем пульте и на экране вспыхнули кадры, запечатлевшие события на Кесрите. Он специально дал задание составить хронику тех событий для молодых регульцев.

Вот на экране появилось лицо человека — Дункан! Дымящиеся руины, рухнувшие башни эдуна, корабли людей, повисшие над развалинами. Сут посмотрел на возбужденные лица.

— Мы не можем говорить на языке мри, — сказал он. — Но показ говорит на всех языках. Чтобы понять увиденное, не нужно знать язык. У нас

десять челноков. Четыре из них будут барражировать так, чтобы люди их видели, остальные будут действовать тайно. Должен вам сказать, что во время правления Аланей на Кесрите, люди захватили много ценной информации: записи и ленты. Вся библиотека утрачена нами. Ваш великий Алань спасал машины и молодых регульцев, но позволил библиотеке попасть в руки людей. Конечно, вам кажется, что это небольшая потеря, что такое бедная библиотека в удаленной колонии?! Но вспомните, как быстро Дункан превратился в мри! Регульцы потеряли мало, но люди зато приобрели очень много. Вспомните, что в первые дни оккупации люди совершенно не интересовались нашими машинами, но зато они, как муравьи, набросились на библиотеку.

— Это наша ошибка, — сказала Нань. — Бай, мы совершенно не обратили внимания на это.

— Это произошло потому, Нань, что бай твоего рода не имел опыта, как и Чарн. Я давно понял это, но будучи молодым, я не мог советовать великому Аланю, который не имел никакого опыта в общении с колониями. Он всю жизнь провел дома, на своей планете, в безопасности. Род Хорагов все время занимался колониями. Мы имели дело с людьми, с мри, с их животными.

Мы разрабатывали модели поведения в самых разнообразных ситуациях. А у Аланей нет таких моделей. Алани мудры — но в ограниченных пределах. Хораги же имели дело с не регульцами в течение двух тысяч лет.

— Мри, дусы и люди, — с отвращением воскликнул Тьяг. — Что могут обнаружить они из того, что не обнаружили и не открыли регульцы?

— Безмозглый, подумай. Что за мир перед нами?

— Мир мри. Города, хранилища их информации…

— …к которым Дункан уже получил доступ. Мри… они знают месть. И я не хочу быть наследником той мести, которую они хотели бы обратить на Аланей. Но не только этого мы должны бояться. Сколько же информации хранится в городах, которые построены на берегах морей, давно исчезнувших?

— «Мри»… — с презрением сказал Тьяг и ноздри его сомкнулись.

— Здесь хранится память о миллионах лет, — сказала Нань.

— Но мы не можем уничтожить ее, — воскликнул Тьяг.

— Мри непонятны для нас, — сказал Сут. — Мы

не знаем их языка. Но, заметьте, что разум мри сходен с разумом людей.

— Что же нам делать, бай?

— Что мы делаем с иррациональностью? Мы устраняем ее из жизни. Чужой разум способен перебросить мостик через иррациональность. Мы этого не можем. Для нас сейчас представляет опасность не оружие, не вражда с мри, нет — нам страшна способность к перевоплощениям среди наших врагов. Помните, когда мы впервые встретились с людьми? Тогда Ставрос полностью перенял наш образ жизни. А когда мри впервые встретились с людьми? Дункан перевоплотился полностью в мри. И очень успешно. Это биологический механизм, с помощью которого выживают эти слабые расы. Всегда находится среди них кто-то, кто в определенный момент перевоплощается во врага, переходит к врагу, кто перебрасывает мостик через иррациональность, кто получает знания врага. Всего одна жертва. Всего одно перевоплощение. Кто из нас, кто из мри может превратиться в человека? Можешь ли ты, Тьяг? Тьяг вздрогнул.

— Мы никогда не сможем стать людьми, — горько сказал Сут. — Алань сделал ошибку, подпустив к себе человека. Но мы можем сделать так, чтобы

то, что принадлежит этому миру, осталось здесь, кончилось здесь. Мы можем отрезать эту ветвь, чтобы из этого источника никогда не исходила бы опасность для нас. Мы можем приковать сюда внимание людей, внимание, которое не принесет им никакой пользы. И тем выиграть время для себя.

— У нас один корабль, — запротестовал Моркхуг, — один против трех. Что мы можем сделать?

— До меня здесь правил род Аланей. Сейчас, с моим приходом, род сменился. Мы должны маневрировать так, чтобы извлечь максимальную выгоду из такого положения. — Он поставил на стол пустую чашку и угрюмо посмотрел в лица этих троих. Да, нужно было действовать, и действовать быстро…

* * *

Племени не было на старом месте. Ньюн понял это, как только они прошли мимо большого круглого камня, служившего границей их владений… Дусы тоже не излучали ничего, кроме тревоги. Они чувствовали, что преследователи сзади, совсем недалеко. Они прошли большой путь. Дункан сделал, что мог. Он шел с самого полудня, и теперь солнце уже почти скрылось за

горизонтом и тени стали исчезать. Дункан шел неровным шагом, дыхание его было громким и хриплым. Иногда Ньюн видел, что он идет с закрытыми глазами. Тогда он брал его за руку и вел его, прекращая свое мысленное общение с дусами, и не желая, чтобы его отчаяние передалось Дункану. Мелеин предупреждала его, что племя может перейти в другой город, в другое место. Нлил уже должен был вернуться назад. Где-то им нужно было отыскать место для отдыха Дункану.

Ньюну было как-то не по себе. Эта пустота… Может она означает смерть, может Нлил не вернулся, может буря погубила всех. Дусы не ощущали смерти, они не могли общаться мысленно с теми, кто не отвечал.

— Сов-кела, — наконец сказал он. — Они ушли. Дункан промолчал и не остановился.

— Нам придется обойти пропасть, — продолжал Ньюн. — Наши преследователи не знают местности, а я — знаю. Этот путь займет у нас целый день. Он небезопасен для наших врагов. Ты держись все время рядом со мной.

— Хорошо, — еле слышно ответил Дункан. Наступили сумерки. В предательском полумраке они пошли по тропе мимо того места, откуда должен был бы их окликнуть часовой. Песок уже

почти засыпал тропу. Камни, которые раньше были на виду, сейчас были еле видны из-под песка. Дусы шли впереди, не высказывая ни тревоги, ни ощущения близости мри. Но вот тропа привела их к крутому обрыву, освещенному последним янтарным светом. Ньюн приказал дусам держаться рядом с ними, чтобы они не скатились в пропасть. Дункан при виде этой бездонной пропасти ахнул и Ньюн поспешил к нему, обхватил его рукой за талию и повел по краю обрыва. Дусы, нервно поводили головами, поглядывая вниз, и шли за ними. Они прошли мимо лагеря, где сейчас была только тень, и пошли дальше. Наступала ночь.

— Мы перейдем пропасть здесь, — сказал Ньюн. — Не бойся и не тормози. Он отдал приказ дусам, взял Дункана за руку и они побежали вниз по песчаному склону. Песок скользил под ногами, собираясь перед ними в громадные кучи и тем спасая их от столкновения с камнями. Наконец Дункан упал и просто покатился вниз. Ньюн еще некоторое время держался на ногах, но потом тоже упал. Несколько мгновений они катились рядом, но вот впереди оказался небольшой уступ. Ньюн громадным усилием воли удержался на нем и схватив Дункана за руку, затащил к себе.

Дункан упал лицом в песок и мучительно закашлялся. Ньюн сидел рядом, положив руку на судорожно дергающееся плечо Дункана. Дусы прокатились до дна и уже вскарабкались на противоположный склон обрыва, который был более пологий. Они уселись там и стали ждать Ньюна и Дункана. После недолгого отдыха кел продолжили спуск и вслед за ними тоже поднялись вверх. Ньюну очень хотелось, чтобы их преследователи ринулись вниз не дожидаясь рассвета, в темноте. Это наверняка привело бы их к гибели, к вечному забвению. Но если они захотят обойти пропасть, то это даст им время для отдыха Дункана.

— Мелеин, — отдал он мысленный приказ своему дусу… Но ответа не было. Он ощущал лишь беспокойство, которое не покидало его целый день. Ньюн очень устал, но он не мог позволить себе даже поспать — ведь при пробуждении он мог увидеть себя окруженным кел другого, враждебного племени. И все же он уснул. Проснулся он как от толчка и тут же взглянул на небо: сколько времени он проспал. Луна все еще была на небе. Ему показалось, что луна движется, но затем он понял, что это иллюзия, оптический обман.

Некоторое время он лежал, глядя в небо и чувствуя смертельную усталость во всем теле. Затем

он повернулся к Дункану, лежащему рядом… Ему очень не хотелось будить его, но он тряхнул его за плечо:

— Идем, — сказал он. — Нам нужно идти…

Дункан шевельнулся, затем с трудом поднялся на колени. Ньюн подхватил его за пояс, помог подняться. Где-то наверху их ждали дусы. Смутная тревога висела в воздухе. Враги пошли в обход, — понял Ньюн.

Начался мучительный подъем. Песок осыпался под ногами. Дункан, хотя и старался идти сам, все время висел на Ньюне. Все тело Ньюна стонало от напряжения, пересохло горло. Он думал, как же должен чувствовать себя Дункан… Но вот наконец они наверху. Дункан тут же упал на колени, его хриплое дыхание перешло в мучительный кашель. Дусы встретили их спокойно. За ними расстилалась освещенная луной равнина. Только вдалеке на юге виднелись темные неясные цепи холмов.

И нигде ни следа лагеря… Ничего…

— Идем, — решительно произнес Ньюн, понимая, что хотел бы сказать, но не сказал Дункан. Они двинулись дальше. Ноги утопали в песке, смертельная усталость висела на их плечах…

И вдруг Ньюн ощутил что-то родное, близкое…

дом… дом…

— Они где-то здесь! — воскликнул он. — Сов-кела, ты ощущаешь это?

— Да… — это был голос не Дункана, но тем не менее это произнес Дункан. Откуда-то взялись силы, шаг стал шире, тверже. Они уверенно пробивали себе путь через пески, прижимая ладони ко рту, чтобы согреть воздух.

Тут и там возвышались каменные столбы. Ветер дул им сейчас в спину, помогая идти. На востоке уже начало светлеть небо — первые признаки начинающегося рассвета.

Но, странное дело, чем дальше они шли, тем сильнее становилось ощущение враждебности. Оно окружало их со всех сторон и только в центре этой темной враждебности ощущалось что-то свое, родное, близкое…

И вот впереди показалось что-то темное и неподвижное. Фигура… Она выпрямилась. В неверном свете блеснуло оружие и знаки Чести. Ньюн остановился. Дункан тоже. Внезапно все стало ясно.

— Рас, — пробормотал Ньюн. Он пошел вперед, Дункан за ним. Дусы шли рядом, настороженные.

— Яном, — выдохнул Дункан.

— Да, — ответил Ньюн. Он подошел к Рас совсем

близко, так, что можно было не повышать голос.

— Ты нашел его, — оказала Рас.

— Где остальные? Она указала на юго-восток, куда они и шли.

— У них все нормально? — боясь услышать ответ, спросил Ньюн.

— Да, когда я уходила. Дункан устало опустился на песок. Рас бросила на него холодный взгляд. Ньюн, забыв о гордости, опустился возле Дункана и подозвал дуса, чтобы тот согревал человека. Он снова взглянул на Рас:

— Все живы?

— Кел Рос, сен Ста, сен Кадас… мертвы. Ньюн опустил голову, не имея сил продолжать расспросы. Он не знал этих сен, да и Роса он плохо знал, так как тот был тихим и спокойным, совсем непохожим на кел. Рас приблизилась, шелестя своей мантией.

— Нас преследуют уже несколько дней, — сказал Ньюн. — Хао-наты. Это встревожило Рас, хотя она и не показала виду.

— Тебя послал Нлил? — спросил Ньюн.

— Нет. У Ньюна возникло старое ощущение опасности, которое он всегда испытывал, когда рядом была Рас. Ему даже показалось, что хао-наты были бы менее опасны для него, для них,

чем Рас.

— Идем, — сказал он. — Дункан, ты можешь идти? Дункан попытался встать. Ньюн поднял его и, обняв за талию, повел туда, куда вели его импульсы дусов. Рас шла за ними, непроницаемая даже для излучения дусов. Никто не знал, о чем она думает, что замышляет. В бледном свете рассвета, перед ними лежала плоская долина с закругленными холмами на горизонте, но никаких признаков лагеря не было видно.

* * *

Ощущение холода и одиночества владело Галеем, когда он собирался в дорогу. Рядом с ним собирались еще три человека, и все они ждали Боаз.

Бен Шибо, Моше Кэдарин и Эд Лейн — трое военных, но Лейн был скорее техником, чем военным. Он был специалистом по компьютерам. Шибо был пилотом, Кэдарин был специалистом широкого профиля, и, кроме того, в его персональном досье было отмечено отсутствие ненависти к регульцам, даже флегматичное принятие их. Сейчас все трое ждали Боаз, скрывая свое недовольство. Галей тоже был недоволен задержкой. Он опасался, что в последний момент все может

быть запрещено.

Наконец она появилась. Луиз шел следом. Она несла с собой много аппаратуры, но Галей не стал возражать — это было их делом, делом ученых. Боаз остановилась и поцеловала старого ученого в щеку. Галей отвернулся, почувствовав неловкость при виде столь нежных отношений между этими двумя.

— Готовьтесь, — сказал он остальным. Кэдарин и Лейн собрали аппаратуру и вышли. Шибо задержался, чтобы предложить помощь Боаз.

— Нет, — коротко отозвалась она, регулируя ремни. Ей было лет пятьдесят и по своей комплекции она не могла влезть ни в один костюм пилота. Поэтому она надела на себя защитные брюки и куртку, что не сделало ее элегантней. Пышные пепельно-серые волосы придавали ей любопытное величие. Она вопросительно взглянула на Галея.

— Выходим, — сказал он. Она бросила взгляд на Луиза и вышла.

Тревожные мысли одолевали Галея: знают ли на «Сабере» о их намерениях? Сообщил ли Луиз Коху о том, что в состав отряда включена Боаз. Галей сомневался, чтобы Кох одобрил бы его решение и теперь вся ответственность лежала на

нем, Галее. Боаз была слишком ценным научным кадром. Но она загнала его в угол.

— Что хорошего в помощнике, — говорила она, — с хорошими ногами, но совершенно не понимающем то, что видит? Моя специальность — мри: их обычаи, образ жизни. Я расшифровала записи мри. Я вам нужна хотя бы только для того, чтобы обеспечить вашу же собственную безопасность. И он решился включить ее в состав группы, так как не хотел кровопролития. Вздохнув, он вышел за остальными. Холодный разряженный воздух. Без дыхательных аппаратов даже короткий путь от люка до челнока заставил их задыхаться. Но вот все забрались в тесную каюту челнока, люк задраили. Галей уселся за пульт управления, включил двигатели. Перед тем, как взлететь, он посмотрел вокруг. Все лица спокойны в зеленоватом свете внутреннего освещения. Даже Боаз боится не больше, чем остальные. Галей поднял челнок в воздух, вызвав клубы пыли. Он не хотел подниматься высоко, чтобы не терять из виду поверхность планеты.

Он взял курс на ближайший город и повел аппарат наиболее безопасным путем — ведь город, возможно, жив и враждебно настроен по отношению к пришельцам.

Под ними проплывали песчаные равнины, каменные глыбы, бездонные пропасти… Чем ближе он подлетал, тем тревожнее становилось на душе у Галея. Руки его вспотели, все молчали. Он опустил аппарат совсем низко. Тишина… Теперь развалины были уже в пределах видимости. Галей проскочил над плато, посадил аппарат и выключил двигатели. Казалось, все затаили дыхание.

— Выходим, — сказал Галей, стараясь казаться спокойным. Не было ни вопросов, ни колебаний, ни сборов: все было готово. Все потянулись к выходу, спустились вниз. Галей вышел последним. Снаружи был только холод, шепот песков, завывание ветра — больше ничего. Они подтянули лямки рюкзаков, одели маски дыхательных аппаратов. И пошли, тяжело ступая по песку. Боаз откуда-то достала черные и золотистые мантии, которые тут же стали трепыхаться по ветру.

— Возьмите черные, — сказала она. Галей и трое остальных нацепили на себя черные мантии, а Боаз облачилась в золотистую.

— Черные — для кел, — сказала она. — Золотистые — для ученых.

— Если мри поймут это, то у тебя есть шанс встретиться с ними.

— И у тебя тоже. Вдали перед ними лежал город, пустой и одинокий. Сейчас они представляли собой слишком маленькую мишень для кораблей, но были вполне уязвимы для оружия города. Они шли вперед в холодном, остром как нож, воздухе планеты и отчетливо сознавали, что помощи им ждать неоткуда. Им оставалось надеяться только на себя. Мри не брали пленных. Люди знали это давно.

9

Вдали уже показались палатки в вечернем воздухе. Дункан выдохся окончательно, все органы чувств отказали ему и единственное, что соединяло его с реальностью, это прикосновение к горячей бархатной спине дуса.

Он воспринимал мир только через восприятие дуса… присутствие Ньюна… а вот темное непроницаемое пятно… это Рас Кон-Нелан. Именно она вносила холод, мрак и тревогу в его душу.

— Идем, — немного погодя сказал он. — Неужели я не смогу добраться до места, которое уже видно. Или идите вперед и пошлите кого-нибудь навстречу мне. Ньюн не обратил внимания на его слова. Дункан обнял онемевшей рукой шею дуса. Его зрение, наконец-то, прояснилось полностью. Ньюн стоял на коленях возле него. Рас неподвижно возвышалась над ними.

— Дункан, — снова позвал его Ньюн.

Почему они не оставят его в покое, — по-детски обиженно подумал Дункан. Почему они не позволят ему идти самому? Так, как ему хочется? Как ему по силам? Но он и сам знал, почему. Ньюн

подхватил его под мышки и поставил на ноги. И Дункан не упал, он даже пошел, неуверенно передвигая ногами. Он шел, закрыв глаза и повинуясь импульсам дуса. Когда же он утрачивал способность воспринимать и их, он ощущал руку Ньюна у себя на локте. Во рту появился медный вкус крови. Он закашлялся, кровь показалась на губах и он испугался, смертельно испугался. Он бы упал, если бы Ньюн не подхватил его и не удержал на ногах. С другой стороны кто-то тоже поддерживал его. Дункан согнулся в кашле надвое, а когда выпрямился, совершенно измученный этим приступом, то увидел впереди кел. Дусы проявляли злобу и ярость и эти чувства воспринимались мозгом Дункана, придавая ему силы. Между лагерем и ними в песчаных дюнах виднелась тень. Она двигалась по направлению к ним. Ярость дусов заполняла все вокруг, как приближающаяся буря. Ньюн прикрикнул на них, чтобы успокоить.

— Прогони их, Дункан. Прогони обоих. Это было трудно. Так же трудно, как оторвать часть себя. Но все же импульсом воли он отогнал дусов и внезапно холод пустоты охватил его. Сознание прояснилось. Животные отбежали подальше. Дункан старался стоять ровно, глядя на кел, кото-

рый остановился перед ним. Он узнал его, когда тот поднял вуаль. Нлил.

— Как она? — спросил Ньюн.

— Нормально, — ответил Нлил и Дункан понял, что «она» — это Мелеин.

— Рас, — ледяным голосом произнес Нлил, наконец заметив девушку. Затем он перевел взгляд на мгновение на Дункана и в этом взгляде тоже не было теплоты.

— Нлил, — сказал Ньюн, — там хао-наты, — он показал на север. — Между нами — расстояние и кровь. Скажи кел, чтобы внимательно смотрели в этом направлении.

— Хорошо, — ответил Нлил расчетливо спокойным голосом. Ньюн сбросил свой мешок, передал его молодому кел, а сам подошел к Дункану и взял его под руку, заставляя идти. Дункан стал передвигать ноги. Зрение то покидало его, то снова возвращалось. Они шли в сгустившейся темноте молча, но впереди светились огни лагеря. Когда они вошли в лагерь, тут же появились кат без вуалей. Они угрюмо смотрели на человека, появившегося среди них. Возле одной из палаток перешептывались сен. Они прошли к самой большой из палаток и тут внезапно Дункан понял, что там госпожа, что сейчас он увидит ее

и что ему нужно собрать все силы и все мысли, чтобы встретиться с ней. Тепло ласковой волной ударило по их лицам, когда они вошли в палатку, тепло и золотой свет ламп. Они остановились в небольшой прихожей. Приятно пахло благовониями. За вуалью, в центре палатки, где горела яркая лампа, тускло поблескивал металл. «Святыня». Они вернули ее. Значит, они снова получили самое драгоценное сокровище. Ньюн почтительно поклонился Святыне. Дункан знал, как дорога эта вещь его братьям мри. Он стоял позади Ньюна, склонив голову и сняв вуаль, так как перед Святыней все должны быть с открытыми лицами. Затем Ньюн обернулся к нему, взял его за руку и повел в правую часть палатки, где собрались все сен. Задрапированные в золотые мантии сен, освещенные золотым светом ламп, стояли полукругом, в центре которого находилась белая фигура. Мелеин. Она села в кресло, когда на стены палатки слева и справа упали тени кел. За рядом сен появились старейшины в голубых мантиях, как кусочки чистого неба. Дункан постарался пройти вперед без поддержки Ньюна. Он постарался припомнить все, что говорит Закон кел по поводу того, как ему сейчас нужно вести себя. Ведь он еще никогда не бывал в

такой ситуации. Ньюн прошел на место, которое было предназначено для него, взял руку Мелеин, поцеловал ее в лоб, получил поцелуй в ответ и тихим шепотом сообщил ей, что произошло с ним и Дунканом, в том числе и о хао-нат. Ее янтарные глаза сверкнули в замешательстве, затем она наклонила голову.

— Ну что же, — тихо. — Пусть будет то, что должно быть, — ее рука едва заметно дрогнула. Дункан сделал несколько шагов вперед, опустился на колени перед Мелеин и сдернул с себя вуаль, обнажив длинные, до плеч, волосы, так непохожие на бронзовые гривы мри.

Небритый, с кровью около носа… от него даже дурно пахло… и он знал это. Люди, которые не имеют возможности заботиться о чистоте своего тела, всегда дурно пахнут. Дункан очень остро ощущал свой неприглядный вид, свою запущенность.

— Кел Дункан, — мягко сказала Мелеин.

— Госпожа, — выдохнул он, не поднимая головы и стискивая в руке вуаль. Ее спокойный голос прозвучал в глубокой тишине, которую нарушал только шелест мантий. В висках у Дункана стучало, горло перехватило.

— Ты получал разрешение покинуть нас, кел?

— У меня не было разрешения, — голос его прервался. В горле его запершило, из груди начал рваться мучительный кашель, и Дункан с большим трудом подавил его. Глаза у него слезились.

— И ты ходил…

— На корабли, госпожа… Впервые шумный возглас неудовольствия прошелестел в шатре. Мелеин подняла руку и все мгновенно стихло.

— Ну?

— Три корабля, — Дункан с трудом говорил. — С людьми пришли регульцы. Регульцы стреляли по городу. Я убил их старшего. Больше нет… старших нет. Беспокойство отразилось в глазах Мелеин. Она прекрасно поняла значение поступка Дункана.

— Как ты это сделал, кел Дункан?

— Регулец был на корабле людей… Когда я закончил беседу с предводителем людей, я убил регульца. У регульцев больше нет лидера. Люди не получили моих сообщений и теперь смогли выслушать их… — Дункан задумался, стараясь подыскать слова на языке мри. Он поднял руку к покрытому морщинами лбу, стараясь сосредоточиться, вспомнить то, что он приготовился сказать: — Больше нет войн, нет намерения воевать. Если мри заверят людей в том же. На лицах

собравшихся отразился гнев, хотя все было тихо. Мелеин нахмурилась.

— О чем мри могут договариваться с ци-мри?

Этого и следовало ожидать. Бездна презрения к пришельцам, к другим расам. У мри было всего четыре слова для обозначения понятия «мир», но ни одно из них не означало того, что имели в виду люди под понятием «мир». Каждое из этих слов несло в себе потенциальную угрозу. Дункан почувствовал, что руки его дрожат, во рту появился горький вкус крови, вкус поражения.

— Кел Дункан, сен рассмотрят твое сообщение на совете. Народ благодарит тебя за твои успехи.

Он плохо слышал ее слова. Видимо, остальные тоже не расслышали, так как никто не шевельнулся, не двинулся с места. Затем он понял, что Мелеин не хотела, чтобы ее слышали собравшиеся. Она наклонилась вперед, взяла его грязное, небритое лицо в руки и поцеловала его в лоб. Пальцы ее всунули в его ладонь маленький золотой медальон — знак Чести. Послышалось перешептывание. А затем Дункан полностью потерял контроль над собой, когда он взглянул на то, что оказалось в его руке: слезы потекли из его глаз и на нем не было вуали, чтобы скрыть их. Он прижал знак Чести к груди, стараясь спрятать ли-

цо и проглотить комок, стоящий в горле. Он опять раскашлялся. Кровь окрасила его рубашку, которую он прижал ко рту. Его всего трясло и Ньюн подхватил его, не давая упасть. Немного погодя он собрался с силами, с трудом поднялся и вышел из палатки в холодную ночь. Ньюн по-прежнему поддерживал его. Дункан чувствовал, что его дус где-то рядом, во мраке. Он сделал несколько неуверенных шагов к нему, сам не понимая, что делает, куда идет. Кто-то подхватил его.

— Помогите мне, — услышал он гневный голос Ньюна. — Помоги же мне! И тут еще кто-то подхватил его. Дункан старался держаться на ногах, но затем раздирающий кашель снова согнул его пополам и он забыл обо всем.

* * *

Ньюн взял крохотный кусочек с общего стола. Он не испытывал голода и отдал остальное другим. Он сидел прямо, сложив руки на коленях и глядя через палатку в угол, где лежал Дункан со своим дусом. Дункан был без сознания и остальные кел изредка поглядывали на него. Дункан был совсем плох и кел надеялись, что он умрет.

Возможно, их обоих ждала смерть, если враги вызовут их на дуэль утром. Вражда между пле-

менами никогда хорошо не кончается. К тому же в его племени могут найтись и такие, что предпочтут другого предводителя, другую госпожу. Нет, ему нужно поесть, хорошенько отдохнуть, чтобы к утру полностью восстановить силы и остроту ума.

Он попытался поесть, но кусок не лез в горло.

Среди кел царила тишина. Движение почти прекратилось. Ни одна рука не тянулась к еде, никто не произносил ни слова. Он знал, что все они наблюдают за ним, и он постарался взять себя в руки, отбросить физические и душевные муки, забыть боль и тревогу.

«Ну, вызовите меня на дуэль, — думал он. — Я убью любого с радостью».

— Предводитель, — послышался голос Нлила. Ньюн не обратил на него внимания. Нлил помолчал, несомненно оскорбленный. Он пододвинулся к Серасу и Десаи, сидящим возле него. Они начали шептаться, но Ньюн не прислушивался, предоставив им делать все, что они захотят. Он знал, что когда дойдет до него, он будет готов. Он поднялся, подошел к Дункану, сел рядом с дусом. Животное почувствовало его горе, ткнулось в его руку носом, как бы прося помощи. Дункан дышал отрывисто, хрипло, с бульканьем

в легких. Глаза его были приоткрыты, в них отражался свет лампы, как в стекле. Остальные кел сгруппировались вокруг Нлила и стали оживленно перешептываться. Все, кроме Рас, которая сидела возле центрального шеста шатра. На ее лице не было гнева или злобы, только тревога.

Она помогла Ньюну. Он был крайне удивлен этой помощью, хотя, возможно, она сделала это потому, что Дункан сильно замедлял их движение. Ньюн давно уже перестал пытаться понять действия Рас. Он посмотрел на остальных кел и ярость закипела в нем, но он постарался взять себя в руки и погасить ее — ведь рядом был дус. Ньюн положил руку на плечо Дункана и слегка пожал его. Веки Дункана едва заметно дрогнули.

— Я знаю, что ты здесь, — шелестящим шепотом сказал Дункан. — Не волнуйся. Что-нибудь слышно о хао-нат?

— Ничего. Не думай об этом.

— Дус считает, что они близко.

— Скорее всего так оно и есть.

— Их много… сзади… сбоку… впереди… — снова кашель потряс его тело. Ньюн сжал руку.

— Не думай об этом. Дункан моргнул и слезы потекли по его лицу, смешиваясь с грязью и кровью на небритой щеке.

— Но ты думаешь? И я буду думать. Их много… может быть, с дусами… Позади послышалось движение. Глаза Дункана устремились куда-то за Ньюна. Тень упала на его лицо. Ньюн резко повернулся и увидел черную стену перед собой. Дус шевельнулся, но передний кел упал на колени и рука Ньюна отодвинулась от оружия. Нлил, Серас, Десаи и молодой Таз. Ньюн нахмурился и перехватил руку Таза, который хотел поставить перед Дунканом сосуд, из которого шел дым.

— Дым поможет ему, — сказал Серас. Это было маслянистое дерево, которое они использовали для освещения, как топливо для ламп. К нему были подмешаны какие-то ароматные смолы и травы. Ньюн хотел оттолкнуть руку с сосудом, хотя ему было стыдно, что приходится отвергать попытку помощи. Он положил руку на плечо Дункана, а другой сделал жест, отвергающий дальнейшее вмешательство кел.

— Предводитель, — холодно сказал Нлил. — Мы знаем то, чего не знаешь ты, ведь мы родились здесь. Дункан потянулся к сосуду. Таз пододвинул его ближе и Дункан стал с удовольствием вдыхать дым. Ньюн тоже почувствовал, что жжение у него в горле прекращается. Дусу дым не понравился и он с негодующим фырканьем отвернул

косматую голову. И вдруг Ньюн почувствовал, что мысленные импульсы дуса связали воедино мри Кутата и мри Кесрита.

— Ай! — резко сказал Ньюн и лица кел отвернулись в замешательстве. Ньюн посмотрел на Дункана, вдыхающего дым и затем устремил взгляд на Нлила, пока тот не поднял глаз.

— Сошиль, — спокойно сказал Ньюн. — Я благодарю тебя. Забудь, что я говорил раньше.

— Ай, — пробормотал Нлил. В дверях возник дус Ньюна. Он наконец решил зайти в палатку из тьмы. Кел пропустили его и дус тяжелой поступью прошел к Ньюну и лег рядом с дусом Дункана. Ньюн положил руку на ухо дуса, боясь, что тот своим мысленным излучением свяжет вместе Ньюна и Нлила. Он долго смотрел в лицо Нлила, покрытое шрамами, возле него лежал Дункан, вдыхая дым, отгоняющий боль. Ньюн снял один из своих знаков Чести и протянул его Нлилу. Он был уверен, что тот отвергнет его Знак, сочтя это оскорблением и нанеся оскорбление Ньюну. Но Нлил не отверг.

— За какую службу? — спросил он.

— За то, что ты хорошо охранял племя в мое отсутствие. Ты и Серас. Серас тоже принял знак Чести. Оба эти знака в свое время принадлежали

Мераи, по которому они все еще скорбели.

— Мы выставили часовых, — сказал Нлил. — Мы знаем, что ты не искал столкновения с хао-нат. Это не было твоей целью.

— Нет, — согласился Ньюн. Глаза Нлила коротко взглянули на Дункана.

— Они преследовали его, — подтвердил Ньюн.

Нлил кивнул, еще раз взглянул на Дункана, поднялся, показывая, что ему больше нечего сказать, и отошел. За ним — остальные. Таз задержался. Он достал из складок мантии несколько кореньев и пучок травы и положил это рядом с сосудом.

— Я могу найти еще, если понадобится, — сказал он. После этого он тоже удалился. Ньюн хотел спросить у Дункана, как он себя чувствует, но увидел, что глаза Дункана закрыты и дыхание стало ровным. Ньюн прислонился к теплому боку дуса и стал смотреть, как кел укладываются на ночь. Они ложились на тюфяки, расстеленные на полу. Все лампы, кроме одной, были погашены. Из сосуда, возле Дункана, исходило красноватое сияние и над ним клубился дым. Осталась сидеть только Рас, но вот и она шевельнулась. Ньюн подумал, что Рас ищет свой тюфяк, чтобы лечь. Но она поднялась и как тень подошла к Ньюну и положила что-то рядом с ним. Это был длинный

сверток.

— Что это, кел Рас? — спросил он. Она ничего не ответила и растаяла в полумраке. Немного погодя она тоже улеглась спать. Ньюн развернул сверток и увидел, что это ножны от его меча, которые он оставил в Ан-Эхоне и был уверен, что потерял их навсегда. Он нежно коснулся их пальцами, вложил меч, с удовольствием слушая тихий шелест.

Наконец он положил меч возле себя и прислушался к дыханию Дункана. У него все еще клокотало в груди и он кашлял, но все-таки человек спал. В наступившей тишине особенно отчетливо слышались хрипы и когда они прекратились, Ньюн встревожено поднялся — но грудь Дункана поднималась и опускалась ритмично и на губах уже не пузырилась кровь. Ньюн некоторое время сидел возле Дункана, но вскоре к нему подошел Таз.

— Я посмотрю за ним, — сказал он. — Ложись, спи. Ньюн был тронут. Он еще раз посмотрел на спокойно спящего Дункана, затем голова его опустилась на плечо дуса, он посмотрел на спящих кел и закрыл глаза.

* * *

Лампа давала слишком мало света для чтения. Мелеин положила золотистый хрупкий листок на колени и развернула второй. Замысловатые письмена тянулись вдоль листка, как будто начертанные огненным тонким пером. Она читала написанные много сотен лет назад описания путешествий Народа. Это были неполные описания, многое пропало, а эти спасли она, Ньюн и Дункан. Скоро придет время, когда она нанесет на тонкие золотистые листы рассказ о Последнем Путешествии Народа. И она вздрогнула, подумав об этом.

Руки ее опустились на колени, она думала о Настоящем, глядя на мерцающий свет лампы.

Куда идти? — это уже решено.

Что делать? — это она тоже знала. Но ответов на многие другие вопросы она не знала. Некоторые из этих вопросов касались людей, регульцев и мертвых миров, другие — самого Кутата… и тем не менее все это был один, главный вопрос — на который она не имела ответа. Кто-то коснулся ее плеча. Она вздрогнула и, повернувшись, увидела мягкое лицо Килиса, юного сен, прислуживающего ей. Его руки одевали и раздевали ее, его глаза

были свидетелями всей ее жизни.

— Госпожа, Совет Сен ждет. Ты посылала за ними, госпожа. Она улыбнулась.

— Я жду их, — сказала она и осторожно собрала золотистые листки и уложила их в футляр.

Шевельнулся занавес и вошли члены Совета — сен первого и второго рангов — вошли и стали размещаться на тюфяках. Большинство из них были очень стары, со впалыми щеками, морщинистыми лбами. Жили они гораздо дольше, чем кел. Но был среди них и Тинас, который, как и она, был раньше кел и лицо его было покрыто шрамами, также, как морщинами. На лице Сатаса, предводителя сен, тоже был шрам. Сен Сатас всегда был угрюмым, но сегодня он хмурился больше, чем обычно.

— Сен хотят что-то спросить?

— Мы видим нависшую над нами опасность, — сказал Сатас. — Об этом мы и хотим предупредить госпожу.

— Да.

— Это тебя не волнует?

— Волнует. Хотела бы я, чтобы это было не так. Но выбирать не нам. Это и есть ваш вопрос?

— Госпожа знает наши вопросы. Они касаются ци-мри.

— Дункан принес нам возможность выбора.

— Ты посылала его за этим? Она взглянула в глаза Сатаса, где таился тщательно скрываемый вызов и слегка улыбнулась, подняв руку ладонью вверх.

— Он пошел сам. Но я позволила ему идти. Глаза сверкнули затаенной страстью.

— Ты серьезно рассматриваешь их предложение?

— Мы рассмотрим его… и отберем нужное нам. Но о присутствии Дункана здесь можете не думать. Он принес нам возможность выбора и понимание того, что висит над нашими головами. Он служит Народу. Его жизнь нужна нам. Ты меня понимаешь?

— Понимаю.

— Но тебе это не подходит?

— Мы всего лишь твое оружие, госпожа. А ты — наше оружие. Ты свернула в сторону?

— От нашего курса? Нет. Нет, поверь мне, сен. Я еще не свернула пока.

Все молчали. В глазах светилось ожидание. «Верь мне», — так говорила Интель, старая госпожа, которая могла убедить Совет во всем, в чем только хотела, опутывая членов Совета словами, мягкими, как шелковые нити, но крепкими, как

канаты. Мелеин училась этому у госпожи, и судя по всему, кое-что постигла. Может, все госпожи знают это и обладают этим даром. Мелеин не знала. Ведь госпожи никогда не встречаются, только в тот момент, когда старая госпожа умирает, а на ее место становится молодая.

Действительно, старая Интель умела сдерживать своих детей, когда они пытались бунтовать, она умела переубеждать старейшин, которые и сами имели немалую власть в племени. В ее глазах светилась такая сила, которая вызывала мурашки на теле, заставляя отворачивать глаза непокорных… и затем они следовали за ней… и сила эта была такова, что даже в ее отсутствие никто не мог найти аргументов, которые смогли бы поставить под сомнение правильность ее решения.

Интель все еще властвовала над Мелеин, а Мелеин… властвовала над племенем.

10

Шеф службы безопасности вернулся, чтобы нарушить покой в лаборатории. Эверсон со страхом воззрился на него: этот человек всегда так настойчив и придирчив. Он взглянул на бумаги, лежащие перед ним и инстинктивно прикрыл их рукой, когда Дегас взял одну из них и стал читать.

— Есть какие-нибудь успехи в расшифровке передач регульцев? — спросил Дегас. — Это срочно. Эверсон протянул руку за бумагой и получил ее обратно. Дегас сардонически усмехнулся, глядя, как Эверсон прячет ее.

— Это не шифровка, — сказал Эверсон. — Это идиомы. Их можно понять, если знать язык Курага.

— Курага?

— Это планета регульцев, где говорят на этом языке, — ответил сухо Эверсон и ощутил дискомфорт, когда Дегас присел на край маленького столика перед ним. Дегас положил перед ним одну за другой несколько кассет, вынув их из кармана.

— Все продолжается, доктор Эверсон. Мы теряем время. Наши люди на планете решили сделать вылазку. Есть шанс, что они что-нибудь найдут. Но, возможно, все кончится для них плохо. Сейчас мы получили официальную просьбу от регульцев: они хотят посадить свой челнок рядом с «Флауэром». Эверсон прикусил губу.

— Адмирал решает, — сказал Дегас. Возможно, Дегас ждал, что Эверсон сделает какие-либо замечания по этому поводу. Эверсону не нравилось соседство с регульцами, но он не знал, что тут можно было бы предпринять.

— Из твоих сообщений, — сказал Дегас, — адмирал понял, что регульцы могут сесть и без нашего разрешения.

— Могут, — признал Эверсон. — Они знают, что мы не станем ничего предпринимать, чтобы остановить их. Дегас перегнулся через стол к Эверсону. Этот человек носил темную одежду и знаки отличия на нем сверкали, как и оружие, несмотря на то, что он имел вульгарные манеры.

«Как у кел», — подумал Эверсон.

— Доктор Эверсон, вы нас парализовали своими «да» и «нет». Вы не говорите ничего, кроме того, что нельзя предпринимать никаких действий. Вы все время уговариваете нас ждать. А как вы

относитесь к регульцам?

— Я уже ничего не могу сказать с полной уверенностью.

— Но предположения?

— Без достаточной информации…

— Предположения, доктор. Часто они более ценны, чем тщательно обдуманное и сформированное мнение.

— Нет, — возразил Эверсон. — Это опасно.

— Выскажитесь.

— Я считаю, что возможно… возможно у регульцев не один взрослый. Один из них останется на корабле, второй спустится на челноке. Дегас с шумом выпустил воздух из легких через зубы.

— Голова гидры, — сказал Эверсон. Дегас с недоумением взглянул на него. — Старая легенда, — пояснил Эверсон. — Очень старая. Отруби гидре голову и на ее месте вырастут две. Убей взрослого регульца и в результате метаморфозы появятся двое. Шок… некий биологический триггер… Дегас нахмурился.

— Меня одно беспокоит, — заметил Эверсон. — Как они учатся?

— Вопрос для ученых, — сказал Дегас, поднимаясь. — Решишь это в свободное время. Как насчет остальных материалов, которые ты получил?

— Нет, нет, — заговорил Эверсон. — Слушай меня, это очень важно. Ведь они ничего не записывают. Дегас пожал плечами.

— Я уверен, что ты решишь эту проблему.

— Нет! Нет! Слушай! Они помнят! Помнят! То, что умерло с баем Чарном, умерло для них. Перевоплотившиеся регульцы стали взрослыми без всякого влияния извне, без информации от взрослых.

— Тем легче общаться с ними. По-моему, для паники нет причин. Эверсон в отчаянии покачал головой:

— Совсем не обязательно. Ты хотел предположений, полковник Дегас. Я их высказал. Мы сейчас имеем дело с регульцами без связи с домом, без прошлого, которые не могут представить себе своей миссии, которые могут действовать совсем не так, как регульцы, и это опасно. На Кесрите регульцы нападали и эти регульцы могли научиться нападать.

— Докажи это. Эверсон махнул рукой; он не понимал поведения этого человека, его упрямства. Он понимал регульцев, но не мог понять человека и внезапно он начал сомневаться во всем, даже в том, что знал наверняка. Дегас наклонился к нему:

— Докажи мне, ведь наши аналитики ничего не смогли выяснить. Что ты знаешь? Скажи мне. Эверсон покачал головой.

— У меня мало времени, доктор. Когда ты все обдумаешь, то сообщи моему помощнику. Но мне все равно придется рассматривать все возможности. Кассеты, доктор, получены со сбитого челнока. Пилот погиб. Как это укладывается в твою схему?

— Я бы сказал, если бы ты слушал.

— Я буду слушать, когда ты будешь полностью уверен в своих словах. — Дегас взял одну кассету. — Это обзор планеты. Ты можешь сам ее расшифровать или лучше отправить на «Флауэр»?

— Вообще-то я не специалист в этом вопросе. Но я хочу посмотреть. Отправишь потом.

— Это плохо, что вы, ученые, находитесь не в одном месте.

— Что поделаешь…

— А теперь, — Дегас достал лист бумаги и положил перед Эверсоном, — подпиши.

— Прямо сейчас? — Эверсон сделал глубокий вдох, стараясь сдержать раздражение. — Я тоже занятый человек, полковник. Ты можешь подождать?

— Подпиши. Он не любил Дегаса. Слишком неприятный и напористый тип. Но если подписать, то он покинет лабораторию. Эверсон взял ручку и написал:

«Отправить кассету на рассмотрение специалистам». Он посмотрел на Дегаса:

— У меня тоже есть кое-какие материалы, которые я хотел отправить на «Флауэр».

— Если будет возможность, — Дегас показал на бумагу. — Напиши «срочно» и подпишись. Эверсон с недоумением смотрел на Дегаса. Нет, ему не понять мотивов поведения этого человека.

— Я должен проконсультироваться с адмиралом, — запротестовал он.

— Делай свое дело. Если не можешь его делать, передай тому, кто может. Подпиши и поставь гриф «Срочно». Челнок отправится через час, — он наклонился совсем близко к Эверсону. — Ты понимаешь, что происходит, доктор Эверсон? Наши челноки летают над старыми городами и мы теряем корабли. Вы же, ученые, только предостерегаете нас. Мы и сами не забываем об осторожности. Но нам нужна информация. Ведь мы находимся в пределах досягаемости оружия регульцев. Ты понимаешь? Подпиши и поставь «Срочно». Эверсон подписал. Руки его дрожали.

Он не понимал, причем здесь служба безопасности, но он понимал, что сам он находится в непосредственной опасности. Дегас собрал бумаги и кассеты.

— Благодарю, — сказал он с изрядной долей ехидства. И вышел. Эверсон стиснул руки и заметил, что они вспотели. Такие люди имели большую власть во время войн с мри. Некоторые же до сих пор считают, что имеют ее. Вот как этот. Он не понимает, что сейчас у них ужасное положение: мри внизу, регульцы наверху, а люди посередине. Он взял лист бумаги.

«Эмиль, Боаз права. В этом каким-то образом замешана служба безопасности. Либо политика, либо что-то личное. Я не знаю. Следи за регульцами. Не пускай их на корабль. Пожалуйста, будь осторожен. Будьте все осторожны. И пошли сюда Денни, если сможешь обойтись без него. Кажется, я все начинаю понимать. Но не могу сделать так, чтобы эти солдафоны понимали простую логику.

Сим».

Он сложил листок, положил его в конверт, запечатал и надписал: «Луиз. Личное». Затем он сел и стал размышлять. Кассеты. Внезапно он пожалел, что отправил одну из них. Он потерял информацию, которая была на ней. Он начал

просматривать остальные кассеты: сплошь что-то специальное, биосканирование планеты. Все, что он видел на экране, ничего ему не говорило. Поспешно он сменил кассету. Еще непонятнее. Он выключил плейер и откинулся на спинку кресла. Дегас сказал, что человек погиб. Он знал его имя: Ван. Погиб пилот. А теперь Дегас стребовал с него подпись, благодаря которой еще один челнок и еще один человек подвергнутся опасности. Дегас играет в свою игру и он, Эверсон, помогает ему. Скорее всего, Дегас понимает, что в этих кассетах не содержится ничего интересного и оставил их Эверсону, как насмешку. Гаррис. Он вспомнил о пилоте Гаррисе. Это был хороший пилот. Он прекрасно знал аппаратуру, установленную на челноках и мог бы помочь в расшифровке кассет. Эверсон включил интерком. Послышался голос оператора.

— Говорит доктор Симон Эверсон. Прошу отыскать пилота Гарриса и направить его ко мне в лабораторию.

— Хорошо, сэр. Он поблагодарил, выключил интерком и снова стал думать, постукивая кулаком по колену. Через некоторое время вспыхнул экран.

— Доктор Эверсон?

— Да.

— Доктор Эверсон, говорит лейтенант службы безопасности Мас Грей. Полковник Дегас отклоняет вашу просьбу, так как она нарушает план операции.

— Какую просьбу?

— Относительно Гарриса. Полковник считает, что разговор с Гаррисом нежелателен. Лейтенант Гаррис выполняет другое задание.

— Его нет на корабле?

— Он выполняет задание, сэр.

— Благодарю, — он резко отключил связь и снова стиснул руки. Немного погодя он собрал кассеты, записи, подошел к двери и открыл ее. За дверью, в коридоре, стоял юноша в форме службы безопасности. Не известно, стоял ли он на посту или просто случайно оказался здесь. Эверсон тут же вернулся, чувствуя, что весь обливается потом и сердце его бешено колотится. Он снова положил на стол кассеты и бумаги, достал из кармана пузырек с таблетками, пососал одну и сердцебиение утихло. Затем он снова включил интерком.

— Доктор Эверсон. Соедините с адмиралом.

— Для этого нужно переключить канал.

— Переключите. Экран на мгновение погас.

— Доктор Эверсон, — послышался голос Дегаса. — Ты чем-то не доволен?

— Соедините меня с адмиралом, немедленно, — Эверсон с шумом втянул в себя воздух и выпустил его. Возникла пауза. Сердце болело все сильнее. Он сам был родом с Хэйвена. В ту войну такие люди обладали властью, абсолютной властью. Он знал это.

— «Немедленно», — повторил он. Пауза.

— Свидание с адмиралом требует предварительного согласования, — сказал наконец Дегас. — Я попробую это устроить.

— Немедленно!

— Я встречу тебя в приемной адмирала. Ведь если вопрос касается деятельности службы безопасности, мое присутствие необходимо. Снова сильная боль в сердце, более сильная, чем при взлете.

— Должен сообщить тебе, что больше нет необходимости в полетах на планету. Это теперь более рискованно, чем тогда, когда мы пришли сюда. Я не могу рисковать людьми.

— Слышу, — отозвался на пределе дыхания Эверсон.

— Может, у тебя есть новая информация? Я хотел бы знать ее.

— Жалоба. Жалоба на твердолобую тактику службы безопасности. Я хочу, чтобы от моего кабинета убрали часового. Я хочу иметь дело только с теми, кого я сам выберу, я хочу говорить с адмиралом.

— Короче говоря, ты хочешь, чтобы деятельность всех нас, всего корабля была приспособлена к твоим требованиям. Я пытаюсь быть тебе полезным, доктор Эверсон.

— Ты забрал информацию, которая могла быть полезной мне.

— Ты получишь копию. И кроме того, у меня есть твое заявление, что ты не специалист в расшифровке. Скажи, в каком направлении ты сейчас работаешь? Адмирал хочет узнать это.

— Я протестую против такой постановки вопроса.

— Будь в лаборатории, доктор Эверсон. Паника охватила Эверсона. Он сидел и слышал, как щелкнула разрываемая связь. Неужели ему нельзя связаться ни с кем, помимо этого человека в коридоре? Он понимал, что против него не будет применено насилие, если он пожелает выйти из кабинета. Но само ощущение слежки, надзора было для него неприятно, противно. И он не осмелился бы выйти. Он сидел и ждал. Вскоре вошел

человек, закрыл за собой дверь, пересек комнату и подошел к нему, спокойно глядя ему в глаза.

— Мы не понимаем друг друга, — сказал Дегас. — Нужно объясниться.

— Убери человека от двери.

— Там никого нет. Эверсон перевел дыхание.

— Я протестую против такого надзора.

— Твое право протестовать, мое — поступать так, как необходимо в сложившейся ситуации.

— Но в чем дело? — воскликнул Эверсон. — Мы с вами по разные стороны?

— Возможно, имеем разные мнения о ситуации. — Дегас снова уселся на столе. — Мы оба люди с совестью, доктор. Ваше мнение окрашено паникой. Мое — основано на реальности. Ты встречал мри, доктор? Ты имел дело с агентом, который стал мри?

— Мы все с Хэйвена. Мы все помним… но…

— Сейчас интересы дела требуют, чтобы мы разорвали контакт с регульцами ради защиты мри. Ты понимаешь это? Эверсон раскрыл рот от изумления. Политика снова коснулась его.

— Я… я не знаю… Нет, это сумасшествие…

— Это необходимость. Доктор поднял руку, чтобы вытереть пот со лба и взглянул на Дегаса.

— Ты не советуешь этого делать? — спросил

тот.

— Нет. С ними трудно иметь дело, но можно, это я знаю. Но в нынешней ситуации не просто трудно, а опасно.

— Ты действительно понимаешь положение дел? Сейчас мы должны блюсти интересы мри. Миссия на планете пришла к такому выводу. Лидер миссии, доктор Боаз хочет войти в контакт с мри. Регульцы не угрожают нам. Это не агрессивная раса, они не являются угрозой. Ты согласен с этим?

— Но мы в крайне опасном положении. Ты сам сказал…

— Доктор Эверсон, мы должны рассмотреть все возможности, чтобы правильно вести политику. Сейчас получены новые данные, удостоверяющие, что города на планете живы. Мри не хотят вступать с нами в контакт. Поэтому мы послали группу с мирной миссией на планету. Наши союзники действуют сейчас независимо… либо вследствие изменения нашей политики по отношению к мри, либо из-за убийства их лидера агентом мри. Ты можешь сказать, каковы их намерения? Как надо нам действовать? Эверсон сидел молча. Затем он медленно скомкал конверт с письмом Луизу и сунул его в карман.

— Значит, жизнь в старых городах существует и, тем не менее, группа вышла?

— Мы узнали об этом только сегодня утром. И у нас нет связи с группой.

— Их нельзя вернуть?

— Можно, но тогда регульцы поймут, чего мы добиваемся. Как регульцы воспримут это? Какой реакции нам ждать? Доктор, ты должен знать это. Что ты можешь сказать о них?

— Мы не должны терять их. Нет. Мы не должны допустить, чтобы это произошло.

— Разъясни. — Дегас устроился поудобнее на столе. — Мы должны иметь письменные рекомендации, которые возможно использовать практически. Ведь мы сейчас слепы перед оружием и мри, и регульцев. Мы пытаемся защитить мри, заплатив за это цену нашего договора с регульцами. Мы становимся врагами расы, от которой можно было бы получить громадную пользу. Я думаю, доктор, что нам предстоит подробно поговорить по этому поводу.

— Хорошо, я подумаю.

— Прямо сейчас, не откладывая, — жестко сказал Дегас.

11

Кто-то шевельнулся рядом. Ньюн вздрогнул, поднял голову, в панике вспомнив о Дункане… Он посмотрел на него и увидел, что тот спокойно спит. Кел Рас сидела на корточках возле него, опираясь на меч и глядя на него из темноты.

— Они тут, — шепотом сказала она. — Предводитель, я думаю, что тебе нужно выйти и посмотреть самому.

Кел стали просыпаться от шепота. Вот уже приблизились Нлил, Серас, Десаи, Мерин, юные Таз, Дхас, другие… холодок пробежал по телу Ньюна, он ощутил глубокое одиночество. Он взглянул еще раз на Дункана, который спал, зарывшись лицом в шерсть дуса и отгородившись сном от суровой реальности.

Чтобы ни произошло, они должны оставить Дункана в мире, ведь он же кел с Кесрита, что само по себе означало высокую честь. Что же касается его самого и Мелеин… Он поднялся на ноги, отбросив в сторону все сомнения и беспокойства, поднял меч, перекинул его через плечо. Затем он вышел вон из палатки. Рас, Нлил и Десаи вышли

за ним. Было раннее утро.

— Госпоже сообщили? — спросил он. Никто не ответил и Ньюн жестом послал Десаи к палатке госпожи. Необходимо забыть обо всем, сосредоточиться на том, что ему предстоит сделать. Он не ощущал рядом с собой друзей. Это были только свидетели и ощущение одиночества снова нахлынуло на него. В слабом свете наступающего утра еще ничего нельзя было рассмотреть. Полутьма обманывала глаза, заставляя их видеть то, чего не было на самом деле. Вероятно, тысячи врагов укрылись в мягких складках песчаной равнины. Рас подняла руку, указывая на северо-восток, где монотонность равнины нарушала каменная гряда. Но никого не было видно. К кел присоединились и кат. Видимо, весть уже разнеслась по всему лагерю. Появились и сен, но детей не было видно. Они укрылись. Одна из женщин, которую он помнил, принесла ему сосуд с напитком. Он вспомнил то утро, когда эта женщина с мягким приятным лицом подарила ему свои ласки и тогда у него впервые возникла иллюзия любви и безопасности.

Анарис, — вспомнил он ее имя, взял у нее сосуд, отпил немного и вернул назад, снова ощутив одиночество. Еще большее, чем раньше. Он боялся,

и это ощущение было ново для него. Кат исчезли. Этой касте не было места в том, что должно произойти. Сен остались и Ньюн, обернувшись, увидел среди них белую фигуру Мелеин, поймал ее взгляд. Она не сказала ему ни слова, только ободряюще кивнула. Он подошел к ней и она коснулась губами его лба. После этого он пошел за круг шатров и все кел за ним. Пройдя немного, кел остановились, и он пошел дальше один, остановившись на краю склона, за которым простиралась якобы пустынная равнина. Холодный ветер гулял над ней. Конечно, он поступил неправильно, когда после долгого и трудного путешествия не заставил себя отдохнуть как следует, а вместо этого провел бессонную ночь возле Дункана. Ньюн накинул вуаль, так как кел не может оказаться без вуали перед чужими. Он перестал быть собой, Ньюном Интелем, он передал себя в руки Закона, в руки госпожи, в руки племени, в руки богов. «Он ждал.»

* * *

Город подавлял. Беспорядочные груды камней, печальные трупы, улицы, по которым носилось лишь эхо шагов, свист дыхательных аппаратов, да вой ветра. Галей внимательно следил за пусты-

ми раковинами домов, которые казались давно покинутыми. В таком месте и в такое время он был рад, что оружие у него под рукой и с ним несколько вооруженных товарищей. Только Боаз не была вооружена.

И облегчение, и разочарование испытывал Галей, обнаружив, что в городе нет жизни и никто на них не нападает из-за угла. Ничего. Ветер, песок, развалины.

И трупы.

Сначала он видел только трупы кел в черных мантиях. Затем стали попадаться золотые мантии, голубые… дети. Грудные младенцы. Боаз стояла над трупами и горестно качала головой. Шибо тронул труп кел ногой, без грубости, но с отвращением.

— Здесь нет ничего живого, — сказала Боаз. Она тяжело дышала, несмотря на маску. Все-таки она несла большой груз и сама была довольно грузной женщиной.

— Я думаю, что если бы кто-нибудь здесь оставался, трупы были бы захоронены.

— Дункан утверждал, что города пусты, — заметил Галей. Он подумал о том, что Дункан мог солгать и в душе у него вспыхнула трусость, которая заставляла его бросить все и бежать обратно

на корабль, взлететь в космос и объявить, что миссия провалилась и нужно улетать от этой проклятой планеты. Но он поборол в себе эту слабость. Он смотрел на убитых женщин и детей и волна гнева поднималась в нем. Он понятия не имел, что ощущают Кэдарин, Лейн, Шибо, но предполагал, что то же самое.

— Дункан говорил об убитых мри: женщинах, детях, — сказала Боаз. — Мы увидели это.

— Он говорил и о машинах, — заметил Лейн, молодой техник. — О работающих.

— Я не сомневаюсь, что мы найдем здесь и их, — ответила Боаз. Она осмотрелась и выбрала путь, куда хотела бы идти дальше.

— Идем, — сказал Галей. И они пошли, держа руки вблизи рукояток оружия, настороженно вглядываясь в чернеющие отверстия входов домов с арками чужой конфигурации, в развалины.

— Идите так, как ходят мри, — посоветовала Боаз. — Держите руки подальше от оружия. Это было не просто.

* * *

На пустынной равнине выросла черная тень. Ньюн стоял спокойно, хотя ноги его налились

усталостью. Он ждал, олицетворяя решимость яном. Враг появился и теперь ждал солнца. Легенды говорили, что Народ рожден от Солнца и хао-нат ждали дня, чтобы не начинать битву в темноте.

Становилось все светлее. Уже можно было различать цвета. На востоке засверкало солнце.

И тут появилась вторая линия кел, отдельно от первой. Сердце Ньюна забилось в тревоге. Если бы за его спиной стояли его родные кел, он высказал бы свою тревогу. Но при этих кел он ничем не выдал своего волнения. Он слегка повернул голову и увидел третью линию кел на юге… Значит, они окружены. Три госпожи объединились между собой. Три племени встали против него. Три предводителя кел пошлют ему вызов.

Как ему драться? С каждым по очереди или со всеми сразу? Сердце его упало, когда он подумал о Мелеин. Она умрет, если умрет он. Гнев захлестнул его, когда он вспомнил, что он принес в жертву, чтобы привести ее сюда… и теперь все потерять опять… От каждого из трех племен отделилось по одной темной фигуре. Это начало. Хао-нат решили начать первыми. Ньюн выбросил все из головы, успокоил дыхание, начал готовиться.

Но вот появилось еще одно племя… Четвертое… А вот и пятое, на северо-востоке.

Они знали… все знали… знали, что на планете чужой и знали, где его найти. Ньюн ощутил импульсы своего дуса. Дус, чувствовал кровь, в нем росла ярость.

— Нет! — мысленно приказал ему Ньюн. Сейчас он видел всех пятерых. Название племен он не знал, хотя должен был бы знать — мри этого мира… закрытые вуалями, сверкающие знаками Чести, каждый из которых означал вызов и победу. Все они сохраняли интервалы между племенами, чтобы территории не перекрещивались. Может они уже получили приказы от своих госпожой, как он получил от Мелеин, тогда это убыстряет дело. Они все рисковали: ведь племя того кел, которого он убьет, сливается, переходит под власть той госпожи, кел которой убьет его, Ньюна. А госпожа проигравшего племени умрет… Они уже достаточно близко, чтобы напасть. Но он продолжал стоять спокойно. Это было его право. Спина его, обращенная к собственному лагерю, казалась ему обнаженной, незащищенной.

Позади послышался шорох. Это насторожило его… предательство?.. К нему приближались шаги… Дункан? Он повернул голову и увидел, как

слева от него встал кел.

Нлил! Он не смог сдержать удивления, когда Нлил прямо взглянул в его глаза. За Нлилом встал Серас… слишком стар, тревожно подумал Ньюн. Мастер оружия, но слишком старый для такого дела. С его стороны это скорее акт мужества, чем реальная помощь. Справа послышались шаги. Ньюн посмотрел и к своему удивлению обнаружил Рас, глаза ее были холодны, как всегда. И внезапно встал пятый — кел Мерин, которого он едва знал.

Теперь положение изменилось. Снова он повернулся к чужим кел. Сердце его билось все сильнее. Неужели это ловушка, неужели кел разных племен и кел его племени сговорились между собой? Или же его кел решили защитить право Ньюна на руководство ими? Теперь он мог вызывать всех сразу, расправиться сначала с сильнейшим, а этих четверых использовать как задержку для остальных предводителей. Но это означает смерть для этих четверых. Они умрут, защищая его право на яном… Пятеро остановились перед ним, разделенные пространством.

— Предводитель кел яном! — крикнул тот, что был в центре. — Мы — яари, каномин, пата имари и хао-нат! Я предводитель кел Тиан Эдри

Дес-Наран, из моего племени яари госпожи Эдри. До нас дошли слухи и мы спрашиваем: даст ли нам ответ предводитель кел яном?

— Кел яном! — крикнул крайний справа. — Я предводитель кел Риан Тафа Мак-Эддин из племени хао-нат госпожи Тафа. И мой вопрос тебе известен.

Наступила тишина. Они все говорили на халари. И предводитель кел хао-нат тоже жив, чтобы выступать здесь лично…

— Предводители! Я — Ньюн Интель Аин-Абрин племени яном госпожи Мелеин. Мелеин — госпожа не только яном, но и всего Народа, — он глубоко вдохнул воздух, сжал рукоять меча. — Я предводитель Странников, тех, кто пришел из большого мира, наследник Ан-Эхона и Леа-Хаэта, Ха-Хаина и То-Шаи, предводитель кел Народа, рука госпожи-хранительницы Тайн. Во имя этой госпожи я подчинил яном, от ее имени я защищаю его, вызываю на дуэль и принимаю вызовы. Путь, по которому мы идем, наш путь и я буду защищать наше право идти по этому пути. Берегитесь. Они некоторое время стояли молча. Где-то шевельнулось что-то, встревожившее дуса и Ньюн успокоил его. За его спиной послышались шаги и шелест мантии, пахнуло запахом

священного бальзама. Он заметил белую мантию краем глаза, так как не рискнул выпустить из поля зрения врагов. Мелеин!

— Предводитель кел яном, — крикнул Риан хао-нат, — пусть твоя госпожа скажет нам слово. По Закону любой вопрос к госпоже должен быть передан через него.

— Скажи им, — услышал он голос Мелеин. — Пусть они передадут своим госпожам, чтобы они собрались здесь.

* * *

На небольшой площади лежали груды трупов, полузасыпанные песком. Но масштаб кошмарного зрелища не казался столь впечатляющим из-за близости Эдуна, возвышающегося над всем. Даже то, что он был почти разрушен, не умаляло его величественности.

— Идем через центр площади, — тихо сказал Галей и первым двинулся в путь. Боаз уверяла, что мри не нападут из засады, так уверял Дункан, таиться бессмысленно.

Сорок лет люди воевали с мри и весь опыт их войн утверждал обратное. Мри нападали только из-за угла, из засады. Как и сами люди, — с внезапной иронией подумал Галей. Ни когда человек

не выходил на открытый бой с мри.

Мертвые… чужие… везде. Но мертвые дети — всегда трагедия. Вот лежит женщина, широко раскинув руки, стараясь укрыть трех детей, как будто она могла защитить их от страшного оружия. Вот воин, держащий на руках ребенка. Вот два мри в золотых мантиях, они обнялись перед лицом неминуемой смерти, полностью примирившись с ней.

Чужие или нет, но регульцы убили их. А может они сами убили себя. Ведь были Хэйвен, Килува, Асгард, Тасс… и еще много-много зла, которое они делали друг другу. Город был мертв и Галею мучительно хотелось, чтобы жизнь шевельнулась в нем.

Они подошли к лестнице. Галей пошел вперед, по направлению к темнеющему входу. Галей знал эти эдуны, которые служили мри крепостями и еще чем-то. Никто не знал — чем. Святилищем? Домом? Никто не знал. Сорок лет. И сорок лет никто не знал, что каста кел у мри это не все, что раса состоит еще из кат и сен. Но эти две трети расы не сражались, не участвовали в войнах. Эдун поразил их всех. Они шли изумленные, глядя по сторонам, покачивая головами. Галей был военным, он сражался всю жизнь и он был рань-

ше уверен, что мри были предназначены только для войны. Но теперь он понял другое. Никто не произносил ни слова. Боаз остановилась возле узкого окна, чтобы посмотреть на площадь, по которой они пришли сюда. Но вот темнота эдуна обступила их и в этой темноте слышались лишь звуки их шагов и шум дыхания. Галей взял факел, зажег его и осветил заваленную обломками внутренность эдуна.

— Эй! — крикнул он, как бы стараясь вызвать хозяев. Но ему ответило только эхо.

— В левую башню, — сказала Боаз.

— Тут все может рухнуть, — возразил Галей, но пошел вперед по спиральному коридору. Тьма встречала их впереди и оставалась позади. Самое место устроить засаду, если бы здесь были те, кто мог устроить ее. Откуда-то сверху, через пролом хлынул свет и перед ними открылся широкий зал. Сердце Галея бешено забилось, когда он увидел ряд машин. Такое он уже видел на Кесрите.

— Святилище, — выдохнул он. Боаз остановилась в проходе, посмотрела но сторонам, на него и пошла дальше. В центре зала пола не было. Там виднелась груда обломков и торчали искореженные стальные балки. На панелях машин вспыхнули огоньки.

— Не касаться ничего — быстро сказал Лейн. Он прошел вперед, осмотрелся, оттолкнул Шибо и Кэдарина в сторону, нарисовал на полу черту, означавшую, что за ней нельзя ничего трогать и заходить за нее. Галей перешел было черту, но Лейн выпихнул его обратно.

— Оружие, — сказал он. — Вероятно, оно управляется отсюда.

— Ан-хи? — прогремел металлический голос. Боаз в страхе покачала головой, ничего не понимая. Голос продолжал и продолжал спрашивать о чем-то. Задавал все новые и новые вопросы.

«Оружие, — с ужасом подумал Галей. — Корабли на орбите, о, боги... мы включили машины». Лейн шагнул за черту и остановился там, освещенный призрачным светом индикаторов машин. Он взглянул на экраны, где мерцали загадочные письмена мри.

— Хие-ми! — крикнул он. Это было единственное слово на языке мри, которое он знал и означало оно «друг». Снова громогласные вопросы машины. Они повторялись и повторялись в разных комбинациях. А затем удар. Лейн рухнул на пол с остекленевшими глазами.

— Не стрелять! — крикнул Галей, увидев пистолет в руке Шибо. Все машины ожили и экраны

светились зловещим блеском. Боаз хотела было пощупать пульс у Лейна, но передумала и отступила назад. Все они застыли на месте. Галей бросил быстрый взгляд на Шибо, Кэдарина, чьи лица выражали тревогу, вокруг, на Боаз, которая неотступно смотрела на машины, белый свет которых превратил ее в серебряную статую, на Лейна, который лежал бездыханный. Постепенно все затихло. Свет погас. Галей бросился к двери, таща за собой Боаз. Все они побежали назад, к солнечному свету, так как машины вновь ожили, послышался громовой голос. Вскоре они оказались возле выхода. Их бегство походило на панику. Наконец они уже на улице. Встав у входа, они прислушались.

Площадь, песок, солнце — все, как прежде. Они стояли, тяжело дыша, глаза их горели, как у безумных.

— Мы не можем помочь ему, — наконец заговорил Галей. — Для него ничего нельзя сделать. Но мы еще вернемся за ним. Спутники выслушали его без возражений.

— Дункан говорил об этом, — сказала Боаз. — Машины. Как он и говорил. Со стороны города по отношению к ним не было никаких враждебных актов. Самое ужасное могло случиться только

что, но не случилось. Возможно, машины ждали приказа, приказа мри. Может, именно это они и спрашивали у них.

— Кто вы?

— Что я должен делать? Могущественный идиот требует указаний.

— Если между городами есть связь, — заметил Галей, — то, возможно, сообщение о нас уже послано. Шибо и Кэдарин молчали и только смотрели на Боаз, пухленькую, слабую Боаз, которая стала их единственной надеждой в этом мире, мире мри.

— Вполне возможно, — согласилась она с Галеем. — Но они ведь еще не выстрелили.

— Мы уходим отсюда, — резко сказал Галей. — Немедленно.

Он быстро пошел вниз по ступеням, остальные за ним. Мимо трупов кел, через площадь. Это его ошибка, его ответственность. Конечно, Лейн поступил храбро, но опрометчиво, вступив в разговор с машинами. Но ведь он, Галей, что-то ведь мог сделать, запретить ему, оттащить его, наконец…

— Мистер Галей, — сказала Боаз, задыхаясь под маской. Она даже стащила ее немного. — Нам ведь докладывать нечего. Мы не можем возвра-

щаться с этим. Он промолчал, но продолжал идти, размышляя над случившимся и стараясь забыть о смерти Лейна, переключиться на дальнейшие действия. Наконец они пересекли площадь и остановились среди развалин домов.

— Мы возвращаемся к челноку, — сказал Галей, — и попытаемся попасть в другой город.

— Сэр, — заговорил Кэдарин, — мы не спорим, но что можно сделать с этим? Мри — это куда ни шло, но машины…

— А я вот беспокоюсь о другом, — сказал Шибо. — Как отреагируют машины на взлет нашего челнока?

— Мри, — сказала Боаз, — живут не в городах. Дункан сказал нам правду относительно машин, значит, ему можно верить и в остальном. Нам нужно искать встречи с мри, а не с машинами.

— Мы полетим совсем низко над землей, — сказал Галей. — Это все, что мы можем сделать. К тому же мы можем лететь только по определенным коридорам, зонам сравнительной безопасности, так что у нас нет возможности для широкого поиска. Я считаю, что мы должны продолжить свою миссию. Возможно, другой город окажется в лучшем состоянии, — он опустил голову и долго смотрел в землю, держа руки в карманах. Затем

он посмотрел на своих товарищей. — Я предлагаю не включать случай с Лейном в рапорт. У нас нет времени для объяснений, к тому же это может привести к приказу прекратить полет. Я уверен, что и сам Лейн согласился бы с этим.

— Пока мы действуем, — сказала Боаз, — мы не даем возможности им принять другое решение, и кроме того, мы не позволяем снова начать это, — она показала на трупы. — Если мы вернемся, то кто знает, какое они примут решение? Если мы останемся здесь, то, быть может, сможем доказать, что с мри возможен контакт. Постараемся отбросить страх и добьемся здравого и справедливого решения проблемы мри. Шибо и Кэдарин кивнули.

— Пошли, — сказал Галей. — Перед нами долгий путь.

* * *

Прошло много времени, пока все госпожи собрались на песчаном склоне. Некоторые из них были очень стары, и все они шли очень неохотно. Ньюн стоял спокойно, хотя усталость сковала все тело. Он смотрел, как на что-то необычное, на белые фигуры, появляющиеся из-за холмов, в сопровождении нескольких кел и сен.

Мелеин пошла вперед, чтобы встретить их на склоне. Он пошел с нею. К ним присоединился Сатас, предводитель сен. Ньюн молчал. Если Мелеин захочет говорить, она заговорит сама. Несомненно, она пришла к решению этой сложной, и по его мнению, не имеющей решения, проблемы. Он надеялся, что это так.

Скорее всего, она предъявит им свой ультиматум, а потом он вызовет их всех. Так было с племенем яном.

Они остановились на расстоянии, утвержденном Законом, не превышающем броска камня. Кел были в вуалях, госпожи и сен — без них. На их лица годы наложили свои маски. Одна за другой они называли себя: Тафа хао-нат, Эдри яари, Хетаин ната, Неф мари, Утан каномин. У Тафы и Хетаин на лице были шрамы кел, и только Неф была сравнительно молода — средних лет.

— Назови свое имя, — сказала Тафа.

— Я — Мелеин Интель, Мелеин не-из-яном, Мелеин из Кесрита, последнего пристанища Странников, наследница городов Кутата, эдунов Нисрена, Элага, Хэйвена, Кесрита. Все госпожи хранили молчание и даже не переглянулись.

— Вы будете вызывать или будете слушать меня? — спросила Мелеин. Ни слова, ни звука.

Только ветер и шепот песков. Ничего более.

— Мне нужны кел, — сказала Мелеин. — Мне нужно сорок рук кел от каждого рода. После службы я отошлю их обратно со знаками Чести.

— Куда ты поведешь их? — спросила Хетаин. — В какую войну? Для какой цели? Ты принесла нам сюда нападение, разрушение наших городов, ци-мри. Куда ты поведешь их?

— Я прошу ваших сыновей для выполнения того, к чему мы были предназначены с самого начала. Я построю вам Дом, госпожи. Госпожи беспокойно зашевелились, стали переглядываться, хотя они не имели права смотреть друг на друга, заключать союз между собой.

— В твоем роде ци-мри, — сказала Тафа.

— Госпожи, доверьтесь мне, во имя Тайны Тайн, дайте мне кел, у которых хватит мужества вступить в эту битву, дайте сен, которые будут свидетелями их подвигов и опишут их для ваших Святынь.

— С ци-мри? — взвизгнула Тафа. — С ходячими зверями?

— Ты знаешь, что я не с Кутата, Тафа. И ты знаешь, откуда я. Сейчас все мы должны принять важное решение. Наш корабль погиб. Наших врагов не счесть. Из всех Странников в живых

остались только мы двое — я и мой предводитель кел. Мы двое сделали Кутат своим домом и вы хотите уничтожить нас, сделать то, что не сделали ци-мри. Но вместе с нами погибнете и вы сами. Садитесь и ждите смерти, госпожи, или дайте мне силы, которые мне нужны.

Тафа повернулась и пошла прочь, но была остановлена своим предводителем. Холодок пробежал по спине Ньюна. Одно время он еще надеялся на невозможное, на то, что пять племен смогут объединиться против общего врага, против пришельцев… Предводитель кел хао-нат шагнул навстречу ему: Риан Тафа. Ньюн двинулся вперед, встретил его глаза под вуалью. Кел был старше, чем он, выглядел он уставшим, так как проделал тот же путь, что и Ньюн. В глазах его не было вражды, только сожаление. То же самое выражение было и в глазах Ньюна. Он тоже смотрел с сожалением и также смотрел и Мераи. Он хотел протестовать, но при вызове они оба не имели права говорить. Кел обоих племен должны были окружить сражающихся кольцом, чтобы поединка не видели члены других каст. С легким свистом мечи вышли из ножен, поднялись в воздух. Ньюн ждал, полностью отключившись от всего, направив весь свой разум в меч. Начался

бой, удар за ударом. Ньюн отражал удары и наносил их сам. Еще ни один из них не был ранен. Лезвия наносили удары только друг по другу. Этот Риан был хорошим воином. Еще удар. Глаза и разум Ньюна переместились в лезвие меча. Еще удар. Ньюн увидел ловушку и легко избежал ее.

— «Стоп!» Короткий приказ Тафы и оба они застыли, подняв мечи. Ньюн подумал о предательстве, не чужих, не ци-мри, а мри. Янтарные глаза, такие же, как у него, смотрели из-за двух лезвий.

— Предводитель кел хао-нат, — снова крикнула Тафа. — Прекратить поединок. Ньюн спокойно сделал шаг назад и теперь оба они были в недосягаемости мечей.

— Прекратить поединок, — повторила Тафа. — Хао-нат просят прекратить.

Он сделал еще шаг назад и ждал, пока Риан вложит меч в ножны. После этого и его собственный меч скользнул в ножны. Прекратить поединок — это была прерогатива вызывающего, чтобы остановить бой до того, как кто-либо из противников погибнет. Но тот, кого вызвали, мог потребовать продолжения, и тогда смерть одного из них была неминуема. Ньюн понял, что выиграл, что его противник остался жив, и что он

рад этому. Но он не расслабился. Вызовы могли продолжиться. Вполне возможно, что каждый из предводителей захочет испытать силу Ньюна.

— Мы дадим тебе две сотни, — сказала Тафа, — и своего предводителя с ними. Ты можешь потребовать больше, но мы предлагаем только это. Пауза.

— Я принимаю, — сказала Мелеин. Ньюн медленно выдохнул воздух из легких. Биение пульса отдавалось в ушах и он плохо слышал.

— Однако, — сказала госпожа патов, — наши кел останутся с тобой, если мы будем согласны с твоими планами. Мы не можем присутствовать в твоем шатре, поэтому позволь нашим предводителям кел быть на Совете и затем сообщить нам обо всем, что услышат. После этого мы решим что делать: дать тебе кел или вызвать тебя на дуэль. Я думаю, это будет справедливо.

— Да, — в один голос согласились госпожи мари и яари.

— Мы, каномин, должны предварительно посоветоваться со своими союзниками из эдуна Хохайн. Эдун находится далеко отсюда и нам потребуется несколько дней, чтобы связаться с ними. После этого мы сообщим о своем решении.

— Согласна, — сказала Мелеин. — Жизни и

Чести, — она повернулась. Остальные госпожи тоже, вместе со своими сен. Кел остались, прикрывая отход. Ньюн посмотрел на Риана. Кусок ткани лежал на песке. Это кусок его мантии или мантии Риана? Ньюн открыл свое лицо, чтобы кел других родов смогли рассмотреть его. Те сделали то же самое и теперь Ньюн рассматривал их, стараясь запомнить Риан хао-нат, Тиан яари. Самым молодым оказался Кедрас пата. На лице его красовался свежий шрам от угла рта до подбородка. Эла мари был старше, но самым старшим оказался Калис каномин. Шрамы кел уже почти исчезли на его лице от времени.

Ньюн повернулся и пошел за Мелеин. Некоторое время они шли по отдельности. Он посмотрел на шатры, где выстроились кел, на тех четверых, что совершенно неожиданно встали рядом с ним и он понял, что они поступили так не ради него самого, а ради чести племени яном, ради Святыни. Они не хотели смешения племен после поражения Ньюна. Род Рас в течение многих лет защищал честь яном и поступок Рас был обусловлен ее долгом памяти погибшему брату. И у Нлила, и у Сераса, и у Мерина… у всех них были свои причины поступить так, и Ньюн был рад, что их интересы совпали с интересами Мелеин

и его. Однако он был благодарен им. Он шел, окруженный этими четырьмя кел, и вот они уже влились в черные ряды кел, вошли в лагерь, где встревоженные кат и сен ожидали решения своей судьбы, судьбы племени.

— Достигнуто соглашение, — громко провозгласила Мелеин, чтобы все смогли услышать. — Они пришлют предводителей на наш Совет и затем предоставят помощь нам. Дуэли не состоялись…

Все в лагере перевели дыхание… но облегчение было не полным… ведь ими, по-прежнему руководили чужие и вели их к непонятной цели. Но яном все еще существовали как племя и будут существовать. Дус Ньюна вышел из палатки, излучая беспокойство. Он успокаивающе коснулся его лохматой головы, глядя вслед Мелеин, уходящей в окружении сен. Апатия нахлынула на него, как дыхание холодного ветра. Он повернулся и, сопровождаемый дусом, вошел в палатку, не обращая больше ни малейшего внимания ни на кого, включая и тех четверых, к которым только что испытывал горячую благодарность. Вероятно, они подумали, что он снова отвернулся от них. Он подошел к Дункану, сел возле него, обеспокоенный тем, что тот все еще спит на плече своего дуса. Лицо его было спокойным, как смерть, в

слабом свете, проникающем через полог палатки. Ньюн скрестил ноги, положил руки на колени и попытался немного отдохнуть. Послышались шаги. Он открыл глаза и увидел Нлила.

— Ты не ранен?

— Нет, благодарю тебя, кел Нлил.

— Я поступил, как должен поступить второй кел племени.

— Да, конечно. Где Рас?

— Там, где ей хочется быть. Она не спрашивает меня, где ей находиться. — Он посмотрел на Дункана, нахмурившись. Ньюн заметил, что глаза Дункана приоткрылись и посмотрели на них обоих. Нлил коснулся его рукава с таким видом, как будто ему было это трудно сделать. — Предводители кел других родов очень встревожатся при виде его. Ньюн положил руку на плечо Дункану, как бы желая успокоить его. Дункан уже пришел в себя, хотя еще и не совсем очнулся от сна.

— Они придут, — сказал Нлил Дункану. — Ты сможешь посмотреть на них, — затем он отвел от него взгляд. — Никогда не думал, что такое может случиться когда-либо, — он теперь взглянул на Ньюна. — Дункан твой и никто из чужих не коснется его. Но я уверен, что он совсем не то, что им захочется увидеть в первую очередь. Дункан

моргнул. Возможно, он расслышал слова Нлила.

— Что же, — сказал Ньюн, — приводи их сюда, когда они придут в лагерь. Нлил нахмурился.

— Пусть они увидят меня таким, какой я есть. Я вовсе не претендую ни на что другое, — сказал Ньюн.

— Но ты совсем не такой! — воскликнул Нлил. — Чужие предводители совсем не то, что ты есть на самом деле. Это восклицание рассердило и встревожило Ньюна.

— Тогда ты не знаешь меня. Нлил, слушай, — Дункан мой брат, а дус — часть моего разума. Я не с Кутата, я не из рода Мераи. Приведи их сюда.

— Хорошо, — сказал Нил и удалился с видом оскорбленного самолюбия.

И вот они пришли… предводители кел пяти племен… в мягком шелесте мантий и величественном молчании. Каждого из них сопровождало несколько кел, всего шестнадцать. Для проснувшегося Ньюна они были черной стеной. Рядом с ним и Дунканом уже сидел Нлил. Ньюн повел рукой, приглашая их сесть на тюфяки. Они уселись и подняли вуали. Полог шевельнулся и в палатку вошли другие кел, кел племени яном. Ньюн положил руку на шею дуса и сидел неподвижно, предоставляя чужим кел смотреть на

него сколь угодно долго. Особенно Риану, чье лицо, однако, не выразило ничего.

— Я приветствую вас, — прервал наконец затянувшуюся паузу Ньюн. — Сразу же хочу предупредить: не давайте воли сильным чувствам — животные чувствуют их и сами излучают. Они могут воздействовать на вас, если вы не будете держать себя в руках. Кел Кесрита, откуда я пришел, изучили их способности и весьма ценят их. Они научились использовать их для своих целей. Они преданные друзья, но могут быть злейшими врагами. Риан Тафа, я прошу прощения за случай с тобой. Это был момент смятения и замешательства. Остальные ничего не поняли. Глаза Риана встретились с глазами Ньюна, затем скользнули на спящего Дункана.

— Он из яном, — ответил на его безмолвный вопрос Ньюн. Повисла долгая пауза и тяжелое, гнетущее молчание. Дусы шевельнулись, но Ньюн успокоил их прикосновением. Они могли сейчас разрушить все то, что с таким трудом было построено.

— Он пришел с чужого корабля, — сказал Риан. — Мы проследили его. И ты с ним встретился. Это вопрос, который я хочу задать, кел яном.

— Я — Дункан без матери, — хриплый голос

удивил всех. Ньюн увидел, что глаза Дункана открылись. — Я прилетел на корабле мри, но я ходил к ци-мри, чтобы спросить, что им здесь нужно.

— Сов-кела, — успокоил его Ньюн. — Это правда, — обратился он к Риану. — Он не лжет.

— Кто он? — спросил Калис.

— Мри, но когда-то был человеком.

— Это наше личное дело, уважаемые предводители, — вмешался Нлил. Вновь наступила долгая пауза.

— Он болен, — сказал, махнув рукой, Риан.

— Я в полном порядке, — ответил Дункан, которого задел этот презрительный жест. Ньюн положил ему руку на плечо, чтобы предотвратить возможную вспышку гнева. Однако на лице Риана не появилось выражения злобы, но по нему прошла тень, похожая на рябь, оставляемую на песке ветром.

— Пусть так, — согласился он. — Мы обсудим этот вопрос позднее.

— Несомненно, — сказал Калис, — у нас с вами разные боги. Некоторых мы принимаем. Но что вы принесли нам? Мы видели прилетающие и улетающие корабли. Хао-нат говорят, что Ан-Эхон уничтожен. Мы не знаем судьбу Эохэна. Это не

первое появление ци-мри в нашем мире, но, боги, еще никогда мри не приносили с собой этого!

— В том мире, откуда мы пришли, — заговорил Ньюн, — мы остались последними. Мы служили ци-мри, которые наняли нас. Но это была не раса Дункана. И теперь они прилетели сюда покончить с нами. Впрочем, это дело госпожи, не мое. Разделите с нами огонь и пищу, разделите женщин кат, если они придутся вам по вкусу. Вы окажете честь им своим вниманием. Что касается остального, то отложите свое суждение.

— Когда твоя госпожа будет говорить с нами? — спросил Элан мари.

— Не знаю, она позовет. А пока устраивайтесь поудобнее.

— Нам не уместиться в твоей палатке, мало места, — заметил Кедрас.

— Мы протянем канаты от шестов палатки сен и натянем новый тент. Наступила тишина и в ней отчетливо прозвучал голос Кедраса:

— О, боги, мы в одной палатке!

— Кел моей родины служили ци-мри, — медленно заговорил Ньюн. — И перелетали от мира к миру на кораблях ци-мри. Этим самым они защищали мри, живущих на родине, в том числе и на Кутате. Это было в те времена, когда жили

большие города.

— Мы этого не знаем, — сказал Кедрас. И другие подтвердили его слова кивками голов.

— Мы принесем свои палатки, — сказал Риан яари, — и разместимся каждый в своей. Остальные опять кивнули. Ньюн почтительно поднялся, глядя вслед выходящим из палатки. Кел яном тоже поднялись, провожая гостей, затем снова опустились на тюфяки. Нлил пошел провожать гостей с несколькими кел: вдруг им что-нибудь понадобится. Ньюн сидел, глядя на закрывшийся полог палатки.

— Чужие, — услышал он голос Дункана, и понял, что тот еще ничего не знает. — Здесь не только хао-нат, здесь и другие.

— Я потом тебе объясню. Отдыхай. Лежи спокойно. Все хорошо. Даже лучше, чем могло быть.

Он погладил дуса, взглянул в лица кел, не сводивших с него глаз со странным выражением… может, неприязнь, а может, замешательство. Рас была тут… и Серас… и Мерин…

— Обращайтесь с ним, как со всеми своими, — сказал Ньюн им. Он вытащил меч из ножен и положил его на тюфяк рядом с собой, когда увидел, что Таз подносит ему сосуд с напитком. — Кат прислали, — пояснил он. Ньюн кивнул и выпил,

хотя понимал, что Дункан больше нуждается в этом напитке. Он вернул сосуд, вспомнив об Анарис и подумал, что хорошо бы этот вечер провести с кат, с Анарис. Там бы он получил и удовольствие, и отдых. Искусство Риана заставило его подумать о смерти, а искусство Анарис позволило бы ему забыть об этом. Ньюн слишком пренебрегал кат, принимая поклонение Анарис и ничем не платя за него. Она, впрочем, была счастлива. Ее ребенок выжил после налета и предводитель кел изредка приходит к ней. Сегодня вечером в лагере чужие и Анарис не дождется Ньюна. Он закрыл глаза, вздохнул, открыл их снова и сказал:

— Я сам отнесу сосуд.

— Сэр, — запротестовал Таз. — Это было бы не по обычаю, неправильно. Но Ньюн поднялся, взял сосуд и вышел из палатки.

12

Луиз смотрел на экран, по которому бежали строчки сообщений. Он просматривал пленку снова и снова.

«…в первом городе информация Дункана подтвердилась. „Данте“ переходит в другой город для получения новых данных».

«Контакта с нами нет. Миссия „Данте“ действует абсолютно самостоятельно».

«Боаз», — подумал он, качая головой. Легкая улыбка скользнула по его губам: он вспомнил, как она была счастлива… попасть к мри с камерой, магнитофоном, записной книжкой. Она же сойдет с ума, если военные решат вернуться слишком быстро. На столе лежала другая кассета, содержание которой совсем не радовало его.

«Предостережение:

В городах машины еще функционируют. Держите корабли вне зоны досягаемости оружия мри».

Он смотрел на бегущие по экрану строчки, повторяющие сообщение Боаз. Он бы с удовольствием связался с нею, если бы это было

возможно. Они предоставлены самим себе. Очевидно, они тоже знают о существовании машин и источников энергии в городах. Знают, но не предостерег корабли о возможной угрозе, предпочли умолчать. Он прикусил губу, вспомнив о способности Боаз убеждать людей, и подумал, о чем же еще решила умолчать миссия Галея. Уж больно странно оптимистическое сообщение они прислали. Он оставил его без комментариев, чувствуя себя виноватым.

«Ничего, — подумал он, — на „Сабере“ сами разберутся и сделают свои выводы».

* * *

Комната подготовки служила показателем жизни всего «Сабера». Острый глаз, наблюдающий за деятельностью в этой комнате, мог бы сделать заключение обо всем происходящем. А острое ухо, слушая разговоры, могло бы узнать все подробности работы той или иной группы. Гаррис сидел здесь, обеспокоенный отсутствием контакта с группой Галея. Он сидел, ощущая бешеный ритм жизни корабля: прилет и отлет челноков, возвращение групп с задания, отправление групп для выполнения задания, определенных миссий. С каждым он обменивался парой слов. Гаррис на-

полнил чашку кофе, получил по своей карточке пакетик сушеных фруктов, сунул его в карман и снова стал смотреть на экраны, где то и дело появлялись сообщения.

Кроме «Сантьяго» сейчас в полете было два корабля и еще два наготове, четыре имени на полетном табло. Это нормально. Обычная рутина. Он прошел к экрану и прочел светящуюся под точкой надпись:

«Флауэр». Он отпил кофе и стал ждать, как он ждал все эти дни. С помощью ручного компьютера он включил библиотеку, откинулся на спинку кресла и через некоторое время понял, что он прочел уже четыре страницы, даже не осознав, что же прочитал. Он поднял голову: на задание отправлялась следующая группа.

В комнату вошли два человека: Норт и Мэйги — его люди. Гаррис подтянул ноги и предложил им сесть. Мэйги сел, а Норт прошел к экрану, чтобы оценить обстановку. Внезапно все изображения на экранах остановились, кто-то отключил систему информации. Гаррис встал, за ним Мэйги. Но вот изображение снова пришло в движение, только теперь расширился сектор обзора. От большой красной точки — корабля регульцев — отделилась маленькая.

— Ну вот, — пробормотал Мэйги. В комнате повисла гнетущая тишина. Гаррис проглотил глоток в горле. Красная точка направлялась не к планете, а к их кораблю, сюда. На экране вспыхнули слова:

«Зеленый код».

— Просится на борт, — заметил Норт. Они все прекрасно знали кодовые знаки и сигналы. Значит, они летят сюда. К горлу Гарриса подступила тошнота. Он выругался.

— Видимо, наши союзники снова хотят действовать сообща с нами, — сказал Норт.

— Эксперт-регулец, — сказал Мэйги, — вот кто летит к нам. Это Эверсон сосватал нам регульца.

* * *

Кох отпил из чашки — там был сой — дань уважения к регульцам и обвел глазами комнату: делегация регульцев и его люди. Старший регулец сидел в своей тележке, молодые регульцы сидели прямо на ковре за ним. Впрочем, при их коротких ногах не было большой разницы в том, сидят они или стоят. С его стороны присутствовали Дегас, Эверсон и два помощника. Со стороны первых двух он ждал полезных советов, а вторые два играли роль простых статистов для уравно-

вешивания количества. Один из них, правда, вел протокол совещания.

— Бай Кох, — почтительно сказал старший регулец Сут. Его щелевидный рот изобразил подобие улыбки. — Я очень рад, что мы собрались на переговоры после кризиса.

— Бай Сут, — Кох посмотрел на регульца искоса, будучи не в силах поверить, что он когда-то знал его — настолько он изменился. Метаморфоза была разительной — и все же Сут еще не достиг размеров бая Чарна.

— Мы рады, — продолжил Кох, — мы будем рады, — тут же поправился он, — если эта встреча окажется продуктивной. Примите наши добрые пожелания новому руководству регульцев. Ноздри вспыхнули, улыбка перешла в свист: эксперты утверждали, что это эквивалент смеха.

— Между нами было некоторое непонимание, расхождение. В частности, между нашими подчиненными…

— Ты имеешь в виду мой пропавший челнок? Глаза сверкнули. Нет, бай Сут вовсе не это имел в виду, однако он прикрыл все новой улыбкой.

— Я имею в виду отношения между нами и вашим кораблем «Флауэр», куда мы просили доступ. Я утверждаю, что мы должны наладить

более тесное сотрудничество… для взаимной безопасности.

— Ты не ответил на мой вопрос, бай.

Ноздри закрылись — это гнев.

— Зачем нам отвлекаться на отношения между молодыми? Разве мы несем ответственность за челноки, которые взлетают и садятся без наших непосредственных указаний? Я хотел бы поговорить о более важных делах, но если ты предпочитаешь настаивать…

— Бай, ты забываешь о том, что тебе говорилось неоднократно: наши молодые становятся взрослыми гораздо раньше, чем ваши. Мы не убиваем своих молодых и не считаем потерю корабля, который пилотировался нашим молодым, незначительным событием.

— Я повторяю, мне бы хотелось обсудить более важные дела. Сейчас было самое время прервать встречу, либо продолжить ее. Кох задумался.

— И все-таки, мне бы хотелось услышать твой ответ, бай Сут.

— Нет. Я игнорирую твой вопрос, бай. Ты вмешиваешься в наши дела, но оскорбляешься, когда мы вдруг вмешиваемся в твои. Регул с трудом шевельнулся в своем кресле-повозке, протянул руку к молодому регулу, который прислуживал

ему. Тот сразу вложил в нее чашку с соем.

— Бай Кох, — сказал Сут, получив чашку, — нас обоих должно беспокоить, что наше сотрудничество сходит к минимуму. Я полагаю, что это обусловлено смертью бая Чарна и доктора Алдина, — он перевел глаза-щели на Эверсона и изобразил улыбку. — Но мы возлагаем надежды на появление в совете нового члена — доктора Эверсона, — затем он перевел глаза на Дегаса и тут же отвел их. — Мы бы хотели сделать все, чтобы установить взаимопонимание. Мы союзники. Этого нельзя отрицать. И пока мы союзники, необходимо устранять все трения между нами. Я не говорю об убийстве взрослого регульца — бая Чарна. Я не говорю о том, что с его телом обошлись без должного почтения. Я не говорю о нарушении соглашения между нами. Я уверен, что упоминание обо всем этом не сможет улучшить наши отношения. Однако нужно сделать все, чтобы подобное не происходило: во имя нынешних отношений и будущих тоже. У нас хорошая память, но мы можем забыть обо всем, если мы сейчас придем к соглашению. Как относятся мри к тому, что вы сейчас делаете, бай Кох? Кох не позволил никаким эмоциям отразиться на его лице.

«Многое ли ему известно?» — с тревогой подумал он, а вслух сказал: — Мы надеемся на мирное урегулирование разногласий с мри, бай Сут.

— Да? Опыт регульцев говорит, что это напрасные надежды.

— Наши эксперты утверждают обратное.

— У нас двухтысячелетний опыт общения с мри. Он намного превышает ваш опыт. Поведение мри невозможно предсказать. Они вообще не понимают некоторых слов, в частности, они не знают слова «переговоры». А если нет переговоров, то какие действия возможно предпринимать?

Кох задумался… и не только о мри… посмотрел на Эверсона, на Сута.

— Вернусь к вопросу, которого ты избегаешь, бай. Среди вас есть эксперт по мри?

Из щелевидного рта донесся свист, то есть — смех.

— Он сидит перед тобой, бай Кох. Я — эксперт. Я принадлежу к роду Хораг, который использовал мри, как наемников в течение двух тысяч лет. Род Аланей не имеет такого опыта. Они — дилетанты. С тех пор, как я стал взрослым регульцем, можете по всем вопросам относительно мри обращаться ко мне.

— И ты специалист по их языку?

— У них, к сожалению, два языка, бай. Они упрямо не желают посвящать чужих в свой язык и предпочитают общаться с ними на языке регульцев, исковерканном до крайности. Да и чего другого можно ждать от расы, обладающей столь несовершенной памятью?

— Это означает, что они не желают допускать в свою среду чужих.

— Что это означает, могут знать только они сами, бай. Но ни ты, ни даже я не можем даже предположить, каковы их мысли, так как мы не мри.

— Нет, нет, бай Сут. Ты же специалист по мри, ты знаешь о них все. Ноздри закрылись и вспыхнули.

— У меня много информации, бай. А без нее можно наделать много роковых ошибок. Уверяю тебя, что мы так и не смогли перевести слово «переговоры» на язык мри. Они его просто не понимают. Вспомни, когда мы наняли мри для войны, они ни разу не свернули с этого пути. Мри можно убить, но не уговорить его сдаться. Торговля тоже не относится к числу понятий, которыми пользуются мри. Они — наемники, но слово «наемники» — наше слово, не их.

— Бай прав, — вступил в разговор Эверсон. —

Они себя называют по-другому и имеют в виду под этим совсем не то, что мы. Ноздри регульца расширились. Кох смотрел и думал, какие эмоции регулец научился читать на лицах людей.

— Ты пришел сюда для определенной цели, бай. Можешь ты объяснить ее нам?

— Понимание, взаимное понимание и защита.

— Мы не предаем своих союзников, если тебя беспокоит именно это. И не убиваем их. Удар пришелся в цель. Ноздри затрепетали.

— Бай, мы рады услышать это. А как вы намереваетесь придти к мирному соглашению с мри? Ведь они никогда не отступают, а регульцы никогда не забывают.

— Зато мри забывают, а регульцы могут отступить. Снова трепет ноздрей.

— Что ты имеешь в виду, бай Кох?

— Можно убедить мри забыть о том, что вы сделали на Кесрите, если они получат гарантию, что регульцы не будут действовать также и на Кутате.

— Я тебя не понимаю, бай. Я всегда считал, что забывание — это процесс, независимый от личности.

— Это слово имеет много значений, бай Сут. Ноздри Сута вспыхнули. Он протянул руку за

новой чашкой соя. Служитель тут же подал ее и Сут выпил ее большими глотками.

— Прости, — сказал Кох. — Я чем-то тебя встревожил?

— Да, я встревожен. Мой опыт говорит мне, что ситуация очень опасная, а мои союзники, как бабочки, летят прямо в огонь.

— Мы постоянно контролируем ситуацию. Мы не верим, что существует явная угроза. Все говорит о том, что мы имеем дело с разрозненными кочевыми племенами.

— Кочевники. Нестабильные общества.

— Стабильные, но мобильные. — Кох подумал, что это слово трудно понять представителю расы, для которой ходьба является просто мукой. — У них нет оружия, которое могло бы являться опасным для нас, кроме того, которое в городах. Ноздри Сута вспыхнули и захлопнулись.

— Не сердись, бай. Но могут лгать мри? Или это слово из способностей человеческой расы? Что ты можешь сказать об этом?

— Я не знаю.

— Но что ты предлагаешь?

— У нас еще нет достаточной информации. — Он с мгновение подумал и нанес удар. — Из нашего опыта, бай Сут, мы можем предполагать,

что даже регульцы могут быть нечестными.

— Нечестными… неправдивыми…

— Что такое правда? Ноздри захлопнулись.

— Соответствие фактам. Кох медленно кивнул.

— Доктор Эверсон, есть ли в языке регульцев слово «честный»?

— Только в бизнесе. Оно означает взаимная выгода.

— Взаимная выгода, — сказал Сут. — Эти словесные упражнения ни к чему не приведут. Давайте рассмотрим наше положение на орбите. Мы находимся в пределах досягаемости оружия городов мри. Подумайте над этим.

— Что же хотят регульцы?

— Устранить угрозу отсюда.

— Этические соображения запрещают нам это. Или это то же слово, которое не имеет аналогов на языке регульцев? Наступила пауза. Кох взглянул на Эверсона, тот пробормотал слово на языке регульцев. Кох нахмурился:

— Бай беспокоится о нашей безопасности и о своей. Мы тоже.

— Но сколько это будет длиться, бай Кох? Этот Дункан… сколько времени вы ему дали?

— Наше дело, бай.

— Мы союзники.

— Сейчас мы ждем.

— Люди ходят быстро. Прошло уже немало времени, гораздо больше, чем нужно Дункану, чтобы добраться до «Флауэра». Это должно свидетельствовать, что Дункан не желает сотрудничать с вами. Верно?

— Ты имеешь информацию о нем?

— Нет. А вы? У вас тоже ее нет.

— Мы ждем.

— Сколько вы ее будете ждать?

— Какая разница?

— Вы даете мри время подготовить ответ. Разве это мудро, давать им такую возможность? У них есть оружие.

— Может есть, а может и нет.

— Вы бросаете на весы случая благополучие всех людей, бай.

— Мы не хотим бессмысленной бойни.

— Если они ударят…

— Мы изменим политику. Сут замолчал и стал дышать глубже и мягче.

— Мы ваши союзники. Мы не воины. Мы будем хорошими соседями, выгодными во всех отношениях. И вы предпочитаете нас мри? Отправляйтесь домой, бай. Оставь все это дело нам, если твои моральные соображения не дают тебе

взглянуть правде в лицо. Ты знаешь, что регульцы не лгут. И я говорю, что у нас нет желания нанимать мри для войны с вами.

— Да вам сейчас это и не удастся, бай. Сут сделал глубокий вздох

— У нас есть еще о чем поговорить. Я приглашаю тебя на свой корабль.

— Нет.

— Почему?

— Бай, я не могу оставить свой командный пункт.

Ноздри Сута расширились. Поверил ли он или нет… не ясно…

— Компромисс, — сказал Сут. — Мы будем говорить по каналам связи. Можно даже открыть каналы связи между «Флауэром» и нашей миссией на планете.

— Вашей миссией?

— А почему нет, бай? Почему? Это приведет к более тесному сотрудничеству. Кох нахмурился.

— Мне нужно посоветоваться с помощниками. Что делают регульцы на планете?

— Когда мы получим данные с «Флауэра», мы будем думать над сложившейся ситуацией.

— Тогда одновременный обмен? Кох задумался:

— Что у вас может быть? Данные по обзору планеты? У нас есть свои. У вас есть еще что-нибудь?

— Может быть. — Сут заворочался. — Никто не может знать, что есть у другого, — добавил он.

— Я посоветуюсь с помощниками, бай Сут. Несомненно, ты тоже захочешь посоветоваться со своими. Ноздри Сут заходили ходуном. Улыбка исчезла.

— Хорошо, бай. До будущей встречи, на которой, я надеюсь, наши предложения будут приняты. Прощай, бай.

— Прощай. — Кох облокотился на стол и смотрел, как тележка с массивным телом двинулась к двери, сопровождаемая молодыми регульцами. Затем, он перевел взгляд на своих помощников и жестом отослал их. Они поняли и пошли вслед за регульцами. Регульцы оставили после себя специфический запах, который трудно было выветрить. Кох не начал их ненавидеть после этого, но неприятное чувство не покидало его. Он вызвал Дегаса, оттолкнул локтем чашку с соем, вкус которого ассоциировался у него с запахом регульцев. Вошел Дегас в сопровождении Эверсона. Кох взглянул на них.

— Ваше мнение.

— Мой совет, — начал Эверсон и пощупал карман, как бы желая убедиться, что он не потерял нечто важное. — Я уже дал его, сэр.

— Твое мнение о том, что ты слышал. Эверсон облизнул губы.

— Маневрирование их корабля… это — блеф.

— Они пытаются скрыть какие-то свои действия, отвлечь наше внимание.

— Они провоцируют и изучают нашу реакцию.

— Но при этом гибнут люди, доктор.

— Это новый род, Хораг. Новая власть. Их беспокоит наше молчание. Они потеряли своего главу и с ним потеряли все договоры, так как новый глава принадлежит к другому роду. Сейчас им необходимо изучить наши действия, чтобы выработать свою новую политику. Не забывай, что у регульцев нет воображения. Они базируются только на том, что хранится в их памяти, а мы не знаем, что помнит род Хорага.

— Какая разница? — нетерпеливо спросил Кох. — Все они существуют на одном корабле.

— Разница большая. Со смертью Чарна они потеряли всю информацию. Этот Сут пришел из другого рода, у которого своя информация, свое представление о реальности.

— Пусть этим занимаются психологи. Ме-

ня же интересует что делать нам? Особенно, с «Флауэром». Руки Эверсона заметно дрожали. Он вытащил из кармана пузырек с таблетками. Кох критически посмотрел на него.

— Мы можем дать им некоторые данные, чтобы подтолкнуть к сотрудничеству, — заговорил Эверсон, проглотив таблетку. — Но они поверили в твою угрозу. Если они испугаются, то могут улететь отсюда домой и объявить о союзе мри с людьми. Но мы не знаем, единственные ли разумные мы расы, мы и мри, с которыми регульцы находятся в контакте. Мы знаем только эту часть Космоса, но что находится за Космосом регульцев, мы не знаем. Кох положил подбородок на скрещенные руки и нахмурился. Эверсон многого не знал, что было известно ему, Коху.

— Доктор Эверсон, я внимательно выслушал тебя и хотел бы, чтобы все твои соображения были изложены письменно.

— Хорошо, сэр, — ответил Эверсон и Кох терпеливо ждал, пока тот медленно выйдет из комнаты.

— До свидания, доктор, — проводил его Кох и обернулся к Дегасу: — Твое мнение?

Дегас сложил руки на животе и откинулся в кресле.

— Сэр, должен заметить, что на все наши действия накладывается предубеждение.

— А именно?

— Регульцы отвратительны. Никто их не любит. Это чисто эмоциональная реакция. Но они — безопасные соседи. Мри более привлекательны для нас. Нам нравится их абсолютизм. Их инстинкты перекрываются с нашими, но они опасны. Они — хладнокровные убийцы. Мы знаем их уже сорок кровавых лет. Регульцы противны нам, но они будут хорошими соседями. Мы можем найти с ними общий язык. Цивилизация регульцев — это торговля и коммерция. Цивилизация мри — это мертвые миры… Кох сделал гримасу. Все это было правдой, хотя она и не нравилась ему.

— Ты помнишь, что сказал Дункан? Мы сами создаем себя своими действиями: от того, что мы сделаем здесь, зависит то, кем мы будем. Лицо Дегаса стало холодным. Он покачал головой.

— Если мы перебьем их здесь, то остановим их. И это наше действие не будет распространяться дальше.

— И мы станем убийцами, чтобы прекратить убийства? Парадокс! Мы можем бросить все и позволить регульцам истребить их. А можем сами убить мри на глазах регульцев и стать для них

тем же, чем были для них мри — расой, способной убивать. Снова парадокс? Как же нам быть?

— Уйти отсюда, — быстро ответил Дегас. Видимо, эта мысль долго вынашивалась им. — Отозвать миссию Галея и «Флауэр» тоже. И вообще, наше решение должно зависеть от того, кого мы хотим иметь союзником. Кох прервал его.

— Ты сказал, что регульцы — раса торговцев. Так вот, если сейчас мы вынудим их уйти, они неминуемо вернутся потом, чтобы заключить новые договоры, но уже на условиях, которые будем диктовать им мы. Дегас задумался.

— Может быть, если у них не будет альтернативы…

— Регульцы могут найти новых наемников. Может быть, даже среди людей. У нас много всякого сброда. И тогда они не будут такими безопасными соседями. Дегас нахмурился.

— Для регульцев в этом будет больше неприятностей, чем пользы. Но, впрочем, это не меняет моего мнения. Мы не можем оставаться тут вечно. Необходимо покончить с этим грязным делом.

— Нет.

— Тогда нужно высадить на планету войска, уничтожить города с их машинами и источниками энергии. Можно предложить это регульцам

в качестве компромисса. Если регульцы правы в том, что города опасны, значит их нужно уничтожить, а если нет, то тем более это никому не принесет вреда, даже самим мри. Пусть мри живут без оружия и городов. Это наиболее приемлемое решение как для нас, так и для регульцев. Оставить мри все, что им нужно для жизни и пусть живут естественной для них жизнью. Кох задумался, взвешивая возможности. Что-то в этом решении было. Регульцы бы, вероятно, приняли бы его.

— Ты обсуждал это с Эверсоном?

— Нет, но он может дать нам информацию о возможной реакции регульцев, прежде, чем мы начнем с ними переговоры.

— «Флауэр» тоже может остаться, согласившись с решением.

— Может быть, — сказал, сверкнув главами, Дегас.

— Мне нужно мнение Эверсона по этому вопросу. Пусть он изложит его письменно и как можно скорее.

— Хорошо, — ответил Дегас.

* * *

Назад, на «Шируг»... Сут вздохнул с облегчением, когда тележка выползла из челнока на корабль. Сут подключился к ближайшей линии, набрав код своего кабинета.

Сработала автоматика — высший приоритет. Тележка заскользила по темным коридорам. Погрузившись в подушки, он легко переносил ускорения на крутых поворотах. Два его сердца ровно бились. Когда он въехал в кабинет, все его помощники уже собрались там. Моркхуг предложил ему чашку соя. Он поблагодарил и с удовольствием выпил. Все-таки путешествие стоило ему сил.

— Докладывайте, — приказал он.

— Выпущено два челнока, — с радостью объявила Нань. — Люди вряд ли видели их. Сут откинулся на подушки, весьма довольный:

— Мои действия тоже были не без успеха. Я вывел их из равновесия, этих людей, своими требованиями. Они заговорили.

— На челноках припасы для молодых регульцев на десять дней, — сказал Моркхуг.

Сут выпил сой и задумался. Значит, через восемь дней среди молодых регульцев на планете

начнется паника: вода кончится и пища… Чем больше будет беспокойства, тем больше они будут хотеть есть. Страх голода вызовет безумие, нерациональные действия… Необходимо сделать все, чтобы это случилось как можно позже.

Молодые регульцы и здесь, и на планете знали, что их жизнь не представляет никакой ценности. Все молодые регульцы жили в постоянной надежде, что им удастся заслужить милость старших регульцев и тем сохранить себе жизнь. Сут задумался над альтернативой… Заключить соглашение с людьми и с их помощью доставить продовольствие и воду регульцам на планету? Он вспомнил доводы Коха, его соображения и содрогнулся.

* * *

— Пища, — выдохнул Мелек, разрывая пакет. Пальцы его совсем онемели от холода. Холод был везде, несмотря на то, что они одели на себя все, что можно, и несмотря на биодом, который имел прозрачные стены и пол. Над куполом биодома сейчас кружились челноки, едва различимые в молочном утреннем тумане. Они, которые жили в биодоме, еще не дошли до крайности, но вечная пустота вокруг, песок, чужая плане-

та… все это было ужасно… Равномерный стук компрессора, нагнетающего воздух под купол, тоже не способствовал хорошему самочувствию. Предполагалось, что воздух будет нагретым, но эти надежды не оправдались. Ночи, ужасные ночи, когда заходило солнце… Тогда приходил пронизывающий до костей холод. И пол биодома начинал шевелиться, наводя ужас. Это непонятная жизнь Кутата пробиралась сюда в поисках влаги и тепла.

Мелек сидел и жевал концентрат. Его дрожь понемногу улеглась. Пегаг пил подогретый сой, а вновь прибывшие регульцы сидели рядом. Их было двое: Магд и Хаб, оба из рода Аланей, как и Пегаг. Сам Мелек был из рода Гелег и он смотрел с подозрением на своих компаньонов. Он начинал подозревать, что высадка его сюда вместе с этими Аланями означала то, что его не ценят. Он, конечно, не стал делиться с ними своими подозрениями… Да и вообще, кому он мог бы высказать это, даже если выживет? Все они надеялись, что останутся живыми, вернутся домой, где много пищи, где тепло. Сейчас их было уже четверо. Всего на корабле десять челноков и четыре уже здесь! Как же будут к ним поставлять продовольствие? С каждым челноком будет

прибывать пилот, а это уменьшает шансы на возвращение. Значит, доставки больше не будет! Мелек делал подсчеты со все возрастающей паникой. Нет! Не думать об этом. Просто четко выполнять приказы. Надеяться на милость и ждать. Это все, что он может.

13

Дункан имел жалкий вид при дневном свете. Раздевшись догола, он набирал в пригоршни песок и соскабливал с себя грязь и засохшую кровь. Ньюн делал то же самое. Они находились на краю лагеря, где небольшой склон создавал иллюзию уединения. Дункан потряс головой, вытряхивая песок из волос, тщательно протер все тело песком, пока кожа не покраснела и затем, дрожа на ветру, торопливо влез в чистую одежду.

У Ньюна это получалось лучше, так как его кожа была абсолютно безволосая. Закончив с мытьем, они сели на бугорок и стали зашнуровывать ботинки.

Дункан закашлялся и сплюнул. Ньюн с тревогой взглянул на него, но Дункан не обратил на это никакого внимания и стал острым ножом-асеем сбривать отросшие на лице волосы. Ньюн с усмешкой наблюдал за ним. Ему всегда казалось странным, что эти люди, у которых волосы растут по всему телу, стараются убрать их лишь с лица.

Он щадил чувства Дункана, который не хотел, чтобы эта разница между ним и мри стала извест-

на всем. Ньюн даже чувствовал легкие угрызения совести оттого, что ему есть что скрывать от своего племени.

Правда, сам Дункан совершенно не стыдился своих волос, хотя они доставляли ему много хлопот.

Ньюн не спрашивал Дункана, почему тот не стыдится этого, ведь это означало бы проникновение в мысли ци-мри. Для Ньюна было удобнее не обращать внимания на это.

Дункан был жив и в данный момент этого было достаточно. Он был утомлен, движения его были замедленными, как у старика, но он был жив и в это утро у него даже не возобновилось кровохарканье… Хороший знак, что при пробуждении он позаботился о своем внешнем виде и о чистоте тела. Хороший знак. Да, это утро принесло много хорошего. Дусы исчезли где-то в утреннем тумане, видимо, охотились. Они понимали, что здесь, в лагере, им нечего делать, когда в нем есть чужие. Кел других племен установили свои палатки между палатками сен и кел. Здесь было тихо, никаких ссор. Все знали, что любая ссора может привести к убийству, а они были посланы сюда наблюдать. Даже то, что в лагере был Дункан, не вызывало у них никаких эмоций. Конечно, это

не все, но для начала хорошо и это. В лагере кат весело и громко смеялись дети. Они поймали змею в это утро. Несчастное создание проникло в лагерь, привлеченное теплом и влагой. От острых глаз детей ничто не могло скрыться и теперь они с торжествующими криками внесли свою добычу в общий котел. Радости было столько, что даже угрюмые кел других племен не могли сдержать улыбок, глядя на детвору. Детский смех смягчал сердца лучше, чем что-либо другое.

— Почему только лицо? — спросил внезапно Ньюн. Дункан от неожиданности вздрогнул и порезался. Тонкая струйка крови потекла по подбородку. Он с недоумением взглянул на Ньюна.

— Почему только лицо, а не все тело? — повторил Ньюн, жестом показывая, что он имел в виду. Дункан улыбнулся. Странно было видеть улыбку на этом изможденном, обветренном, обожженном солнцем лице.

— Это заняло бы слишком много времени. Это была не та реакция, которую ожидал Ньюн. Он смутился, нахмурился и коснулся лба:

— Вот мри, сов-кела. Все остальное закрыто вуалью. Ты и я одинаковы. Дункан сел и стал натягивать сапоги. Наконец, с глубоким вздохом он поднялся, застегнул пояс с оружием и знаками

Чести, надвинул вуаль и теперь между ними не было никакой разницы, разве что в росте.

— Ты думаешь, — спросил Дункан, как будто то, что он хотел сказать, было запрещено. — Ты думаешь, что чужие кел пойдут с нами?

— Кел об этом не думает. Это не его дело.

— Госпожа сказала, что она будет думать. Что она решила?

— Сен знают об этом, — ответил Ньюн. — Разве я не учил тебя терпению без вопросов?

— Сен решают второй день.

— «Сов-кела!» Дункан отвернулся. Ньюн собрал грязную одежду в мешок, положил руку на плечо Дункана и повернул его лицом к лагерю. Дункан взял у него из рук мешок и понес его с таким видом, как будто был рожден для этого. Ньюну стало неловко.

— Ты сомневаешься в госпоже? — спросил он. — Ты думаешь, что она примет не самое мудрое решение?

— То, что я думаю, я не могу выразить на халари, я слишком плохо знаю этот язык. Они шли медленно, глядя на свои следы, которые уже заносило песком.

— Если бы ты захотел на мгновение запомнить язык людей, я смог бы объяснить тебе…

— Не дыши без вуали, — оборвал его Ньюн. — Ты болен. Дункан замолчал.

— Мы провели с тобой на корабле годы. Ты уже нам все сказал, Дункан.

Утренний туман окутывал все палатки, создавая ощущение покоя. Даже черная ткань палатки кел была раскрашена золотом. Центр лагеря жил. Здесь суетились кат, бегали дети, горели костры, на которых готовилась пища. Но золотых мантий не было видно. И черная мантия была только одна, да и та скрылась в палатке при их приближении. И тотчас из палатки вышли остальные кел. Они столпились возле входа и нехорошие предчувствия овладели Ньюном… Он хотел предупредить Дункана, но промолчал: Дункан и сам был умен, мог сообразить что к чему. Они подошли к палатке, вход в которую блокировали кел. В центре стоял Нлил.

— Госпожа собрала Совет, — сказал он. — Наши и их вместе.

«Вот оно что», — подумал Ньюн, со стыдом отбрасывая возникшие подозрения.

— Хорошо, — коротко сказал он и направился от палатки. Нлил пошел за ним. Но затем Ньюн остановился, предчувствие плохого не оставляло его. Он посмотрел назад и встретился взглядом

с Дунканом.

— Дусы, — сказал он ему. — Они меня беспокоят… Я не знаю, где они. Вызови их…

Он имел в виду, что они могут понадобиться. Ньюн знал, что Дункан понял его предупреждение. Это только предосторожность, ни к чему впадать в панику… Он повернулся и продолжил свой путь с Нлилом.

* * *

Кел собрались возле входа, но не изъявляли желания войти в палатку… яном… и не только яном… Здесь были кел и других племен и они все подходили и подходили. В палатке было темно и ничего не видно. Дункан уселся на песок среди кел, опершись спиной на палатку, которая защищала его от ветра. Он склонил голову, стараясь вызвать дусов. Но постепенно он переключил внимание на то, что происходило вокруг. Он хотел понять, в какую игру играют кел племени яном. Вот старый Перас, всегда спокойный и благожелательно относящийся к нему. Нет, он не мог ждать от Пераса зла. Таз… его бесстрастное лицо вселило в него беспокойство. Таз всегда такой оживленный… а сейчас он необычно тих и сосредоточен. И Рас… Рас и Ньюн всегда были

настроены отрицательно по отношению друг к другу. Дункан мог ощущать эту неприязнь даже без помощи дусов. Сейчас она была здесь и расположилась так, чтобы видеть его…

Тишина висела в палатке. Некоторые кел вошли в палатку, в том числе и кел других племен, что было необычно. Другие оставались на месте. Дункан смотрел вниз, стараясь не обращать на них внимания. Хранить молчание — это было самое лучшее в его положении. Тягостная напряженность окружала его. Он слишком мало времени провел в племени яном, он не знал многих кел, не знал, о чем они думают, что хотят делать… И если ночью они помогли ему остаться в живых, то они сделали это не от любви к нему. Дункан не строил иллюзий на этот счет. Рука кел коснулась его рукава.

— Ци-мри, — сказал кел, не стараясь оскорбить его, — ци-мри, ты ничего не говоришь.

Он поднял глаза и встретился взглядом с кел, мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, но с одинаково бесстрастными лицами. И все они были украшены шрамами. Одни — свежими и яркими, другие — застарелыми, поблекшими, затянувшимися.

— Многие среди вас не желают мне добра. А

что желаешь ты, кел? Кел переглянулись между собой и Дункан, стараясь не выдать своего беспокойства, следил за их переглядыванием.

— Ты всегда стараешься держаться в тени кого-то, — сказал кел. Дункан почувствовал, что его спина как будто обнажена в отсутствии Ньюна. Он посмотрел в сторону палатки госпожи, в которую вошел Ньюн, но не увидел никого, кроме чужих кел. Он поднялся и пошел к палатке, чтобы скрыться в ее темной безопасности, но кто-то придержал его за рукав. Дункан обернулся. Старый кел коснулся его лица.

— Ты ци-сета, без шрама. Кто может вызвать тебя на дуэль, кроме кел без шрама. А таких среди нас нет.

— Что случилось? — спросил Дункан, понимая, что слова кел что-то означают, но не зная, кто среди кел этих смешанных племен старший по рангу. Он переводил взгляд с одного лица на другое и, наконец, остановился на лице старого Пераса. На этом изможденном лице он увидел нечто вроде симпатии к нему.

— Что случилось? Совет… Сзади послышались мягкие шаги по песку. Его дус, встревоженный, торопился к нему. Он ощущал враждебность, окружающую Дункана. Дункан подозвал его же-

стом и сказал кел:

— Не нужно ненависти. Это было все равно, что попросить ветер не дуть, остановиться, но головы согласно закивали. Дус спокойно прошел между ними и занял место рядом с Дунканом. Последовала долгая пауза и среди этой тишины Дункан снял с пояса веревку ка-ислай и начал плести сложный узор стар-мандала. Плетение узора успокаивало смятенный дух, а это был один из самых сложных узоров. Дункан знал, что он превосходит в этом искусстве очень многих, даже украшенных шрамами. Ведь у него была долгая практика на корабле. Пальцы его быстро бегали по узлам, не обращая внимания на собравшихся вокруг него, но ощущая их взгляды. Перас позвал:

— Кел.

— Да?

— Совет затягивается. Ты играешь в шон-ай? Сердце Дункана бешено забилось. Это была игра Народа и Ньюн в бешенстве бы запретил Дункану принимать в ней участие. Дункан аккуратно распустил узор, повесил веревку на пояс.

— Я — мри. Несмотря на ваше неудовольствие, я — мри. Да, я играю в Игру. Послышались перешептывания, реакция на его слова. Старый Перас

снял с пояса асей.

— Я буду партнером кел Дункана. В этой Игре, как говорил Ньюн, жизнь играющего зависит от расположения игроков. Если сильный игрок сядет против слабого, то слабый может погибнуть. Сильный игрок, сидящий рядом со слабым, может служить защитой слабому, если тот с умом будет делать свои броски. Кел образовали круг из шести. Остальные приготовились смотреть. Дункан обрадовался, увидев, что в круг вошли Диас, друг Пераса, занявший место против Дункана, и несколько молодых. Но вот подошла Рас, наклонилась, тронула рукав Диаса. Последовал короткий спор шепотом и Рас заменила Диаса. Она села напротив Дункана и Пераса. И внезапно Дункан вспомнил, что Ньюн всегда напоминал ему о смерти по глупости. Они убьют его, если захотят. Дункан даже не знал толком, хорошо ли он играет, ведь он играл только с Ньюном, а тот был его другом.

Рас… она не друг ему.

— Игра… всего лишь провождение времени, — сказал Перас. — Развлечение. Но кел играют с асеями, и эта игра нередко заканчивается смертью. Играющие назвали свои имена, которых Дункан не знал, кроме Пераса и Рас. Дункан снял

вуаль, так как играть в вуали считалось недружественным актом. И без того положение было достаточно сложным. Начал кел Перас, как старейший. Он бросил асей Рас. Руки отстукивали ритм и при определенном ударе асей снова летел по кругу.

Асей летал помимо него, от мужчины к женщине, от старого кел к молодому, образуя сложный узор — Игра Пяти. Пальцы мри тонкие, золотистые, удивительно быстрые, выхватывали острую сталь из воздуха и посылали ее дальше в ритме, который задавался ударами рук по коленям. Дункан не мог расслабиться ни на секунду, ведь каждое мгновение асей мог устремиться к нему, брошенный рукой Рас или чьей либо еще.

Внезапно он получил предупреждение — быстрый взгляд Рас. Сейчас… он кивнул, не понимая, почему она предупредила его — чисто инстинктивно или же специально.

Сверкающая сталь прилетела к нему и замерла в его пальцах, ожидая момента для нового полета. И вот уже Дункан метал нож и послал его молодому кел. Начался новый круг Игры — Игра Шести, имеющая свой ритм и свой рисунок. Перас улыбнулся, заметив уловку Рас. А ее глаза светились возбуждением. Она ловила лезвие и кидала его

коварными бросками, заставляя вращаться то в одном, то в другом направлении.

Темп снова изменился, чтобы менее искусные игроки могли отдохнуть. Снова вступил в игру Дункан. Он поймал асей, брошенный Рас, послал его дальше, юному Сетану. Снова получил его обратно, послал Рас, Перасу… Тут Перас просигналил остановку. Дункан расслабился и внезапно закашлялся. Холодный воздух проник глубоко в легкие. Он вдруг понял, что дальнейшая игра убила бы его.

— Одень вуаль, — посоветовал Диас. Дункан прижал ткань ко рту. Дус приблизился, согревая его.

— Мри без шрама, — сказал Диас, — не должен играть в Игру Чести.

— Да, кел, но когда предлагает кел со шрамом, кел без шрама обязан подчиниться. Головы наклонились в молчаливом одобрении.

— Ты играешь в Игру, — оказал Перас. — Это хорошо, кел. Шевельнулся полог палатки. Вышел кел и сел на песок, отвернувшись от ветра. За ним вышли другие кел. И еще кел, но его племени, все они были с поднятыми вуалями и Дункан поднял свою, стараясь дышать поосторожнее. Нельзя бояться. Дус может почувствовать его страх и

тогда случится ужасное. И ощущать гнев тоже нельзя. Мри Кутата могут не маскировать своих эмоций. И Дункан, посредством дуса ощущал их. Открытой вражды не было. Может, просто любопытство. Он уже был окружен плотной стеной кел.

— Скажи нам, — сказал Перас. — Скажи нам все о кораблях и врагах. Дункан бросил взгляд на палатку госпожи, надеясь, что Совет закончился и он смог бы уклониться от ответа. Но его надежды были тщетны.

— Разве может кел без шрамов знать больше, чем те, кто заседает в Совете? — спросил снова Перас. — Разъясни нам.

— Но я же с другой стороны Мрака, — запротестовал Дункан. — Мне запрещено вспоминать.

— Но мы, кел, те, кто смотрит Наружу, — заявила Рас. — Наши глаза используются во Мраке. К нам прибыли сюда враги, брат ци-мри. Может, госпожа заставила тебя молчать? Или ты сам решил сохранить все в тайне? Он посмотрел на нее, кел второго ранга, сестру погибшего предводителя, связанную кровными узами со многими кел. Дрожь пробежала у него по телу.

— Я слышу тебя, — сказал он. Затем склонил голову, положил руку на тело дуса… и почувствовал,

как ее рука тоже легла на дуса. Животное вздрогнуло. Такой контакт был взаимной ловушкой: при нем были невозможны ложь или полуправда. Он решительно прижал руку к голове дуса. И начал вспоминать все, с самого начала.

14

Госпожа смотрела на Совет. Рядом с ней сидел на мате Ньюн, кел госпожи и предводитель кел. Он дважды имел право на это почетное место. Мужья госпожи сидели дальше, а затем занимали места высшие кел из других племен. Черная масса. Здесь присутствовала предводитель кат Антил и все сен яном. В палатке горела лампа, которую не гасили даже днем. Перед золотой массой сен сидел предводитель Сатас, а рядом с ним сен других племен, пришедшие вместе со своими кел.

— В племени яном шли большие споры, — сказала Мелеин, — относительно того, как нам жить дальше после всего происшедшего. И сен согласились с моим решением. Так, предводитель сен?

— Да, — словно эхо отозвался Сатас.

— Ты убедила сен.

— Нам было не просто придти домой. Святыни для нас… но что они означают для вас? Незнакомые имена, незнакомые события, которые никогда не происходили с вами… А Святыни Кутата? Можем ли я и мой кел понять их? Мы ста-

рались понять ваши Святыни, как вы старались понять наши. Мы Странники и мы хотим найти дом, место, где мы можем жить. А вы, которые остались охранять Кутат от врагов тысячи лет назад… Возможно, вы смотрите на происшедшее и ненавидите нас?

— Кат не обвиняют никого, — сказала Антил. — Мы просто скорбим о погибших.

— Но вы учите детей песням, в которых выражается надежда на возвращение тех, кто ушел, когда мир был молодым и моря были полны воды.

И вот теперь я вернулась в этот мир, я нашла его, нашла город, где родились мои предки… Я нашла его, нашла племя моих предков… Яном — мои дальние родственники, дети Ан-Эхона… и все вы мои родственники по крови. Враги преследовали нас, они уничтожили почти всех из нас, Странников, они уничтожили наш корабль и наш город… но боги не позволили им уничтожить нас. Мы — Ньюн и я — сделали то, что должны были сделать. И вот мы здесь. Ци-мри тоже здесь, на расстоянии вытянутой руки. И они дают нам надежду.

Надежда… на расстоянии вытянутой руки… сказала Мелеин. Дункан! И внезапно Ньюн понял, почему Мелеин разрешила ему отправиться

на поиски Дункана, даже понимая, что может остаться одна, почему она молчала, пока он не привел Дункана с посланием людей, пока она не узнала, что это за послание.

— Мы хотим знать, — сказал предводитель Риан, — что это за послание ци-мри, чтобы передать его своим госпожам.

— Да, — хором подтвердили другие предводители.

Ньюн посмотрел в глаза своей госпожи — холодные, расчетливые, острые, как лезвия.

— Предводители, — сказала она. — Ци-мри предлагают нам встретиться для переговоров… Скажи нам, предводитель кел яном, что сделают ци-мри, если мы отклоним их предложение о встрече? Нападут они на нас?

— Разве я ци-мри, чтобы отвечать на такой вопрос?

— Ты лучше всех нас знаешь ци-мри. Что сделают они, если их ожидание окажется напрасным? Что сделал бы кел Дункан, если бы был человеком? Ньюн посмотрел себе под ноги. Беспокойство отразилось в его глазах и он не хотел, чтобы это заметили окружающие.

— Я думаю — разочарование, что их надежды не оправдались. Затем — гнев. Но люди все же

будут стараться и дальше наладить контакт с нами, а не уничтожить. Регульцы… это совсем другое. И они ведь тоже здесь. Правда, Дункан утверждает, что между людьми и регульцами происходят трения.

— А если все же война?

Ньюн сидел молча, вспоминая то, что ему было запрещено вспоминать: ночь, огонь, корабли, пикирующие на руины…

— И люди, и регульцы воюют большими количествами. Они не признают индивидуальных поединков. Народ потерял тысячи, прежде, чем мы поняли это. Но… — он решительно поднял голову и оглядел сен и кел. — Но среди них есть и другие, например, Дункан. Когда все было кончено на Кесрите, когда регульцы и люди все превратили в руины, Дункан пришел к нам один, как не приходил никто из них. Он сам пришел к нам, сражался за нас, достал нам корабль, на котором мы и прибыли сюда. Спросите его, почему? Он сам не знает этого. Инстинкт? Зов крови? Он не знал ответа, когда был человеком. Сейчас он мри. Может, Совет спросит его — почему? Или как поступают люди. Спросите его.

— Нет, — мягко возразила Мелеин. — Нет. Разве может мри сказать, как поступят ци-мри? Мы

все мри, предводитель, не заглядывай далеко во Мрак, иначе потеряешь баланс. Он взглянул на нее. Сердце его отчаянно билось в грудной клетке.

* * *

Дус пошевельнулся. Дункан ощутил что-то, какую-то глубокую печаль. Он остановился на полуслове, посмотрел на кел, поежился от холодного порыва ветра.

Кел не понимали, почему он замолчал. Дункан посмотрел в сторону палатки госпожи и ему стало страшно.

Перас нагнулся к дусу, прикоснулся к нему и ощутил тоже беспокойство, что охватило Дункана. Глаза его сузились.

— Что случилось? — спросил Диас. Ощущение страха, тревоги исчезло, как будто расфокусировалось. Дункан потрепал бархатную шерсть животного, поднял голову снова.

— Ци-мри, регулец, — напомнила ему Рас.

— Я убил его, — хрипло сказал Дункан. — Он настаивал на войне с вами, и я убил его, чтобы передать решение вопроса в руки людей. Только… — он вдруг понял, что говорит больше, чем хотел бы, но ничего не мог поделать с собой. Дус

связал его воедино с его слушателями, не давая возможности утаить что-либо.

— О, братья, — сказал он. — Мрак огромен, он заполняет все пространство между маленькими мирами. Там нет жизни. Они видели это. И они боятся.

* * *

— Мы двинемся, — сказала Мелеин, — как двигались всегда. Я не скажу больше ничего, я не хочу ослеплять себя словами. Я сделаю так, как этого требует время. Скажите вашим госпожам, что мы выходим на рассвете. Двойная рука кел будет охранять колонну и снабжать Народ пищей. Если какая-либо из госпож решит отказаться, то я этого не позволю. Я брошу вызов. Я уверена, что Боги не дадут мне проиграть, я подчиню себе племя строптивой госпожи. Имя тех, кто пришлет ко мне своих детей, я запишу в Святыни, а те мри, кто пойдет со мной, завоюют начало новой жизни. Все начнется с завтрашнего дня. Когда я сделаю то, что мне предназначено, я верну кел с благодарностями и почестями. Хотя Закон запрещает нам встречаться лицом к лицу, я сделаю все, чтобы вы почувствовали мою благодарность. Я госпожа Странников, госпожа госпож,

госпожа всех мри. Передайте это своим госпожам. Напряженная тишина повисла в воздухе.

— Идите, — сказала она шепотом, похожим на удар ножа. — И возвращайтесь ко мне. Кел стояли молча, напряженно, а предводитель кат уже покинул палатку. Кел все ждали. Ньюн шевельнулся, поняв, что сейчас он определяет дальнейшие действия. Он поднялся и вышел из темного чрева палатки в слепящий дневной свет. Остальные шли за ним, темная масса своих и чужих кел. Они расходились молча, без комментарием. Ньюн направился было туда, где оставил Дункана, но чья-то рука задержала его. Послышался знакомый голос: Нлил. Ньюн хотел уйти, но Нлил был решителен.

— Кел? — Ньюн говорил, не обращаясь ни к кому в частности. Рука сильнее стиснула рукав.

— Ты никогда не показываешь свое лицо, даже когда на нем нет вуали. У тебя есть свои тайны. Но мы хотим объяснения тому, что сказала госпожа. У нее было видение? Да или нет?

— Может быть, — хрипло ответил Ньюн. — Я иногда думаю, что да.

— Ты ее родственник.

— Был.

— Здесь предводители кел других племен. Ты

наш предводитель и мы знаем твои манеры. Ты выскальзываешь между пальцами, как песок, Ньюн Интель. у тебя нет лица, даже для нас, как у ветра. Ты молчишь перед чужими, когда должен говорить. Мы понимаем госпожу. Может, мы поймем и тебя. Но чужие?.. Как они могут понять. Ты — рука госпожи. Ты должен поговорить с чужими кел. Иначе, что они скажут своим госпожам? Что предводитель кел яном предпочитает другую компанию? Ньюн сразу все понял. Ему стало трудно дышать. Он взглянул на Нлила.

— А… моя ортодоксальность? Кел Дункан?

— Ответь.

— Мы в своем доме чтили Закон кел. Я не умею ни читать, ни писать. И я никогда не знал Тайн. Но мой Дом пал. Кел погибли. И я пронес в своих руках Святыни через Мрак. Вместе со мной был один кел. Он знает все, что знаю я, он видел то, что видел я, он пережил то, что пережил я. Да, у меня есть недостатки, но ты выбрал неудачное время для ссоры со мной, Нлил, второй кел. Рука Нлила еще крепче стиснула его руку. Кровь бросилась в голову Ньюна. Но затем он подумал:

«Но ведь это мой кел. Мой собственный кел…»

— Прости, — сказал он, стараясь согнать с лица гнев, чтобы не заметили остальные кел. — Про-

сти меня за оскорбление, — он говорил и знал, что это будет осуждаться всеми, когда он пойдет дальше. Он пожал плечо Нлила, почувствовал, как тот отпустил его руку, повернулся. Солнце ударило ему в глаза и ему пришлось прищуриться. Возле палатки кел он увидел множество черных мантий, стоящих плотно, плечо к плечу. Сердце его сжалось.

— Дункан, — выдохнул он и торопливо направился туда, широко шагая по песку. Он ворвался в темную массу, которая расступилась перед ним. Он боялся увидеть кровь, растерзанное тело…

И остановился, увидев, что в центре спокойно сидит Дункан рядом с дусом, напротив него — Рас. И Дункан что-то мирно рассказывает кел. Ньюн на мгновение закрыл глаза и понял, что Дункан рассказывает о себе. Он ощутил, что все окружающие полюбили Дункана. Но вот тот поднял глаза, увидел Ньюна, тревожно поднялся и встал рядом с ним. Немой вопрос застыл в его глазах. Вопрос, вопрос, вопрос, как биение перепуганного сердца.

— Сов-кела, — сказал Ньюн, взяв его за руку. — Я очень беспокоился за тебя, а увидел, что устроил целое представление.

— Все в порядке? — спросил Дункан. — Все в

«порядке»?

Вопрос заморозил Ньюна. То, о чем спрашивал Дункан и то, о чем говорилось на Совете — разные вещи. Он положил руку Дункану на плечо.

— Укройся от ветра, сов-кела. Дункан отошел, не спрашивая больше ни о чем. Ньюн посмотрел на лица кел, окружавших его. Все эти лица выражали один и тот же вопрос.

— Спрашивайте своих предводителей, — сказал Ньюн. — Мы выходим утром. Я хотел бы, чтобы вы были с нами. А сейчас, сейчас дайте мне немного времени… Послышалось перешептывание. Он прошел мимо кел и вошел в палатку. Никто не последовал за ним, только дусы. В палатке но было никого, кроме Дункана, освещенного слабым светом через верхнее отверстие.

— Я не должен был спрашивать тебя при всех, — сказал Дункан.

— Не думай об этом. Все правильно.

— Я знаю, — тихо произнес Дункан, — что произошло нечто неприятное. Что-то не так. Но не с тобой и не со мной. Я ошибаюсь?

«О, боги, — подумал Ньюн, — что ты можешь чувствовать?»

— Кому ты служишь? — спросил он вместо ответа.

— Госпоже.

— А если придется воевать?

— Мы не можем воевать! — прошептал Дункан еле слышно. — Ты же знаешь все, чего не знают остальные. Ты знаешь, что у нас нет шансов. Ты хочешь второй Кесрит?

— Если придется воевать… ты будешь мри?

— Да, — отозвался Дункан через мгновение.

— Ты не ошибся?

— Нет. Ньюн обнял его, прижал к груди, откинулся назад, глядя во встревоженные глаза Дункана.

— Сов-кела, если ты ошибаешься…

— Что они решили?

— Решение обычное: путь мри. Ты слышишь меня? Госпожа уже решила, каким путем она поведет нас… возможно, она использует то, что ты передал ей… но не так, как ты предполагаешь.

— Я слышу, — дусы приблизились, издавая низкие рокочущие звуки. Дункан глубоко вздохнул и сделал безнадежный жест рукой, как будто ему нечего было сказать. Его дус ткнулся ему в колени и Дункан стал чесать его шею так, как будто это было самое увлекательное занятие на свете.

— Вы выбрали свой путь, — наконец сказал он. — Я надеялся предложить вам путь, на ко-

тором мри могли бы выжить и сохранить свой путь. Если я ошибся, то это не моя вина.

— Нет. Ты не понимаешь. Я не спрашиваю тебя, согласен ли ты умереть с нами. Я говорю о приказе госпожи. Твоя честь… она с нами? Дункан посмотрел на Ньюна. Лицо его в полумраке было суровым. Дункан испугался, затем страх отступил.

— Я предупредил их. Я им все сказал.

— Они поверили?

— Некоторые — да, некоторые — нет. Но я им сказал абсолютно все. И всем. За стенками палатки послышались тихие голоса. Это расходились чужие кел. Ньюн прошел к двери, выглянул, посмотрел на кел яном, которые ждали: молчаливые, угрюмые. Впереди всех стоял Нлил. Ньюн жестом пригласил их в палатку и они молча, торжественно вошли. Дункан по своему рангу должен был бы сидеть вдали, но Ньюн указал ему на место рядом с собой.

— Есть еще у вас вопросы, на которые нужны ответы? — спросил Ньюн. Все молчали. Но вот во втором ряду началось движение. Все головы повернулись и встала Рас. Она извинилась перед кел первого ранга и прошла в центр. Ньюн тоже встал, наполненный тревогой, за ним поднялся

Дункан. Рас подошла к нему и обняла, потом обняла Ньюна.

— Я клянусь быть первой, — сказала она. Стали подходить и другие: Перас и Десаи, Нлил и Мерин, Диас и Серас, и все остальные, от первого ранга до последнего. Все сначала обнимали Дункана, а затем Ньюна. Дункан сначала онемел от изумления, но к концу этой странной церемонии сердце его оттаяло. Но вот все снова заняли свои места. Сели и Дункан с Ньюном, а рядом с ними дусы. Ньюн долго молча смотрел на кел, чувствуя, что комок в горле не дает ему говорить. Наконец он справился с ним.

— Теперь о том, что было на Совете. Вы ведь хотели знать это, — сказал он и голос его звучал в его собственных ушах как будто издалека.

15

Жизнь не существовала и здесь тоже. Боаз смотрела на город слезящимися от слез и от ветра глазами — разрушенные дома, засыпанные песком улицы — и надежды стали таять в ее сердце. Удары его гулко отдавались в ее ушах, руки и ноги болели, как при лихорадке, каждый шаг причинял ей мучения. Мальчики хотели понести ее груз, но она упрямо отказывалась — у них было вдоволь своей поклажи. Дыхание со свистом вырывалось через дыхательную маску, воздуха не хватало. Если бы можно было сорвать с лица маску, скинуть с плеч тяжелый ранец… но это была жизнь. Она изредка поворачивала клапан, включая кислород, хотя он сушил горло и в голове становилось легко, как при головокружении.

По крайней мере в городе не было мертвецов. Видимо, мри в этом городе не бывали с тех пор, как море отступило отсюда. Но город стрелял. И люди, и регульцы засекли места, откуда велся огонь. Что-то здесь оставалось живым, но… но не плоть и кровь, не мри, которых она хотела найти. Галей, шедший впереди, остановился, скинул ме-

шок, уселся на камень. Руки его повисли между колен. Боаз была рада остановке и села рядом. Возле нее принялся аккуратно усаживаться Кэдарин. Да, теперь их было трое. После гибели Лейна Галей решил отправить Шибо на корабль. Он должен был облегчить связь и, как подозревала Боаз, сообщить обо всем, если им будет не суждено вернуться.

— Пожалуй, нужно подойти к центральной площади, — сказала Боаз. Галей кивнул. Он и Кэдарин выглядели ужасно: лица иссушены жестоким холодом и сухостью Кутата, красные следы от масок, потрескавшиеся губы, глаза, как у больных животных, ногти изломаны, кожа на суставах потрескалась. Широкая одежда была хорошо приспособлена для жизни в этом климате. Она хорошо защищала от ветра, холода, песка. Даже закрывала ноги. Она подумала о Дункане, который прошел перед ними по этой земле, вспомнила его изможденное лицо, узкие глаза. Казалось, из этого лица исчезло все человеческое. Она осмотрелась. Здесь все напоминало о мри: камни, улицы, дома. Должно быть, это был большой город. Ее опытный глаз восстановил по развалинам и обломкам, как все это выглядело раньше: чужие очертания, тройственная

геометрия.

Засилие треугольников. Здесь все говорило о мри, об их обычаях. Три касты. Очертания Эдуна с тремя башнями. Скрещения трех улиц, дома со скошенными стенами. Она вздрогнула, подумав, насколько эта чужая раса не походила на людей. Вся человеческая философия базировалась на цифре два: две альтернативы — да или нет. В вопросах продолжения рода тоже участвуют двое. Верх и низ, право и лево, черное и белое — две альтернативы.

Раса, которая создала цивилизацию, основанную на цифре три, должна быть абсолютно чуждой, иной… У нее сжалось сердце, когда она подумала о возможных переговорах между людьми и мри.

Интересно… какая же третья альтернатива?

И эдуны… всегда эдуны, в которых жили мри. Но что же это за здания, расположенные вокруг эдунов? Жизнь в этих домах и эдунах, приземистых, широких, должна быть различной.

— Не мри, — вслух произнесла она. — Те, кто построил эти дома, не мри. Галей и Кэдарин посмотрели на нее, как на сумасшедшую.

— Нам не нужны эти развалины. Дункан был прав, когда говорил, что города не мертвы, они

просто пустынны. Я предлагаю вернуться к челноку.

— Боаз, о чем ты думаешь, когда утверждаешь, что это не мри?

— Дункан нам говорил правду. В этих городах мы не найдем мри. Что от мри в этих машинах, городах? Для нас они бесполезны. Нам нужно найти мри, а здесь их нет. Язык этого города — язык, которого мы не понимаем, логика города недоступна нам. Галей посмотрел на нее, потом перевел взгляд на город. На лице у него появилась гримаса разочарования. Вероятно и для него все окружающее сложилось в новый рисунок, он на все смотрел с другой точки зрения.

— Ты уверена, Боаз?

— Я не уверена ни в чем. Но я думаю, что мы должны попробовать то, что нам известно. Если бы мы остались изучать город, вполне вероятно, что мы обнаружили нечто новое. Но зачем оно нам? Это не приблизит нас к нашей цели.

— Что мы будем делать с мри?

— Установим контакт. Мы переместимся в область, контролируемую мри Дункана и постараемся найти их. Глаза Галея сверкнули.

— Но это полностью не согласуется с приказами, которые я получил.

— Я знаю.

— Мы переночуем здесь и пойдем утром.

— Сейчас, — она вздрогнула. — Мои старые кости протестуют против прогулки ночью, но нам нельзя терять времени. Галей долго сидел молча, размышляя. Затем он взглянул на Кэдарина:

— А ты что скажешь?

— Нужно сделать то, что нам поручено и вернуться.

— Что мы должны сделать, знаю только я, — сказал Галей. — Считай, что я приказал тебе.

* * *

— Предводитель, — прошептал Диас. — Часовые говорят, что они идут. Ньюн оторвался от завтрака и прошел между кел, которые поспешно вооружались. Он вышел из палатки в предрассветную мглу, пронизанную холодным южным ветром. Меч его висел на поясе, дус шел сзади. Он накинул вуаль и ощутил, что второй дус где-то неподалеку. Слышны были торопливые шаги посыльных, которые заходили в палатки, предупреждая о приближении чужих. Нлил догнал его и пошел рядом. Они вместе добрались до первого поста. Часовой укрылся за большим камнем на восточной дюне. Он узнал подошедших и молча

показал на восток.

Кел вглядывались вдаль, где угадывались какие-то движущиеся тени, далеко, очень далеко. Ньюн оказался в центре линии кел. Справа от него лежал Нлил, слева — дус. Дункан находился не очень далеко. Ни он, ни дус не имели права находиться в центре. Чуть дальше, в рядах кел второго ранга, он нашел Рас. Затем он снова вгляделся в темноту. Дус отозвался низким рокочущим звуком, почти на пределе слышимости, но проникавшим в самую плоть, в кости. Ньюн подумал о Дункане, о Рас, о Мелеин, проснувшейся в своей палатке, о спокойных, мудрых сен, ласковых кат, спящих детях. Все это находится под защитой кел, он нес ответственность за их жизни. И вот тени стали различимы в неярком свете звезд. Оружие и знаки Чести мерцали в темноте. Хао-нат, это было очевидно. Они шли широким шагом и их намерения были очевидны, так как в руках не было оружия, и их строй не был боевым порядком.

— Ай, — прошептал кто-то. Радость наполнила сердца кел. Они расслабились.

На горизонте возникли еще новые тени в назначенное время — утро. Тени на юго-востоке, на севере… Хао-нат уже поднимались по склону

дюны в непосредственной близости от лагеря. Их вел Риан Тафа, и Ньюн, скинув вуаль, вышел к нему навстречу. Он с радостью обнял старого предводителя. Кел двух племен перемешались между собой, узнавая уже ставшие знакомыми лица. Порядок нарушился, и Ньюн оглянулся на Дункана, который обнимался вместе со всеми, тоже сняв вуаль. Дус его был рядом. Ньюн снова посмотрел в долину и увидел, что остальные племена идут, как и хао-нат, быстро, но без враждебности.

— Все племена идут, — сказал он с радостью Нлилу и внезапно получил холодный импульс от дуса и обернулся к Дункану. Это было почти физическое ощущение, как будто холодная рука схватила его за плечо.

Риан и Дункан стояли друг против друга и смотрели… Риан повернулся и пошел прочь.

— Я не болен, — сказал Дункан так, чтобы все слышали. Риан снова повернулся и сердце Ньюна забилось. Риан осмотрел Дункана с ног до головы.

— Ты без шрамов, — сказал он, что исключало всякую возможность вызова.

— Мои глубокие сожаления, сэр, — ответил Дункан. Снова долгая пауза. Ведь на карту была

поставлена гордость предводителя кел.

— Ты хорошо бегаешь, — наконец сказал Риан, — кел. Он повернулся и пошел, на этот раз уже окончательно. Послышался шепот. В нем были одновременно и радость, и сожаление. Риан пожал плечами, улыбнулся и ласково протянул руку одному из своих кел. Дункан угрюмо смотрел ему вслед. Он чувствовал себя так, как будто мимо него пронесся холодный ветер. И вот к ним уже присоединились яари во главе с Тиан Эдри, каномин с Кадисом. Нлил, Ньюн и Риан встретили двух предводителей и встали на вершине дюны, ожидая подхода еще одной группы. Эти кел тоже шли торопливо и радостно.

— Мари, — сказал Тиан, который хорошо знал это племя. Действительно, это были мари во главе с Эланом. Снова радость встречи, снова объятия.

— Остались только паты, — заметил Тиан. Но на светлеющем быстро горизонте не были видны ни малейшие признаки приближения пятого племени. Постепенно все кел успокоились и теперь они смотрели на пустынные равнины. Время шло и радость в сердцах кел уступала место угрюмой подозрительности. Лучи солнца уже заливали песчаные равнины золотым светом.

— Может, они хотят, чтобы мы встретились в

пути, — сказал Элан. Тиан и Риан что-то пробормотали. Но вот на горизонте появилась темная полоса. Она приближалась и вскоре уже можно было понять, что это мри, которые быстро шли, пропадая в песчаных складках и вновь появляясь.

Они исчезли в последний раз и появились уже совсем близко — пять сотен кел, шедших беспорядочной толпой, что означало дружественные намерения. Вздохи облегчения и смех послышались среди кел.

— Эти пата не умеют определять время, — шутливо крикнул кто-то.

— Да нет, они просто проспали! — раздался другой голос, сопровождаемый смехом. Ньюн заметил, что этих кел ведут сразу два предводителя: Кедрас и еще один, незнакомый ему.

— Я — Мада Кафаи Сок-Мада, — представился молодой предводитель. — Я из патадим и привел своих кел к госпоже госпож. Кто из вас Ньюн Интель?

— Они опоздали, — сказал Ньюн, — но зато их стало гораздо больше. Снова раздался взрыв смеха, к которому присоединились и вновь пришедшие. Ньюн обнял Маду, затем Кедраса. С гордостью посмотрел на черную тучу в пятна-

дцать тысяч кел. Столько кел он не видел ни разу в жизни и еще ни один предводитель Народа не имел столько их под своим началом. Груз ответственности навалился на него.

— Идемте в лагерь, — пригласил он. Он пошел в лагерь и вся черная масса хлынула за ним, встречаемая широко раскрытыми от изумления глазами детей и поклонами сен. Мелеин ждала их у своей палатки, без вуали, со сверкающими, радостными, возбужденными глазами.

— Мои кел, — сказала она. — Кел, одолженные мне сестрами! — Она протянула руки и Ньюн подошел поцеловать их. За ним подошли остальные для церемонии поцелуя.

— Она такая молодая, — пробормотал патадим и, заметив, что Ньюн услышал его, поклонился и быстро отошел.

— Собирайте лагерь, — приказала Мелеин. И тут же закипела работа: увязывались тюки, снимались палатки… Святыню должны были нести сен, закутанные в вуали. Дети бегали по всему лагерю, путаясь у всех под ногами. Дункан работал рядом с Тазом и другими кел без шрамов. Ньюн прошел к нему и тронул за рукав. Дункан последовал за ним. Дус, как тень, сопровождал его.

— Неси сегодня только себя, — сказал ему

Ньюн.

— Я не могу идти с пустыми руками.

— Ты играл в Игру Чести?

— Да, — признался Дункан с виноватым видом.

— Значит ты не низкого ранга, и ты пойдешь без груза.

Колонна сформировалась. Дункан с Ньюном не могли идти рядом — ранги не позволяли. Госпожа госпож — так Мелеин называла себя, а Ньюн, следовательно, стал предводителем всех кел.

— Куда теперь мне? — спросил его Дункан.

— Пока иди с последними. Не торопись, не насилуй себя, сов-кела, — он коснулся его плеча и пошел к тому месту, которое должен был занимать. Дункан не последовал за ним.

* * *

— Два — выдохнул Кэдарин, подтвердив то, что видел и сам Галей. Два корабля, а не один, блестели на солнце в песчаной пустыне рядом. Они отдыхали после утомительного перехода, но усталость накопилась в их телах и отдыха явно не хватало.

— Идем, — сказал Галей, обхватив рукой талию Боаз. Она шла, спотыкаясь, тяжело дыша, даже слишком тяжело. Галей ждал резких возражений

с ее стороны, но на этот раз она приняла его помощь. Видимо, силы ее были совсем на исходе. Кэдарин обнял ее с другой стороны. Идти им стало легче, но вскоре и Галей, и Кэдарин тяжело дышали, как и сама Боаз.

«Регульцы», — думал Галей, вспоминая кошмары, виденные им на Кесрите.

Шибо. Один против тех, кто приземлился рядом с ним. И они тоже уязвимы. Бежать некуда, только в пустыню, а там — смерть. Защищаться тоже нечем — легкое оружие против орудий корабля. Галей состроил гримасу и прищурил глаза, чтобы лучше рассмотреть, что их ждет впереди.

— Думаю, что это один из наших, — пробормотал Кэдарин. Они продолжали тащить Боаз, едва передвигающую ноги между ними. Их хриплое дыхание сливалось в унисон. Галей всматривался в челнок и постепенно убеждался, что это копия их собственного. Значит, могло случиться что-то неприятное: другого быть не могло. Может быть решено свернуть миссию.

Или где-то катастрофа…

Он шел, а мозг его лихорадочно перебирал возможные причины появления здесь челнока. Неприятности ждут его. В экспедиции погиб человек, а он даже не сообщил об этом. Значит,

теперь он потерял доверие. Он пошел на поводу у Боаз, забыв об инструкциях… Он спросил ее, не стоит ли еще немного отдохнуть. Она покачала головой и упрямо двинулась вперед.

Ни один люк не открылся при их приближении… Они подошли к глухому борту корабля и только тут сработала автоматика: заурчали двигатели, открылся люк, выдвинулась лестница. Узкая, по ней можно было подниматься только по одному. Первым поднялся Кэдарин, за ним Боаз и последним Галей. Их ожидали два человека. Первым был Шибо, второго невозможно было разглядеть на фоне яркого света, бьющего из кабины. Галей стянул дыхательную маску, попытался усадить Боаз, но она отказалась и осталась стоять.

— Гаррис, сэр, — представился незнакомец. — Приказ сверху. Жене Гаррис. Галей взял себя в руки и опустился в кресло второго пилота и смотрел на Гарриса, который достал из кармана листок бумаги и вложил его в руку Галея. Кэдарин включил верхний свет. Галей склонился над листом, стараясь прочесть текст, держа его дрожащими руками, но буквы прыгали у него перед глазами. Условные знаки. Офис Коха.

«Переговоры с союзниками о сотрудничестве

ведутся на самом высоком уровне. Достигнуто соглашение о взаимно приемлемом решении устранения угрозы оружия мри…»

— Что они хотят? — прервала его чтение Боаз.

— Нам приказано уничтожить машины.

— Компьютеры?

Он расправил листок бумаги и стал читать вслух:

«Приказываю взорвать машины в городах и источники энергии. Восстановление сделать невозможным. Союзники одобрили это решение и проведут инспекцию городов после завершения нашей фазы операции. „Флауэр“ должен оставаться на планете вне пределов досягаемости оружия городов. Корабли на орбите будут на таком расстоянии, что связь с ними будет невозможна. Действуйте с чрезвычайной осторожностью, обеспечьте безопасность экипажа и оборудования. Не вступайте в контакт с наземными группами союзников. Не провоцируйте их наблюдателей. Челнок-два и команда поступают в ваше распоряжение. Если необходимо, перевезите гражданский персонал на „Флауэр“».

С губ Боаз сорвалось непечатное ругательство. Галей сложил листок и некоторое время сидел молча.

— Сколько человек у тебя? — опросил он Гарриса.

— Мэти и Норт.

— Взрывчатка?

— Достаточно, чтобы начать. Галей взглянул на Боаз, на ее постаревшее лицо с красными метками от дыхательной маски, на ее светло-серые волосы. В глазах ее была боль. Кэдарин положил руку ей на плечо. Лицо его ничего не выражало.

— Мы потеряли Майка Лейна, — сказал Галей. — Ошибка с этими машинами. Они имеют защиту. Тишина. Галей провел рукой по спутанным волосам. Глаза Боаз жгли его. Он чувствовал себя так, словно попал в западню.

— Они хотят получить все, что мы сделали и использовать это для уничтожения городов, — сказала Боаз. — Они хотят уничтожить их прошлое и их ресурсы энергии. Все молчали. Мускул на щеке Боаз конвульсивно подергивался.

— А с городами связаны не только мри. Мы не знаем, кто. Мы не знаем, на что поднимаем руку. Она покачала головой.

— Откажись выполнять приказ…

Галей задумался над этим… действительно задумался. Это же безумие. Присутствие Гарриса вернуло его к действительности.

— Я не могу. Да это ни к чему и не приведет. Нас заставят.

— «Убивать их прошлое?» В тесной каюте стало трудно дышать. Ярость Боаз наполнила всю каюту, вытеснила воздух.

— У нас нет выбора, — он сделал жест Гаррису, чтобы тот сел. У Галея заболела шея оттого, что ему приходилось смотреть снизу вверх. — Садись. Гаррис сел.

— Доктора мы отправим на базу? Галей поднял руку, предупреждая готовую взорваться Боаз.

— Она с нами. Она вернется, если сама захочет.

— Она не захочет, — сказала Боаз.

— Она не захочет, — Галей сделал глубокий вдох, протер слезящиеся глаза, обвел взглядом находившихся в каюте. — Мы проникнем в города. Это просто. Мы принесем взрывчатку, установим ее, уйдем, отведем корабли на безопасное расстояние… Но существует возможность, что мы нечаянно включим что-то, что уничтожит нас всех. Раз «Сабер» и остальные корабли находятся так далеко, значит они допускают такую вероятность. Мы в самом пекле. «Флауэр», возможно, и в безопасности. Ты понимаешь, Боаз? Вряд ли ты сможешь здесь что-нибудь сделать. Она помотала головой.

— У меня и для вас донесение, — сказал Гаррис и выудил из кармана измятый конверт.

— Луиз, — сказала Боаз, даже не прочитав подписи. Она открыла конверт, прочла письмо и поджала губы. — Благословение мне, — сказала она, — и ничего больше. — Она спрятала бумагу в карман. — Кому от этого польза? Ответь мне, Галей.

— Самим мри, они останутся жить.

— А если исключить это сомнительное заявление?

— Не понимаю.

— Наши корабли далеко от планеты. На планету высадилась миссия регульцев с широкими полномочиями. Кому польза? Галей почувствовал, как у него начало учащенно биться сердце.

— Я думаю, что все решено на очень высоком уровне. Гораздо более высоком, чем наш.

— Не говори мне этого. Адмирал получил консультацию Сима Эверсона и больше ни о чем не думал.

— Боаз… Она больше ничего не добавила. Галей облизнул губы и повернулся к Гаррису:

— Ты останешься здесь. Когда мы пойдем в город, я хочу быть уверенным, что сюда не проникнут регульцы.

— А как мне остановить их?

— Стреляй! — рявкнул Галей и стал ждать протестов Боаз. Он знал ее принципы, но она промолчала. — Ты и Боаз останетесь здесь. Ты, Жене, слушай ее. Она знает регульцев и, если она решит, что нужно стрелять, значит для этого есть все основания. Просматривай местность непрерывно. Если Боаз скажет «Иди!», ты иди и убивай. Ясно? Гаррис кивнул, не выказывая удивления.

— Вы скоро вернетесь? Галей, не отвечая, поднялся, потер рукой небритый подбородок и дал знак собираться. Гаррис помог им уложить взрывчатку. После короткого отдыха Галей махнул рукой Боаз и стал спускаться по лестнице. За ним Кэдарин, Шибо и люди Гарриса. Галей натянул дыхательный аппарат и пошел. Было ужасно холодно. Ноги не слушались его. Он мог бы послать Гарриса. Мог бы. Дункан потерян. Теперь это можно считать доказанным. Потерян: мертв или с мри, надежды больше нет. Чудес дать не приходится. Остается только это. Жестоко, но выбора нет.

Их прошлое. Боаз сказала — убить их прошлое. Он огляделся, узнавая местность. Теперь немного влево. Он покачал головой и пошел к городу, названия которого даже не знал.

* * *

Перед ними возвышались стены. Они были такого же цвета, как и холмы, на которых стояли. Можно было бы подумать, что это творение природы, но колонн было много и все одинаковые.

«Элет».

Дункан смотрел на него из-за плеча кел, стоящего перед ним… он потерялся среди мри, на голову ниже их. Среди людей он считался высоким. Здесь же он выделялся среди мри маленьким ростом и плотным телосложением. У него были широкие плечи, массивное тело…

— Эли живут здесь, — обратился он к Тазу, который шел рядом, таща тяжелый мешок. — Ты знаешь, как они выглядят?

— Я не видел ни одного, — ответил Таз и добавил: — Они — ци-мри, — этим он исчерпал вопрос. Ци-мри не представляли для него интереса. Дункан больше ничего не спросил. Ему оставалось только идти, укутав рот и нос вуалью и переставляя ноги, болевшие от долгого пути, который он проделал перед этим. Рядом с ним шел дус. Благодаря животному Дункан ощущал Ньюна и это приносило ему облегчение. Дункан боялся.

Зачем они пришли сюда? Что хотели получить у неизвестной расы? Источники энергии? Оружие? Дункан не имел понятия. «Воевать», — сказал Ньюн. И он, Дункан, дал им шанс для этого — убил регульца.

Сейчас они отдыхали. Остановок в пути было несколько — ведь с ними шли кат, определявшие скорость передвижения. Сейчас по колонне передали приказ ставить лагерь. Кел удивились этому, но тем не менее стали активно помогать кат. Дункан сначала хотел подключиться, но вспомнил приказ Ньюна и сел на камень, положив руки на голову дуса. Беспокойство не покидало его. Мри делали лагерь как обычно, как будто это все было нормально, но с помощью дуса Дункан ощущал что-то чужое, окружающее их. Ему было жутко. Ньюн тоже должен почувствовать это. Дункан встал и пошел между кел, устанавливающими шесты, натягивающими полотнища палаток. Ему попался по дороге ребенок, который с изумлением вытаращился на него, а затем шарахнулся в сторону. Дункан посмотрел в его сторону и пошел дальше в поисках Ньюна. И вдруг он понял. Дусы! Дикие дусы! Ха-дусы. Это они преследовали их. И преследовали его, когда он сошел с корабля! Ньюна он нашел неподалеку от того места, где

устанавливались палатки сен. Вокруг него стояли другие предводители. Сейчас не время кел без шрамов говорить с предводителем.

— Ньюн! — позвал Дункан друга с помощью дуса, но тут же ощутил прикосновение другого разума и обернулся. Рас. Дункан тронул ее за рукав, встретил взгляд из-под вуали. Затем Рас повернула голову туда, куда смотрел и Дункан, откуда исходила угроза.

— Они идут, — сказал Дункан. — Кел Рас, они идут. Ощущение тревоги все усиливалось. И вот Дункан увидел на песчаном гребне первого дуса, направляющегося к лагерю.

— О, Боги! — прошептала Рас. Голос ее дрожал. Она подалась назад. Дункан, чувствовал, что все тело ее трепещет.

— Он хочет сюда, — сказал Дункан. — Его не остановить.

— Я убью его!

— Не нужно. Сейчас излучение его мозга совпадает по частоте с излучением мозга кого-то из мри. Может быть, даже с твоим, раз ты ощущаешь его. Ты боишься? Рас отошла от него, прошла между притихшими кел и вышла на край лагеря, навстречу животному. Дункан пошел за ней. С бьющимся сердцем он смотрел, как Рас шла к

дусу. Теперь он уже ощущал не ненависть, не вражду, что-то совсем другое. Ха-дус присел на задние лапы перед Рас. Его дыхание вздымало клубы пыли. И вот он испустил защитный импульс. Рас коснулась его. Она опустилась перед ним на колени, закинула руки за шею. Мозг дуса и мозг мри слились воедино. В лагерь вошли другие дусы. Кел подались в стороны, а дети с криками стали разбегаться, бросившись к палаткам.

Дусы выбирали для себя кел: Нлил, юный Таз, который очень хотел, чтобы дус выбрал его, Риан, который боялся, но смог победить свои страх…

И вот они со своими дусами собрались вокруг Ньюна: Нлил, Рас, Таз, Риан, Дункан… Они переглядывались между собой. Таз был очень смущен, что в нем обнаружилось нечто общее с Ньюном, предводителем кел.

— Я прошу прощения, — пробормотал он, как будто его вина была в том, что дус выбрал именно его.

— Никто не может отвечать за решение дуса, — сказал Ньюн. — Они выбирают сами. Они находят в нас что-то. Бог знает что.

— Дусы ощущают чужих, — тихо сказал Дункан. — Они пришли сюда, чтобы защищать. Есть еще один ха-дус, он не здесь. Почему… я не знаю.

— Мы идем в город, — сказал Ньюн. — Кат и часть сен остаются здесь, в лагере. Дункан посмотрел в сторону Мелеин, которая стояла среди сен, а затем перевел взгляд на каменных часовых Эли. Нападение. Это ощущение внезапно пришло к нему. У мри нет союзников.

— Ты не понимаешь? — спросил Ньюн. — Мы возьмем этот город.

Дусы поняли… они заняли место по краям колонны, как это делали дусы на Кесрите. С мри. С некоторыми мри. У которых они находили что-то особенное.

«Возможно, безумие», — подумал Дункан.

16

Сут наблюдал за экранами. Корабли действительно улетели. Он улыбнулся и отдал приказ команде.

«Шируг» стал медленно удаляться от планеты, не выпуская из виду «Сантьяго» и «Сабер». На экране появилось лицо бая Дегаса.

— Мы начали, — сказал Сут. — Как условлено, мы все время будем поддерживать связь друг с другом.

— Я буду вызывать вас по мере надобности.

— Разумеется, — Сут изобразил улыбку. Ему нравился этот бай. Его твердость в решениях находилась в приятном контрасте с уклончивость остальных людей. Но по той же причине бая Дегаса следовало и побаиваться. Он слишком глубоко проникал в суть событий.

— Сейчас я переключу связь на молодых регульцев, — продолжал Сут. — Глубочайшая благодарность за сотрудничество, — он опять улыбнулся, выключая экран и откинулся на подушки. Сзади въехали другие тележки.

Нань, Тьяг, Моркхуг…

— Все время находитесь на связи. Спите только по очереди. Один постоянно должен бодрствовать.

— Города мри, — сказала Нань, — они живут. Информация людей не всегда точна.

— Ложь, Нань. Это называется ложь. Люди говорят неправду также часто, как совершают неверные действия. Но мы будем работать с ними. Моркхуг неспокойно раздул ноздри.

— Мне не нравится это. Угроза есть: города мри. И я не вижу, чтобы люди боролись с этим.

— Вопрос, — сказала Нань. — Люди полагают, что мри будут служить им?

Сут зашипел… В этом было что-то оскорбительное: взрослые регульцы сидят и обсуждают возможности лжи людей! Даже регульцы начали говорить о смещении действительности — это же безумие!

— Человеческий разум, — сказал Сут, — мыслит сразу во многих направлениях: и в сторону мри и в нашу сторону.

— Но действовать во всех направлениях нельзя, — сказала Тьяг.

— Они действительно действуют только для себя. Что для них полезно?

— Выживание! — сказала Нань.

— Знание! — поправил Сут. — Они заявляют, что уничтожат города мри. Ноздри вспыхнули и закрылись.

— Люди — это раса забывающих и воображающих, — сказал Сут. — Я решил действовать с ними простейшим образом. Я постарался удовлетворить их минимальные требования. Люди сказали, что уничтожат города. Они утверждают, что собирают знания. Для этой цели на «Флауэре» работает дополнительный контингент ученых. Они говорят так, и, если они лгут, то я не вижу мотивов для этого.

— Мы позволим им уничтожить оружие, которое может быть полезно для нас? — спросил Моркхуг.

— Нет, — сказал Сут. — Мы этого не сделаем.

* * *

— Ничего, сэр.

Луиз оперся на подушку и печально покачал головой. Глаза Брауна тревожно смотрели на него. Начался подъем корабля, но паники на борту не было, разве что… страх. Сейчас только челноки могли спуститься на Кутат, куда не осмеливались спуститься большие военные корабли.

Контакта с миссией Галея не было. Гаррис мог

отыскать их, если Галей придерживался разработанного плана. И тогда можно было ждать либо катастрофы, либо мирного исхода событий…

И Боаз была с ними. Она наверняка отказалась вернуться на «Флауэр». Луиз включил карту планеты. Отыскал второй город где скорее всего они и были сейчас. Он надеялся на это. Если с ними не случилось ничего непредвиденного.

— Я сейчас не жду передачи, сэр, — сказал Браун, видимо решив, что он должен что-то сказать. — Сейчас у них много работы, сэр. Надо подождать. Это была слабая попытка успокоить его. Тщетная попытка.

* * *

За разными каменными колоннами стоял город Элет, фантастическая конструкция из стекла и камня, сверкающая в лучах заходящего солнца. Кел ахнули от удивления, а Ньюн вспомнил о своей юности, когда он проводил вечера, глядя на город регульцев, на его огни в полумраке. Он тогда мечтал о кораблях, о путешествиях, войнах, знаках Чести, которых он мог бы добиться.

Он взглянул на Мелеин, которую окружали сен, пришедшие с нею, несмотря на все их нежелание. Она молчала, но было ясно, что она делает все, что

предназначено ей. Святыня была в безопасности, и она и сен были под защитой более тысячи кел. С Мелеин сюда пришли пятнадцать тысяч сен, включая и Сатаса.

Ньюн подозвал к себе кел с дусами. Подошли все, даже Таз, безмерно гордый счастьем, выпавшим на его долю.

— Держитесь ближе ко мне, — приказал Ньюн всем, а потом обратился к Дункану. — У тебя есть пистолет, сов-кела. Я прошу тебя быть поближе к госпоже. Это — ци-мри.

— Ай, — пробормотал Дункан.

«Их всего двое, — подумал Дункан, — кто знает прежнюю войну, хотя они и сражались на разных сторонах. Они оба знают Закон кел Кесрита: использовать оружие убивающее на расстоянии только против тех, кто применяет его».

— Они, должно быть, знают, что мы здесь, — сказал Ньюн.

— Несомненно. Они подошли уже близко к городу и перед их глазами вставали причудливые конструкции из стекла и камня.

— О, Боги, — прошептал Ньюн. Внезапно ему показалось, что кел всего лишь небольшая горстка, а врагов тучи, свинцовые тучи. Защитный импульс дусов. В песке взрывались фонтанчики:

буроверы. Их было так много, что казалось, весь песок шевелится. Буроверы разбегались в разные стороны. Вода. Сток из города. Тревога, излучаемая дусами, становилась все интенсивнее.

— Не выпускайте дусов из-под контроля, — предупредил Ньюн кел с дусами.

— Кел, — сказала Мелеин. — Дайте мне этот город, не уничтожайте его и не убивайте без необходимости.

— Иди в центр, — сказал Ньюн Мелеин. — Ты должна быть осторожна.

К его удивлению она повиновалась без возражений. Ньюн глубоко вздохнул и стал рассматривать город, где не было видно улиц — только лабиринт стеклянных стен. Он повел кел вперед, через ветер, не обращая внимания на встающие перед ним преграды, не думая о логике структуры города. Перед ними оказалась стеклянная стена, за которой находился большой холл. Прямо из пола поднимались каменные резные столбы и скульптуры.

Ньюн достал пистолет, из которого он не стрелял уже многие годы — и выстрелил. Стекло со страшным треском развалилось на куски. В лицо ударило тепло, тепло и влажный воздух. Они вошли в холл. Осколки стекла трещали под ногами.

Дусы тревожно фыркали. Дус Ньюна испустил охотничий вой, который отозвался жутким эхом в обширных пространствах холла. Ньюн сжал пистолет в руке и жестом приказал кел рассредоточиться по всей ширине холла. Эхо шагов кел гулко звучало под высокими сводами.

А в дальнем конце холла стояли они… ослепляя буйством красок. Кел остановились как по команде, глядя на зеленые, голубые, алые мантии, мантии, цвета которому нет названия в языке мри… Кожа у них была бледная, бледнее, чем у Дункана, волосы белые, длинные, бесстыдно распущенные… Ньюн ходил один в город регульцев, который не имел ничего общего с образом жизни мри. И теперь он смело шагнул вперед. Дус был рядом, товарищи за спиной. Он подумал, что же сейчас произойдет? Битва? Или паническое бегство? Они побежали. Тысяча мечей с шипение выскользнула из ножен.

— Нет, — крикнул Ньюн, — но держите оружие наготове.

Он пошел вперед, храня спокойствие. Вот миновали одну улицу, другую, вошли в холл, где каменные стены переплетались между собой на подобие корней… Город не сопротивлялся. Лишь сдавался, даже не сделав попытки нанести удар.

* * *

Впереди виднелся вход в большой эдун. Коричневые стены, строгая архитектура — пример разумной простоты среди сумасшедшего разгула причудливых конструкций. Галей уже с трудом дышал сквозь дыхательную маску, но, собрав последние силы, первым поднялся по ступеням и оказался в спасительном убежище, где ветер не хлестал в лицо песком. Они зажгли факелы, которые принесли с собой, чтобы ничего не трогать здесь и не включить случайно систему защиты, которая тут могла быть. Галей осмотрелся: письмена на стенах, сумрачные переходы из башни в башню. Катастрофа не затронула эдун.

— Заметьте, — сказал он хриплым голосом, не снимая маски. — Это святое место для них. Это их история и их дом. Мы находимся на их планете, а эдун — их святое место. И мы собираемся убить их прошлое. Помните это.

Два человека Гарриса с удивлением посмотрели на него. Их лица в масках при свете факелов казались демоническими. Только Кэдарин… Кэдарин, который был с Боаз… он понял.

— Не зная что, нельзя убивать, — сказал он, — а мы — не знаем. — Он с хрипом выдохнул воздух

и повернулся ко входу в машинный зал. Вернее туда, где он должен был быть, если все эдуны одинаковы. В сердце этой башни должен быть источник энергии. Во всяком случае, это наиболее вероятное место для него. Эта башня оставалась целой и в других эдунах, хотя все остальные башни пострадали.

— Надо заложить взрывчатку здесь, — сказал Галей, указывая на стену. — Простая работа. Уничтожив мозг, мы уничтожим все связи. Тогда не будет опасности для орбитальных кораблей. Можно, конечно, обыскать и все остальные башни, но я уверен, что самое главное — здесь.

Что-то упало на пол: пластина серебра. Норт выхватил пистолет, но Галей перехватил его руку. Серебряный купол — из него выпал кусок.

— Черт возьми, — дрожащим голосом сказал Кэдарин.

— Идем, — сказал Галей. — Не касайтесь ничего и не стреляйте. Может произойти самое страшное для нас.

Они разошлись по разным башням, как приказал Галей. Они обходили башню за башней, коридор за коридором, лестницу за лестницей… В конце концов они снова собрались у входа в машинный зал.

— Ничего, — сказал Кэдарин, — только сервисная аппаратура. — Остальные подтвердили это.

— Тогда устанавливайте заряды под эту башню, на каждом этаже. Кэдарин, идем со мной. Кэдарин последовал за ним по спиральной лестнице. Они шли осторожно. Свет выхватывал лестницу из тьмы маленькими частями. А затем тьма сразу же поглотила ту часть лестницы, по которой они прошли. Лестница привела их в комнату, аналогичную тем, какие они уже видели. Даже решетки на окнах были такими же. Видимо здесь работал один архитектор. Но эта комната почти не пострадала. Как будто чья-то могущественная рука заделала все трещины. Галей погасил свой факел и жестом предложил Кэдарину сделать то же самое. Он боялся, что фоточувствительные датчики могут привести в действие систему защиты машин.

— Может быть здесь есть высокочувствительные звуковые датчики? — прошептал Галей. — И Лейн включил их, когда пересек этот круг. Остерегайся его. Мы заложим здесь заряды, затем уйдем. Через четверть часа включим.

Галей проворно и бесшумно установил заряды и пошел вниз по лестнице. Кэдарин, как скользящая тень, — за ним. На каждом этаже Галей

устанавливал заряды, и наконец прошипел Кэдарину:

— Бежим! Внизу они встретились с остальными.

— Все сделано, сэр! — услышал Галей и тут же они бросились бежать, выскочили на лестницу, скатились по ступеням, пробежали по небольшому дворику и укрылись в аллее среди домов. Дыхание с хрипом вырвалось через дыхательные маски. Взрыв не должен был быть слишком сильным. Необходимо просто отключить мозг, нарушить систему связи с источниками энергии. Тогда они придут в бездействие.

И, внезапно, — взрыв! Башни отделились друг от друга и промежутки между ними заполнило пламя. Глухой звук взрыва отозвался вибрацией во всех костях, клубы пыли окутали башни и Галей помимо воли вжался в землю, ожидая, что за этим взрывом последую другие, более страшные. Эти взрывы защитят город, уничтожат корабли, изотрут в пыль их, дерзких пришельцев, ввергнут мир в бездну войны. Но этого не произошло. Пыль постепенно осела. Тишина. Галей услышал, как Норт выругался.

— Мы живы! — прошептал Галей. Он все еще не видел эдун целиком из-за пыли, но башня

разрушилась совсем.

— Эти машины больше ничего не смогут сделать, — сказал Кэдарин. — Мы уничтожили их, сэр. А сами остались живы Мышцы Галея тряслись мелкой дрожью. Он собрался с силами, впустил свежий воздух в дыхательную смесь и у него закружилась голова. Снова ему показалось, что они не одни здесь, как и тогда, когда они шли сюда.

— Мы наверняка включили систему оповещения, — сказал он. — Лучше нам побыстрее убраться отсюда на челноке. Никто не спорил. Они все воевали с мри и знали их бесстрашие и готовность жертвовать собой. Четыре человека с пистолетами для них ничто. И Боаз среди них не было.

* * *

Эли собрались вокруг своих монументов. Они что-то щебетали звенящими голосами. Высокие бледные тела казались чересчур массивными в широких мантиях, украшенных драгоценностями. Волосы, как белый шелк, струились по плечам и спадали почти до спины. У одних волосы были ровно подстрижены, у других заплетены в косы, а у третьих волосы были уложены так, что

оставляли открытыми уши. Такое бесстыдство заставило Ньюна покраснеть. Эли в ужасе жались друг к другу, глядя на кел, стоящих перед ними.

— Ты, — сказал Ньюн, ткнув пальцем в высокого эли, решив, что он мужчина. Мантия скрывала очертания тела, а лица все были похожи. — Ты, выйди, и говори.

Белое лицо исказилось гримасой ужаса. Эли судорожно вцепился в своих товарищей. Но затем он все-таки вышел вперед маленькими неуверенными шагами, как нашаливший ребенок. Странное лицо, похожее на лицо мри, белое, не исключая губ, глаза бледно-голубые, вокруг ресниц нарисованы темно-голубые тени. «Конечно, краска», — решил Ньюн. Эти тени, казалось, оживляли лицо, делали его более утонченным.

— Уходите, — оказал эли слабым голосом. Ньюн чуть не рассмеялся.

— Где ваша мать? — спросил он, ожидая взрыва негодования. Этот вопрос был запретен у мри. Но эли взглядом показал на один из коридоров и все кел почувствовали презрение к нему.

— Иди с нами, — приказал Ньюн. И когда эли напрягся, словно собираясь убежать, добавил:

— Мы не берем пленников. Иди с нами. Эли взглянул на него с ужасом, затем попытался

выдавить из себя улыбку и жестом выразил согласие. Ньюн посмотрел на своих товарищей, на Мелеин, которая была закрыта вуалью, так как находилась в присутствии ци-мри.

— Спроси, как его зовут, — сказала она.

— Я Иллатали, Мать мри. Мечи поднялись. Ци-мри не имел права говорить с госпожой. Но она жестом остановила кел и посмотрела на Ньюна:

— Скажи Иллатали, что я хочу, чтобы он провел нас к матери Эли. Иллатали тревожно оглянулся на своих соплеменников. На его лице было такое отчаяние, что улыбка едва угадывалась. Дусы шевельнулись и заворчали.

«Ци-мри. Они, — подумал Ньюн, — в течение многих лет не знали мри». Он взял за руку Иллатали и повел его. Эли послушно шагал рядом с ним, заглядывая в лица кел. Улыбка не сходила с его губ. Даже тогда, когда он посмотрел на дусов. Ньюн ослабил хватку, давая ему возможность идти самому.

Это был сон, кошмар… Стеклянные стены, причудливые структуры, конструкции, скульптуры, украшенные драгоценностями.

Белые волосы, которые профанировали своим цветом мантию Мелеин… Кел не говорили ни слова: ведь это были ци-мри. Встречающиеся им

эли вскидывали белые руки, прятались за монументы и колонны. Колонны здесь поднимались высоко вверх и змеи, отлитые из золота, поддерживали своды.

За стеклянными стенами находилась оранжерея. Вода стекала по ее стенам. Ньюн с изумлением рассматривал настоящее растительное царство: гроздья винограда, спелые фрукты… «О, Боги», — в изумлении произнес кто-то рядом. Ньюн подумал, что таким был весь Кутат, когда моря были полны воды.

— Насосы… — задумчиво пробормотал Дункан. Снова стеклянные стены, монументы, цветные призмы. Ньюн сразу же вспомнил радуги, которые были хорошо известны на Кесрите и давно забыты на Кутате.

Двери послушно подчинились слабой руке Иллатали. Улыбка его оставалась прежней, движения ни ускорялись, ни замедлялись. Но вот за одной из дверей их встретила толпа эли ярких, как ящерки. Их мантии, казалось, весили больше, чем они сами. Они были расшиты разноцветными рисунками: цветами, животными, змеями… Ньюн не мог не признать, что они были красивы. Он остановился. И все кел остановились перед белыми распростертыми руками, испуганными

голубыми глазами в которых не было угрозы, только мольба и беззащитность. Иллатали метался между эли и мри, как бы пытаясь примирить обе стороны.

— Мы должны пройти, — сказала Мелеин. — Скажи им это

— Нет, — возразил Иллатали. — Пошли меня. Я передам все, что ты скажешь. Ньюн нахмурился и сделал знак Нлилу. Сверкнула сталь и осколки хрусталя посыпались на пол. Эли вскрикнули с негодованием и защитные импульсы дусов поднялись, как буря.

— Мы пройдем туда, — сказал Ньюн, но эли стояли, не двигаясь, загораживая вход. Мечи были готовы. Риан и Элан приготовились ринуться первыми. Эли стояли закрыв глаза.

— Нет! — сказала Мелеин. — Оттесните их.

Это никому не понравилось. Прикасаться руками к эли, мужчинам и женщинам, выбравшим самоубийство — это было не в правилах мри. Но кел низшего ранга начали выполнять приказ и расталкивать эли. Иллатали суетился перед мри, указывая куда идти…

Холл, куда они вошли, был отделан золотом и драгоценными камнями. Они увидели эли, один из которых был в мантии из золота и серебра,

другой в мантии только из золота, а третий — в мантии только из серебра. Мантии остальных были украшены драгоценными камнями. Увидев кел, они ахнули и попытались остановить их, хватаясь за мечи голыми руками. Кровь текла у них, как и мри и у людей.

— Нет! — вскричал чей-то голос и эли в золоте и серебре воздел руки вверх, останавливая своих защитников. Это была пожилая женщина, одетая отлично от других эли.

Эли в золоте — мужчина, и эли, одетый в серебро — молодая прекрасная девушка, оставались рядом с нею. Мантии, сверкающие драгоценными камнями, толпились перед ними.

— Кто говорит? — спросил Ньюн.

— Это — Мать, — мягко ответил Иллатали, кланяясь и мри и эли. — Аботаи, и вторая Мать Хали, и первый муж — Тесфила. Ты говоришь с ними, принц-мри.

Он оглянулся с таким беспокойством, что оно передалось дусам. Структура общества эли такая же, как и мри, но не совсем. Мать — но не одна. Мелеин невозмутимо сложила руки на груди. Она заговорила так, словно говорила на Совете:

— Аботаи, ты понимаешь, зачем я пришла сюда?

— Требовать от нас службы, — сказала старая эли, и морщины прорезали ее лоб. — Ты ввергла мир в хаос и теперь пришла чтобы заставлять нас служить тебе. Ну что же, тащи и нас в то, что ты принесла сюда. Мелеин внимательно осмотрела холл, причудливые каменные изваяния, украшения из драгоценных камней.

— Скажи ей, предводитель кел яном, что ее существование весьма зыбко. И что Ан-Эхон в руинах, как и многие другие города. Сюда явились ци-мри. И она, несомненно, знает это…

— Эли слышит слова Матери? — холодно спросил Ньюн зная, что эли прекрасно все поняли.

— Ты не знаешь меня? — спросила Мелеин.

— Я знаю тебя, — ответила Аботаи. Ее голос скрипел от негодования.

— И ты позволишь мне войти?

— У меня нет выбора, — грустно произнесла эли. — Я прошу тебя, не приноси сюда войну.

— Восемьдесят тысяч лет странствий… и после этого нам говорят, что мы должны идти прочь.

— Ты уничтожишь нас, — закричала вторая мать.

— Слушай, — снова заговорила Аботаи и сделала жест дрожащей рукой своим компаньонам. — Покажите им, покажите им.

Молодая эли что-то сказала ближайшему к ней мужчине. Кивок белой головы, сверканье драгоценностей… Ньюн сжал в руке пистолет, готовый ко всему… Но тут часть стены сдвинулась, померк свет и появился экран, на котором ожили изображения… чернота… огонь… мертвые мри, эдун в развалинах… эдун в огне, падающие фигуры… обнаженные лица людей, корабли над руинами… ландшафт Кесрита… и лицо человека во весь экран, молодое и знакомое всем…

— Нет, — сказал Дункан и Ньюн положил руку на его плечо. — Нет. Люди здесь совсем не причем.

— Регульцы, — громко сказал Ньюн, так чтобы слышала Мелеин, с лица которой сразу слетела маска бесстрастности.

— Откройте мне ваши машины, — потребовала она.

— Нет, — ответила мать эли. — Идите, воюйте из мертвых городов.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы уходить. Если нам придется воевать, то мы начнем отсюда.

Губы госпожи эли задрожали. Она встала и за ней поднялась вторая мать, и муж. Она обреченно взмахнула рукой. Эли открыли дальние двери и

Ньюн задохнулся от изумления: машины… такие, и не такие, как в Ан-Эхоне. Такие, потому что форма была та же, не такие, потому их не было видно из-за украшений.

— Идем, — сказала Мелеин тем сен, которые пришли с нею. Они одни прошли к машинам. Госпожа эли хотела последовать за ними.

— Нет, — решительно сказал Ньюн. Кел моментально перестроились, отделив госпожу эли и всех остальных от дверей в машинный зал.

— Они убьют вас! — крикнула Аботаи. — Наши машины не говорят на халари. Мелеин повернулась: маленькая белая фигурка на фоне громадных сложных конструкций.

— Да? Тогда напомни мне о том, что я забыла, мать эли: о том, что эли хорошо умеют лгать. Наступила пауза.

— Отпустите ее, — сказала Мелеин. — Можете войти все. Ньюн после секундного колебания подал знак кел и пошел вместе с Дунканом, Нлилом и Рас в машинный зал. Остальные остались охранять его. Мелеин вошла в белый круг и тут же вспыхнул свет, заливший ее белым сиянием. Сердце Ньюна тревожно забилось, когда пророкотал голос машины. Мелеин ответила ей и стала говорить:

— Михаэн! Пи-Эхон! Тосищан! — пульты начали светиться один за другим. — Аон! Тиамака! Као! — продолжала Мелеин.

«Города! — внезапно понял Ньюн и волосы зашевелились у него на голове. Она активизировала машины всех городов во всем мире — она вызывает защиту мира!» И когда все пульты вспыхнули и машины с урчанием заработали, Мелеин резко повернулась и с торжеством крикнула Аботаи:

— А теперь скажи мне, мать эли, что я здесь чужая, что мне нужно уйти, что все это не мое! Возьми машины у меня, Эли!

Аботаи шагнула вперед, но остановилась на границе белого круга. Белое лицо, белые волосы, белый металл мантии… «белый круг».

— Машины, — продолжала Мелеин, раскинув руки, — выполняют то, что я говорю им, как это и должно быть. Они помнят все то, что заложили в них мои предки. Они знают Тайны тех, кто ушел когда-то. И они говорят на халари, госпожа эли.

— Элет! — воскликнула Аботаи.

— Я здесь, — ответила одна из машин и ответила на халари. Это сразило Аботаи.

— Дункан! — позвала Мелеин.

— Я здесь, — отозвался Дункан. В наступившей

тишине слышалось только урчание машин.

— Сов-кела, — прошептал Ньюн, встретив взгляд Дункана, и кивком головы указал на круг, куда звала его Мелеин. — Оставь дуса, сов-кела. Дункан вошел в круг, приказав дусу остаться.

— Это тот, кто ждет у наших ворот? — спросила машина. — АН-ЭХОН ПОМНИТ!

— Кел Дункан, — сказала Мелеин. — Ты мой?

— Да, госпожа.

— Отсюда можно связаться с людьми. Они придут сюда по твоей просьбе? Мне нужен корабль.

— Чтобы захватить его?

— Это ты сделаешь для меня. Тишина. Пятеро кел ощущали все, что происходит в душе Дункана. Наконец он кивнул. Мелеин что-то включила на ближайшем пульте.

— Тебе нужно только говорить, — сказала она. — Ан-Эхон, включи передачу.

— ВКЛЮЧЕНА. Наступила глубокая тишина.

— Сюр-Так Стэн Дункан. Код Феникс. Любому кораблю людей. Пожалуйста, ответьте. Он говорил на языке людей. Ньюн понял и Мелеин тоже. Остальные были в замешательстве, и кел, и эли. Дважды Дункан повторил вызов.

— Здесь «Флауэр». Дункан, мы слышим тебя. Где ты? И тут же другой голос, женский:

— Дункан, это Боаз. Где ты? Дункан взглянул на Мелеин. Она кивнула.

— Челнок один, это «Флауэр», — послышался мужской голос. — Боаз, не давайте своих координат. Молчите. Вы можете вызвать на себя огонь.

— Дункан, скажи, что это не так.

— Это Дункан. Города не будут стрелять, если вы их не спровоцируете. Я могу дать свое местонахождение. Боаз, челнок вне корабля?

— У нас их два. Галей на планете. Ты знаешь его, Стэн. Мы придем, если ты позволишь. Без стрельбы. Где ты?

Снова «Флауэр»:

— Какие гарантии безопасности? Дункан, ты говоришь под принуждением?

— Ты — Эмиль Луиз. Если бы я был под принуждением, я сказал бы тебе всю правду? Боаз, от развалин вблизи лагеря «Флауэра» на юго-восток к холмам. Увидите колонны. Там город среди камней. Ты знаешь его?

— Мы найдем. Мы придем. Терпение, Дункан.

— Понял, Боаз. Не бойся. Но приходи ты.

— Стоп, — сказала Мелеин.

— ПЕРЕДАЧА ОКОНЧЕНА.

— Чужие! — прошипела Аботаи. — Вы говорите с чужими. Дункан сдвинул вуаль в сторону и

взглянул на Мелеин.

— Еще что-нибудь, госпожа?

— Когда они придут?

— Ай, — сказал Дункан.

Кто-то коснулся плеча Ньюна: Нлил. Ньюн ощущал их всех: Рас, Риан, Таз… Только не было Дункана, хотя он уже вышел из круга и встал рядом с ним.

— Одень вуаль, сов-кела. Дункан подчинился и вместе с дусом отошел в сторону.

* * *

Они живы… пока. Наконец Галей сделал большой глоток воздуха, наклонился, совсем не думая о пище, которую они делили.

Глоток воды — вот все, что он принял и снова опустил руки на колени, склонив голову. Колени его болели, в висках стучало. Он потер постоянно слезящиеся глаза.

Город мри мертв… теперь следующий.

— Сэр, — послышался голос Кэдарина. Галей поднял голову, встал. За ним с трудом поднялись остальные. Корабль. Галей смотрел на него с ужасом. Скрыться в этой песчаной пустыне негде. И корабль снижался. Их корабль. Галей смотрел на него, но беспокойство его не проходило. Корабль

прилетел за ними.

* * *

— Предательство, — прошипела Нань и ноздри ее побелели.

Сут сидел спокойно. Сердца его бились не синхронно. Он смотрел на экраны, где двигались точки: «Сантьяго» и челноки.

— Бай! — взмолился Моркхуг.

Сут развернул тележку. Его служитель скорчился в углу, стараясь быть невидимым. Сут подумал, глядя на своих помощников, ожидавших решения… ткнул кнопку на пульте.

— Бая Коха, — сказал он и начал успокаивать свое дыхание. На экране появилось лицо человека: коротко подстриженные седые волосы, морщины…

Кох…

— Бай Сут?

— Вы производите операции без консультаций, бай.

— Не операции, маневры. У вас есть наблюдатели на планете, и у нас. Мы перемещаемся для улучшения условий приема их передач. Мы удивлены, бай Сут. У вас нет никакого повода для возмущения.

— Что выделаете, бай?

— Корректируем положение кораблей.

— Что делает ваша миссия на планете?

— А ваша?

— У нас нет связи. Они выполняют данные им ранее инструкции. И ничего сверх того.

— Наша тоже, бай Сут. Сут с шумом выдохнул. Сердца его снова стали биться асинхронно.

— Мы требуем срочной консультации…

— Пожалуйста, ждем вас у себя.

— Кроме того, нам нужна связь с нашей миссией. Лицо Коха ничего не выражало.

— Мы советуем быть подальше от Кутата. Мы не хотим, чтобы вы подвергались опасности. Мы серьезно возражаем против приближения к планете.

— Мы пошлем челнок к вам.

— Я сказал, что мы ждем вас.

— Бай Кох, я хочу, чтобы вся информация поступала и к нам.

— Согласен.

— До встречи. Сут выдохнул воздух.

— Они хотят видеть меня у себя.

— Бай… — тревожно сказал Тьяг.

— Обезопасьте корабль, — сказал Сут. И затем: — Оставьте миссию на планете, обезопасьте

корабль. «Сабер»… здесь…

* * *

— Хватит, — в ужасе сказал Мелек. Магд без конца прокручивал пленку с инструкциями на магнитофоне. Наступила тишина. Лишь какие-то ночные животные царапались в пластиковый купол биодома, привлеченные теплом и влагой.

Они остались одни, старшие. Своих двух младших помощников они убили — экономия. Страх постоянно возбуждал в них голод. Магд все время с опасением поглядывал на Мелека. Ведь он, Магд, был следующим, если младшему из них придется умереть. Мелек был старшим.

— Есть выход, — сказал Мелек.

— Слушаю, — ответил Магд, и живот у него сжался. Они уже давно уменьшили свои рационы, предпочитая умирать медленно, в надежде прожить подольше. Кожа у Магд шелушилась, суставы побелели. Магд жил в постоянном страхе и кошмаре: голод, страх, что Сут убьет его, если он покинет свой пост, страх смерти от руки Мелека. Но Магд хотел жить, он цеплялся за жизнь.

— Нам приказано, — продолжал Мелек, — наблюдать и найти этого Дункана. Мы должны найти и убить его — вот наш выход. Слушай,

младший, слушай. Когда мы прикончим его, мы вернемся на корабль и Старейший сделает нас фаворитами, накормит из своей чашки. Нас обоих. Если мы сделаем для него это, если мы покончим с Дунканом. Сердца Магда бились вразнобой. Во рту пересохло. Магд чувствовал ловушку, но у него не было уже сил сопротивляться.

— Там, — сказал Мелек, указывая на холмы. — Там. Нам нужно подготовиться и разработать подробный план. Ты сделаешь это, младший.

— Да. Это согласовывалось со всеми инструкциями.

17

Было время сна. Может быть, кто-нибудь и спал в городе эли, но не те, кто находился в холле госпожи эли. Не спали и те, кто находился во дворе. Ньюн сидел у ног Мелеин. Его дус и его товарищи были рядом. Остальные кел по двое и по трое ходили по двору, удивлялись роскоши и богатству. Никто не нападал на них. Никто не вызывал на поединок. Ничья кровь не проливалась и кел чувствовали себя спокойно в этом городе.

— Ты должна созвать их, — сказала Аботаи о кел, слоняющихся по двору. — Они не должны нанести ущерб Элету.

— Они не нанесут, — спокойно сказала Мелеин и жестом остановила протест сен и кел. — Мы должны были придти сюда и мы пришли.

— Понимаю, — губы Аботаи дрожали. Она сжимала руку мужа, сидевшего рядом. — Я говорю не о народе эли, госпожа, я говорю о драгоценностях.

— О чем? Аботаи жестом показала вокруг, на холл, украшенный статуями, изображениями зверей, цветов, когда-то существовавших на Ку-

тате, а теперь давно исчезнувших, забытых.

— Это вечные произведения искусства всего Кутата, нетленная красота… Смотри, госпожа, мри… — Аботаи вытащила из мантии одно из украшений и протянула его Мелеин. Это оказалось булавка. Ньюн перехватил ее и стал рассматривать. Каменный цветок, сделанный с таким искусством, что даже жилки просвечивали сквозь камень, а на одном из лепестков висела капля воды. Ньюн передал цветок Мелеин.

— Очень красиво, — сказала она и вернула булавку Аботаи через Ньюна. — Как живой. Но на что он мне?

— Это жизнь эли, — сказала Аботаи. — Скульптор всю жизнь делал этот цветок. И все, что ты видишь здесь, даже плиты пола — произведения искусства. Элет — кладовая произведений искусства со всего Кутата, собранных за миллионы лет.

— Но зачем все это?

— Мы спасаем прошлое.

— Для кого? — прошептала Мелеин. — Солнце Кутата угасает, последнее море иссякает, песок погребает мир. Для кого, мать эли?

— Для Мрака. Когда Мрак придет… весь мир исчезнет… эти вещи останутся. Она всегда будет

здесь. После нас!

— Но для кого? К чему все это, когда не останется даже ящерицы, чтобы пробежать по драгоценной мозаичной плитке?

— Камни останутся всегда.

— Ветер разъест их. Песок засыплет.

— Они переживут любой ветер.

— Зачем?

— Они будут всегда. Среди кел послышалось перешептывание.

— Неужели такой конец всех цивилизаций и рас? — спросила Мелеин. — Неужели они существуют только для того, чтобы оставить после себя несколько камней, чтобы сказать Мраку, что мы были здесь? Оставь свои святыни себе, госпожа эли, нам они не нужны.

— А что оставляете вы? — Аботаи указала на Дункана. — Это и этих зверей? Чужих, которые придут сюда и разграбят все это, или уничтожат?

— Дункан, — спокойно ответила Мелеин — ближе к Кутату, чем ты и твои дети, или все эти побрякушки, которые ты хранишь, чтобы позабавить Мрак. Ты показала мне каменный цветок — жизнь эли… Дункан, кел, тень у моей двери, иди сюда. Подойди ко мне.

«Нет! — мысленно взмолился Ньюн. — Дункан

и так много перенес». Но Дункан встал, подошел к Мелеин, сел у ее ног. Дус устроился рядышком. Мелеин положила руку на плечо Дункану и он склонил голову.

— Он представляет собой гораздо большую ценность, чем все твои важные вещи, — сказала Мелеин.

— Чудовищно!

— Есть те, кто строит и те, кто движется, мать эли. И в Большом Мраке от тех, кто строит, остаются только камни. Мы вышли во Мрак, чтобы найти путь для всех. Раньше были очень медленные корабли, во время полета на которых сменялись поколения. Это был не выход… Но корабли людей… Они могу перепрыгнуть через Мрак в одно мгновение — может быть, останутся глаза, которые увидят твои прекрасные вещи, камни, разнесут их по всей вселенной, чтобы все разумные существа восхитились их красотой и искусством рук, сделавших их.

— Нет! — прошипела Аботаи.

— Тогда закрой глаза, мать эли. Иначе тебе придется увидеть то, что тебе не понравится. Больше мы не служим тебе. Но самое главное — корабль. Ты понял меня, Дункан? Дункан поднял глаза. Край его вуали намок, в глазах стояли слезы.

— Да, — ответил он. Мелеин наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Наш Дункан, — прошептала она. — Если люди придут, я дарю их жизнь тебе. Что хочешь, то и делай. Мне от тебя не нужно больше того, что нужно Народу. Но ты и не сделаешь меньше этого.

— Госпожа, — с признательностью прошептал Дункан. Время шло. Один из эли принес пищу и предложил мри. Но они здесь были не гости, и поэтому ничего не взяли. Эли же ели и пили. Те из мри, которые очень уж проголодались, ели свою пищу и гордо отказывались даже от чашки воды. Закон запрещал. И внезапно раздался голос машины, предупреждающий о движении в небе Кутата. Мелеин и кел вскочили.

— Останьтесь здесь, — приказала Мелеин и в сопровождении сен пошла к машинам. Эли испуганно зашептались.

— Они идут, — сказал Ньюн, слышавший разговор Мелеин с машиной. Он коснулся рукава Дункана. — Сов-кела… На душе Дункана стало вдруг легко и спокойно.

— Мы должны выйти отсюда, — сказал он. — Не нужно, чтобы люди видели эли. Не знаю, что может произойти. Я должен выйти отсюда.

— Да, — согласился Ньюн.

— И ты, если сможешь.

— Я буду просить об этом, — сказал Ньюн. К ним подошли встревоженные Таз и Риан. Риан молча встал возле них. Появилась Рас.

— С тобой все нормально? — спросила она, тронув Дункана за рукав. Тот молча кивнул.

«Странно, — подумал Ньюн, — между этими двумя существами существует какое-то сродство». Подошел и Нлил, который очень но любил ци-мри, но его неприязнь по отношению к Дункану уменьшилась.

«И на Кесрите, — вспомнил Ньюн, — и кел, и дусы сидели вместе, когда возникала опасность. И никто не удивлялся этому».

В душах кел звучала песня дусов, медленная, спокойная. А затем тревога, отдаленная, где-то в небесах…

— Дикий дус, — прошептал Дункан. — Предупреждает нас. Нам нужно идти.

— Не всем, — заметил Ньюн. — Я хочу чтобы несколько дусов для защиты остались здесь. Он поднялся, подошел к входу в машинный зал и остановился в дверях, глядя туда, и ожидая, когда Мелеин обратит на него внимание.

— Я все предоставлю вам, — сказала Мелеин,

повернувшись к нему. — Тебе и Дункану.

* * *

Эли смотрели, как кел проходили через холлы. Кел не обращали на них внимания. В их руках не было оружия. Дункан на ходу бросил только один взгляд на бледные лица. Светло-голубые глаза смотрели на него со страхом и мольбой. Они беспокоились не за свои жизни, а за собранные ими сокровища… Эли боязливо жались к стенам, когда мимо проходили кел. И когда выход был уже рядом, толпа эли в украшенных драгоценностями мантиях преградила им путь. Эли не собирались сражаться. Они только показали потайной выход, надежно скрытый среди каменных изваяний.

— Эли очень дрожат за свои стеклянные стены, — презрительно сказал одноглазый Десаи, когда они вышли во тьму ночи. Кел вздохнули с облегчением. Им было не по себе среди стен, запертых дверей, границ, барьеров… Им доставило большое удовольствие войти в город эли через разбитое стекло стены, куда теперь проникал ветер планеты. Юмор мри. Горький юмор. Начинался рассвет. Удобное место для встречи. Удобное время. Широкая песчаная равнина между городом и колоннами. Дункан пошел дальше,

а Ньюн с остальными остались позади. В песке извивалась, шипела, ползала жизнь Кутата. Но дусы надежно охраняли Дункана. Наконец он остановился и стал ждать. Подошел Ньюн и встал так, чтобы закрыть Дункана от ветра. Приблизился и Десаи, и все остальные кел, сопровождавшие их. Все они создали заслон ветру. Они заботились о Дункане, как о ребенке. Ведь он очень плохо переносил холод планеты.

На северной стороне неба вспыхнули две яркие точки…

* * *

— Челнок на борту, первый шлюз, — доложил дежурный.

Кох отметил это донесение и поморщился. Его больше интересовали данные с «Сантьяго», который висел низко над Кутатом, на критическом расстоянии от поверхности. Регульцы на борту были сейчас не ко времени. Но они были здесь и их надо принимать. С минуты на минуту должен подойти Эверсон. Он подготовил информацию которая должна была удовлетворить любопытство регульцев и успокоить их. Дегас тщательно просмотрел все материалы во избежание недоразумений. Работа спешная и ответственная.

Она должна была быть выполнена до появления регульцев. Кох набрал код Дегаса. Внезапно вспыхнул сигнал тревоги.

— Сэр, повреждение в первом причальном шлюзе. Кох ударил по кнопке ответа, не обращая внимания на мигание остальных огней

— Челнок регульцев? Что он?

— Да, сэр. Мы не знаем подробностей. Шлюз полностью разрушен. Причины не определены. Бригада ремонтников и медики уже там. Секция разгерметизирована.

— Сэр, — раздался голос Захади. — «Шируг» движется сюда. Внезапный страх овладел Кохом.

«Стрелять!» — советовал ему инстинкт, но осторожность взяла верх.

— Свяжитесь с ним, — сказал он. — Потребуйте, чтобы он держался подальше. Скажите, что мы сделаем все, чтобы спасти челнок. Время шло. Дегас соединился о Кохом.

— Прими командование кораблем, — приказал последний и снова отключил связь. Глаза его не отрывались от экрана, на котором он видел, как сближаются две тени. А перед большим пятном — «Шируг» — плясала маленькая точка — челнок. Сближение все продолжалось.

— Бай, — внезапно раздался голос регульца. — Я

молодой регул Раф. Что случилось с челноком?

— Остановите «Шируг»! Остановите сейчас же! Мы еще не знаем, что случилось. Мы не разрешаем приблизиться к нам. Остановитесь, или же мы будем действовать.

— Кто-нибудь погиб, бай Кох?

Кох бросил взгляд на экран, нажал кнопку вызова «Сантьяго».

— Мы еще ничего не знаем! Кто командует на «Шируге»? Бай Сут на челноке? Тишина.

Регульцы уже совсем близко. Если челнок войдет в критическую область… поздно… если корабль войдет… нужно будет или стрелять, или разрешать дальнейшее сближение. Челнок сопровождающий корабль, был уже внутри критической области. Мир или Война. Все зависит от слова! От действия!

— Сэр… — это Дегас прорвался по красному каналу. — Сэр…

— Отводи наш корабль! — крикнул Кох Захади. — Включи защитное поле! Они пошли на маневр без предупреждения. Огонь ударил из дюз.

— Мы не можем включить полную защиту! — сказал Захади. — Авария в первом шлюзе…

Весь корпус «Сабера» содрогался. Экраны и огни

на пультах бешено мигали. Челнок регульцев был совсем близко от корабля.

— Огонь по челноку! — приказал Кох. — Огонь! Стрелки всех приборов вздрогнули. Корабль содрогнулся, как от сильного удара кулаком.

— Столкновение! — послышался голос из репродуктора. — Повреждение на командном пункте!

— Герметизировать командный пункт! — крикнул Кох в микрофон. И в изнеможении опустил голову на стол. Экран погас. Внезапно перегрузка навалилась на него невыносимой тяжестью, красный цвет перешел в белый.

Они были мертвы — Кох еще успел осознать это.

* * *

Один за другим приземлились корабли. Кел смотрели на них, не проявляя никаких эмоций… первый раз они так близко видели ци-мри, которые разрушили Ан-Эхон и убили многих мри. Два корабля. Они ждали один.

— Позволь мне пойти одному, — сказал Дункан, откликаясь на легкое пожатие Ньюна.

— Мы решим это, когда увидим их, сов-кела, — ответил тот. Открылся люк первого корабля. Из него вышли люди с черными повязками на рука-

вах голубых комбинезонов. Странное сочетание в глазах мри. Последней вышла женщина, с золотым шарфом на рукаве.

— Ай, — пробормотали кел. Ни один из них не вызвал бы сен на ссору.

— Это Боаз, — сказал Дункан. — Второй сен. Я знаю ее. Он приказал дусу остаться и вышел вперед. В открытом люке корабля стоял еще один мужчина. Дункан не знал его. Из всех прибывших он был знаком только с Боаз и мужчиной возле нее. Его рыжие волосы он узнал сразу.

— Боаз, — сказал он, подойдя к ним. — Галей…

— Дункан, — сказала Боаз, скинув маску. — Состоится ли встреча, ради которой мы прибыли сюда?

— Идем со мной. Зови их всех.

— Мы оставим часовых возле кораблей, — сказал Галей.

— Нет, — мягко произнес Дункан. — Не оставите. И не запирайте люки.

— Сделайте так, — быстро сказала Боаз Галею.

— Боаз…

— Здесь нельзя поступать по правилам людей, — сказал Дункан. — Может тебе удастся поговорить с госпожой. Я сделаю, что смогу, чтобы помочь тебе в этом. Но твое несогласие в

данном вопросе уменьшит твои шансы. Идем. Не задерживайся здесь.

— Можно им верить? — спросил Галей.

— Можно. Если сможешь объяснить им свои намерения. Я и сам мри, поверь. Игра мри — шонай: бросай и лови. Нельзя играть в игру рукой, сжатой в кулак. И никогда не запирай дверей от мри: иначе они не будут иметь дела с тобой. Это очень важно понять. Идем, идем со мной.

— Разве не для этого мы пришли сюда? — спросила Боаз Галея. — Ведь до сих пор у нас были еще более худшие шансы с меньшей уверенностью в успехе. Галей, подумав, кивнул:

— Пистолеты отдать вам?

— Нет. Идемте. Держите руки подальше от оружия. И если вы знаете какие-либо имена мри… не используйте их.

— Ньюн здесь? — спросила Боаз. — И госпожа?

— Ньюн здесь, но он постарался забыть все. Ньюн вовсе не испытывает чувства благодарности к людям за помощь. Тем более, что не все сделанное людьми было помощью. Боаз, ты сама знаешь, что сделали люди. Так что на благодарность не рассчитывай. Идем.

— Гаррис! — крикнул Галей. — Выходи и не запирай люк! После некоторых колебаний чело-

век спустился на землю, оставив люк открытым. Дункан повел их по песчаной равнине к темной линии кел. Кел не проявляли ни радости, ни враждебности. Свои руки они держали на виду.

— Это Ньюн Интель, — сказал Дункан Боаз. — Предводитель кел племени яном и госпожи Мелеин. Город принадлежит эли, но вы не должны общаться с ними. Предводитель понимает язык людей, но не думаю что он будет говорить с вами. Достаточно того, что он пришел встречать вас.

— Передай ему и госпоже благодарность за любезность, — сказала Боаз. Ньюн наклонил голову и в этот момент один из кел вышел из ряда и направился к кораблю.

— Эй! — крикнул Галей и оба его подчиненных потянулись к пистолетам.

— Нет! — резко сказал Дункан и прежде чем Галей успел что-либо сказать, добавил: — Вам придется расстаться с ними Галей. Смирись с этим. Ты можешь вызвать мри на дуэль за обладание кораблем. Это твое право. Или же можешь уйти в пустыню, но я сомневаюсь, что со своим снаряжением, кроме как на одежду и оружие. Если у тебя есть разум, то ты пойдешь со мной и будешь говорить. Галей взглянул на Боаз, которая

коротко кивнула ему. Галей дал сигнал своим товарищам не сопротивляться.

— Корабли, — сказал Дункан на халари, — не принадлежат отдельным людям. Они принадлежат обществу людей. Поэтому Галей чувствует себя оскорбленным. Но их послали для переговоров и они готовы идти в город.

— Это перевод? — сухо спросил Ньюн, который прекрасно понимал каждое слово. — Если да, то они очень уступчивы.

— Я знаю этих двоих, — сказал Дункан. — Боаз и Галей. И они знают тебя. Они чувствуют необходимость переговоров. Глаза Ньюна сверкнули. Возможно, он вспомнил Кесрит.

— А остальные?

— Если Галей выбрал их, значит они ему подходят. К тому же здесь и Боаз. У мри нет лучших друзей, чем Галей и Боаз.

— Хорошо, — сказал Ньюн на языке людей, взглянув на них. — Идемте. Мы просим. Боаз почтительно опустила глаза и жестом пригласила остальных идти с мри. Наконец они подошли к городу, к открытым дверям. Дункан остановился, Ньюн тоже, очень встревоженный. Кел тоже остановились, хотя скорее из любопытства так как они ничего не ощущали.

— Что случилось? — спросила Боаз.

— Ньюн, — проговорил Дункан с тревогой. — Кто-то чужой видит нас.

— Штучки ци-мри, — сказал Ньюн.

— Что это? — громко спросила Боаз и остановилась. В восточном секторе неба уже можно было рассмотреть две точки.

— Регульцы! — выдохнул Дункан, одновременно с Галеем. — О, боги! Они тоже на планете!

— Дункан! Корабли! Корабли!

— Быстрее! — крикнул Ньюн и подтолкнул Галея по направлению к челнокам. Галей побежал, не задавая вопросов. За ним побежали его люди.

— Десаи! — крикнул Ньюн. — Беги! Скажи, чтобы кел впустили людей в корабли.

Дункан смотрел, как люди с ужасной медлительностью приближались к кораблям. Чужие корабли были уже близко. Десаи добежал до кораблей раньше людей и затем Галей вскочил в кабину одного из челноков, а человек — в другой челнок. Люки закрылись. Кел бросились в стороны. Включились двигатели. Клубы пыли окутали корабли, но через мгновение они уже вырвались из пыльного облака в ширь неба. Один челнок сразу устремился навстречу вражеским кораблям, второй взмыл вверх и исчез из виду.

— Он полетел за помощью! — крикнула Боаз. — Дункан, это не наши корабли! Скажи им!

— Это правда? — спросил Ньюн.

— Боаз можно верить, — ответил Дункан. Ньюн резко повернулся и приказал:

— Быстро! В город! Они побежали. Боаз задыхалась под маской. Дункан подхватил ее под руку и поволок. Мерин схватил ее с другой стороны. Так они ворвались в город и побежали по коридорам. Побежали мимо перепуганных эли. Жуткая тревога охватила Дункана. Дусы предвещали нечто ужасное. Он чувствовал, что у мри слишком много врагов и слишком мало времени. Катастрофа неотвратимо приближалась. И вдруг странный взрыв. Холл взорвался осколками стекла и камня. Удар нанесен.

— Бежим! — крикнул Ньюн. Они бросились через дым, мимо окровавленных тел эли, так как Мелеин и остальные кел находились в самом центре города.

* * *

— Госпожа! — воскликнул Риан, но Мелеин стояла в центре круга и не отрываясь смотрела на экраны…

— Госпожа, — сказал голос машины Элета. —

Госпожа, ты здесь?

— …«под огнем»…

Они еле расслышали эти слова среди грохота взрывов, звона стекла.

— Повтори.

— Это регульцы, — повторила машина. — Ты понимаешь? Военные корабли регульцев. Вдруг из одного громкоговорителя раздался голос:

— Здесь Гаррис. Я преследую корабль. Галей полетел за… Голос оборвался.

— Гаррис! Гаррис! — раздался чей-то другой голос. Экран погас, снова взрывы.

— Элет, огонь! — скомандовала Мелеин.

— Стреляют регульцы, — продолжал голос человека. — Корабль на орбите. Если сможете… их… Снова молчание. Мелеин огляделась. Испуганные лица, разбитые стекла, рухнувшие колонны и скульптуры.

— Ответный огонь, — сказала она машине. — Все города! Огонь по любому кораблю, который стреляет но городам! Надежды больше не было. Мелеин понимала, что все города погибнут.

— Мишени находятся вне зоны обстрела — бесстрастно доложила машина.

— Это все ты! — закричала Аботаи, не входя в круг. — Выключи нас! Выключи нас из системы!

Элет гораздо ценнее любого из ваших городов. Отключи энергию из Элета, чтобы враги не могли засечь нас!

— Странно, — сказала Мелеин. — Тебе выпала честь встать в ряды воинов последнего века, а ты стараешься уклониться от этой чести.

— «Элет!» — крикнула Аботаи и бросилась в круг на Мелеин. Мелеин отскочила в сторону, с удивлением заметив вспышку огня в руке Аботаи. Кел Мада прыгнул вперед, приняв своим телом огненный удар, а Аботаи распростерлась на полу со сломанной шеей.

Среди эли началась настоящая паника… Одни разбежались, другие вооружились осколками стекла. Кел мгновенно выстроили стену из обнаженных мечей: Нлил, Рас, Диас… Дусы были тут же. Смерть тех эли, которые были убиты дусами, была менее мучительной, чем смерть остальных. Одна секция стены рухнула. «Мертвый город». Под обломками погибли вторая мать и первый муж.

— Приближаются мишени, — заговорила машина. — Экранироваться или стрелять.

— Экранироваться, — мгновенно решила Мелеин. Она, носящая белую мантию была вынуждена убить. Оказалось, что она была ранена при этом.

Кровь стекала по руке.

Она подняла глаза. Появился Ньюн, Дункан… и рядом с ними странная маленькая женщина. Мелеин смотрела на нее, а вокруг раздавались взрывы, сыпались осколки камня и стекла. Мелеин стояла спокойно и с достоинством.

— Ваш корабль под огнем, — сказала Мелеин женщине с повязкой сен — золотым шарфом. — Я говорила с вашим предводителем сен. Он обвиняет регульцев. Два корабля улетели отсюда. Я позволила, но один уничтожен.

— Мы держим путь открытым, — сказал Ньюн, подойдя к ней и взяв ее здоровую руку. — Идем. Пожалуйста, нужно уйти отсюда, пока еще есть время.

Она колебалась. Разум подсказывал ей что Ньюн прав, но если видение ее не обманывает… Она думала.

— Идем, — умолял Ньюн. — Если этот город можно спасти, люди спасут его. А мы не сможем.

— Сможем, — настаивала она, понимая, что не права. Мелеин повернулась к машине:

— Элет, где враг? Покажи мне его. Экраны ожили. Она увидела планету и над ней светящуюся точку, прерывисто вспыхивающую: вторую точку, равномерно светящуюся: и третью, едва

различимую.

— Огонь по кораблям, стреляющим по городам.

— Они сейчас над Леа-Хаэтом. Приоритет Леа-Хаэта. Защита или огонь?

— Огонь, — упрямо сказала Мелеин. Она смотрела на экраны, на приближающегося врага. На пультах стали вспыхивать лампы.

* * *

На одно мгновение исчезло все. Остались только тьма и звезды. Галей старался расстегнуть ремни крепления шлема — это была сложная задача в темной каюте челнока. Он не отрывал глаз от экрана. Шибо сидел рядом с ним и тоже снимал шлем.

На экране что-то зловеще темнело. Судя по размерам, это был «Сантьяго».

— Где же «Сабер»? — спросил Кэдарин. — Почему он ничего не предпринимает? Ведь он не должен был допустить сюда регульцев. Галей освободил руки, нажал кнопку вызова. Компьютер связи сигнала не подал.

— Связи нет, — сказал Галей. — И мы ничем помочь не можем. Наши средства защиты слишком мизерны.

Сейчас уже было точно видно, что это «Сантьяго». Черный металл обшивки тускло светился в лучах солнца. Громадный корабль беспомощно кружился на орбите вокруг Кутата.

— Мертв, — прошептал Шибо. — О, боги, мы остались одни: ни «Сабера», ни «Сантьяго».

— Зато здесь наши союзники регульцы, — холодно и зло сказал Кэдарин. — Могу поклясться, что они кружат где-то рядом и превращают планету в обломки. «Флауэр»... «Флауэр» — это единственное, что осталось у нас.

— Что будем делать, сэр? — спросил Шибо. — Снова спускаться? Галей часто дышал, стараясь справиться с приступом тошноты.

— Если регульцы стреляют по планете, значит «Шируг» спустился на небольшую высоту... — он с трудом поднял руку и взялся за рычаги управления. Челнок медленно подплывал под огромное днище «Сантьяго». Несколько мгновений — и их скорости уравнялись, они вошли в контакт.

— Мы проникнем на корабль, — прошептал Шибо. — И что? Галей поднялся, протянул руку к люку.

— Я хочу посмотреть, можно ли запустить К-систему.

— И что, если запустишь ее?

— Направлю корабль на «Шируг». Ни Шибо, ни Кэдарин не могли оспаривать решение командира, хотя они были явно не согласны с ним. Но им приходилось только подчиниться.

Вскоре из-за горизонта должен был появиться «Шируг».

Галей всегда страдал акрофобией. Он выбрался из люка, включил ранцевый двигатель и подплыл к «Сантьяго». Открывать люк на корабле не было необходимости. Пробоина в обшивке обеспечивала доступ в корабль. Большие корабли не были предназначены для посадки на планеты и поэтому их обшивка не была такой прочной, как у челноков.

Чернота внутри корабля была абсолютной. Луч света выхватывал из тьмы картины разрушения, катастрофы… но не было тел… и не было атмосферы… и не было энергии… мертвый металл и только.

Галей стал медленно продвигаться вперед, стараясь не задеть за рваные края обшивки. Луч освещал последствия ужасной катастрофы. Еще люк. Галей без труда открыл его. Воздух не рванулся к нему навстречу, вопреки ожиданиям. Здесь тоже было опустошение и разруха. Холод. Тьма, из которой на одной панели тускло светил-

ся — мерцал красный огонек.

— Что-то здесь еще живет, — передал он на челнок. — Индикатор Е-системы. Вероятно, мне удастся запустить ее. Когда корабль начнет движение, отцепляйтесь и спускайтесь на планету

Выслушав подтверждение приема, Галей начал работать. Липкий пот стекал по телу. Все происходящее казалось ему кошмаром. В голове шевелились предательские мысли — бросить все и спуститься на планету. Правда он не знал, цел «Флауэр», или нет. Может, все его действия уже не имеют смысла?

Когда-то он был пилотом «Сантьяго» и теперь это пригодилось. Только он смог бы запустить двигатель.

Думай о деле! — заставлял он себя. Нажатие кнопки — и вот на панели пульта замелькали огоньки. В мертвой тишине зарождалась жизнь.

Ждать — это было самым трудным. Галей смотрел на бегающие огоньки.

— Нужна помощь? — спросил голос — слабая ниточка, связывающая его с реальностью.

— Вы наведете меня на цель, а все остальное я сделаю сам. Пауза.

— Тебе ясно, Шибо?

— Ясно, сэр. И чуть позже:

— На экране корабль, сэр. Это «Шируг». Галей от всей души надеялся, что все внимание регульцев обращено на планету, что они не будут рассматривать мертвый корабль и не обнаружат челнок. Он, однако, не предполагал, что ждать так трудно.

Звезды мерцали на экране. И тут у него возникло странное ощущение: он не мог понять, где верх, где низ. И только взяв себя в руки, он сориентировался в пространстве, нашел направление на «Шируг».

Пора… вниз, вниз… как можно быстрее. Звезды на экране сдвинулись.

— Боги, — раздался голос Кэдарина. — Помогите нам! Галей включил резервные двигатели. Искалеченный корабль пошел в свой последний рейс.

— Приближаемся, — раздался шепот Кэдарина.

— Отчаливайте! — закричал Галей в микрофон. — Быстрее! Не теряйте ни секунды!

Из дюз вырвалось ослепительное пламя, белое солнце. Черная стена возникла на экране, закрыв собой звезды. «Шируг». Что-то швырнуло Галея назад. Тьма встала перед глазами.

* * *

— Быстрее! — крикнул Сут. «Шируг» делал маневр, чтобы уклониться от удара. Тошнота подступила к горлу Сута.

— Огонь не остановит их, — послышался голос молодого регульца. — Они не реагируют… Грохот. Столкновение. Хаос.

— Уйти с орбиты! — крикнул Сут. — Безмозглые! Уйдите с орбиты! Ответа не было. Во всем теле Сута вдруг появилась зловещая легкость. Молодой регулец пытался приблизиться к нему с противоположного конца кабины. Он отчаянно цеплялся за привернутую к полу мебель. Связи с командной рубкой не было.

— Проверь, в чем дело, — приказал Сут Нань. Раф наконец добрался до него, поправил подушки под спиной. Сут сидел спокойно, но сердце его отчаянно билось. Внезапно наступила тишина. Отключилась вентиляция. Свет стал понемногу меркнуть. Сут, как безумный, нажимал кнопки вызова, но принимал только шумы.

— Молодой! — заорал он, но Раф, согнувшись от страха, отбежал от него подальше, чтобы Сут не убил его. — Молодой! — Он продолжал жать кнопки до тех пор, пока не осознал, что никто ему

не ответит. Страх привел его в себя, но ему ужасно захотелось спать, замедлился пульс, снизилась активность мозга. У него было ощущение, что корабль снижается, но он не знал, истинно ли это ощущение или чувства обманывают его. Но он не хотел знать сейчас правду. Ведь этот спуск будет продолжаться долго, пока корабль будет терять запасенную энергию.

* * *

Все было погружено во тьму, кроме нескольких огней на пульте. Ньюн сидел, обхватив колени руками, в полутемном холле, который они удерживали ценою собственных жизней. Дункан был рядом. И дусы, и остальные кел — его товарищи из разных племен. Двери охранялись. Эли где-то вдруг раздобыли мужество, чтобы защищать себя, свои владения, свои сокровища. И у многих из них оказалось оружие, поражающее на расстоянии. Мелеин наконец отвернулась от машин, слабо махнула рукой. Молодой кел поспешно принес ей кресло и она уселась, наклонив голову и прижав к груди раненую руку. Она погрузилась в молчание, нарушить которое никто не посмел.

Женщина Боаз тоже была здесь… она сидела в углу, где до этого лежали мертвые эли… и мри…

Но трупы уже вынесли отсюда, так как госпожа не могла находиться там, где была смерть. На Боаз была накинута мантия одного из эли, которому она уже не была нужна. Боаз выглядела очень утомленной. Она была не молода, да и воздух на Кутате был слишком холоден и резок для нее.

Наступала ночь… Тьма окутала холл и коридоры, где суетились эли, убирая свои сокровища. Многие из них были вооружены оружием, поражающим на расстоянии. Правда, редкий из них владел искусством стрельбы.

— Наша честь не пострадает, — заявил Ньюн. — Если ци-мри стреляет в тебя, без колебаний стреляй в него. И стреляй лучше, чем он. Некоторое оружие эли перешло в руки кел, и теперь те усиленно тренировались. Снова послышались взрывы. Боаз закрыла руками лицо, затем снова подняла голову.

— Может, стоит вступить с ними в переговоры? Я могу попытаться.

— Ци-мри, — пробормотал Ньюн.

— Ци-мри, — подтвердила Боаз. — Неужели переговоры невозможны?

— Успокойся, Боаз, — сказал Дункан. — Не спорь.

— Я спрошу, что им надо. И добьюсь ответа. Я

хочу знать, почему сто двадцать восемь планет уже мертвы, и почему нужно, чтобы к ним прибавилась еще одна. Я хочу знать, почему? Вы воюете с регульцами, но убиваете и эли и нас. Почему? Ньюн нахмурился, но взял себя в руки.

— Я отвечу, — сказала Мелеин, удивив Ньюна. — Спроси меня, Боаз, о мертвых мирах.

— «Почему?» — без боязни спросила Боаз. — Почему? Неужели разумные существа могут делать такое. Ньюн хотел заговорить, но Мелеин подняла руку, призывая к молчанию.

— Ты была на Кесрите?

— Да, конечно.

— Что там случилось с мри?

— Регульцы… они напали на вас. И мы не могли ничем помочь.

— Почему они сделали это, хотя они сами никогда не воюют?

— Из страха.

— И мри должны были бежать? Боаз сидела неподвижно. Она думала.

— Регульцы не могли больше контролировать вас. Они боялись, что вы вступите в союз с людьми. Вы стали слишком опасны для них.

— Когда Народ служит кому-либо, — заговорила Мелеин, — он требует только одно — место, где

он мог бы жить один. А когда наше соглашение с регульцами было нарушено, мы отказались сочувствовать им. Мертвые миры, Боаз, это наши миры. Ты видела Кесрит. На Кесрите мы защищались, как могли. Мы должны были отказаться от службы регульцам еще на Нисрене но, к сожалению, этого не случилось. Думаю, что так произошло потому, что мы не могли освободить то, что является самым светлым для нас, представляет величайшую ценность. Нисрен стал мертвым. Кесрит — тоже. Кто сделал их мертвыми? Мы? Нет, вы убийцы миров. Вы погубили 128 миров и теперь пришли, чтобы погубить и этот.

Наступила тишина. Мало кто мог понять ее слова, сказанные на языке людей, но смысл поняли все и гневные глаза обратились на Боаз, на Дункана…

— Мы лишились экранов, — заговорила Мелеин теперь уже на халари. — Мы можем выдержать налет, так как мы надежно защищены камнями. Но я думаю о лагере, о кат и сен. Мы не можем послать туда никого, потому что блокированы эли, которые убьют каждого, кто выйдет.

— Позволь нам, — сказал Риан, — послать гонцов в наши племена, чтобы узнать, как они.

— Нет, — возразил Ньюн, поднимаясь. — Мы

пойдем все с оружием в руках. Мы будем защищать госпожу.

— Ай, — сказали кел. — Мы слышали, — встал Дункан, встали остальные. Боаз нерешительно поднялась тоже.

— Мы покидаем город, — перевел для нее Дункан.

— Наши корабли прилетят, — заговорила Боаз, переводя взгляд с Дункана на Мелеин. — Мы должны ждать здесь. Они помогут.

— Значит, нам нужно оставаться живыми к их появлению, — сказала Мелеин, оказав ей честь своим прикосновением. — Иди с нами, Боаз. Иди с нашими сен. Боаз открыла было рот, чтобы возразить, но промолчала, опустив голову. Перед уходом она закуталась в плащ, натянула дыхательную маску и подошла к сен, окружавшим Мелеин. Мечи с тихим шелестом выскользнули из ножен. Ньюн приготовил и меч и пистолет. Дункан и те, кто добыл оружие эли, тоже приготовились. Кел подошли к дверям, которые охраняли паты и патадим.

— Они собрались здесь, — сказал второй пата. — Спрятались за колоннами и камнями. Много убитых и раненых.

— Ай, — сказал Ньюн, выслушав доклад и оце-

нив обстановку.

— Мы идем с тобой, — сказал Риан. — Веди нас.

— Ай, — подтвердил Калис. Все остальные молча кивнули.

— Тогда вперед, — сказал Ньюн. Он пошел вперед и остальные за ним. Раздались выстрелы. Кто-то рядом с ним упал. Дус зарычал и бросился вперед, в темноту холла. Ньюн стал стрелять туда, где заметил вспышки. Рядом с ним тоже стреляли. Дункан. И его дус рычал. Он рвался вперед, скользя когтями по мраморному полу. Рухнула стеклянная стена. Эли стреляли из укрытия, но не выдержав, побежали. Кел ринулись за ними, но у следующих дверей их снова встретил огонь. Один из дусов зарычал от боли и бешено рванулся вперед. Безумие дуса передалось и остальным. Таз, подняв меч, врезался в гущу эли и зарубил нескольких из них до того, как сам рухнул на пол, сраженный пулей. Обезумевший дус Таза обрушился на эли, как буря. Ньюн побежал за ним. Он сунул в кобуру отказавший пистолет и прорубал себе путь мечом. В холле были двери, но кел не обращали на них внимания. Жажда мести овладел ими. Таз и многие другие кел мертвы и это сейчас определяло все. Яростная атака сломила эли. Они бежали, крича от ужаса, роняли оружие,

сбрасывая тяжелые мантии. Кел преследовали их, топча осколки стекла, разбрызгивая кровь.

— Стоп! — крикнул Ньюн, желая остановить это безумие. Дус Таза умирал. Он сам хотел этого, хотел умереть, последовав за своим избранником во Мрак.

Ньюн остановился. Он указал на проход, на ближайший пролом в стене. Вскоре они уже были среди ветра и песка. Дусы догнали их. Постепенно они перешли на шаг и пошли с обычной скоростью. Ньюн отступил в сторону, чтобы осмотреть колонну. Белая мантия Мелеин… Дункан… Кел… Боаз, которую несли два кел. Мантия эли на ней была забрызгана кровью, но не ее. Мантия Мелеин тоже была в крови. Они шли вперед, поднимаясь по склону, чтобы добраться до нагромождения камней, где можно было бы перевести дух. Дусы и те, кто был с ними связан, собрались вместе. Тревога висела в воздухе. Безумие все еще владело ими и вдруг все кончилось.

— Он мертв, — хрипло сказал Дункан. Рас, Нлил, Риан прижались крепче к своим дусам, боясь за них.

— Мьюк, — сказал Ньюн. — Безумие дуса. Оно чуть не увлекло нас всех во Мрак. О, Боги, Боги… В голове у него просветлело. Здравый смысл снова

овладел им. Он поднялся, подошел к Мелеин, опустился около нее на колени, боясь за ее рассудок. Но от нее исходило спокойствие. Она посмотрела на него ясными глазами, пожала его пальцы.

— Какие потери у нас? — спросила она.

— Кел Таз, его дус… — он обернулся к кел и услышал еще несколько имен.

Погибли Диас и Десаи… Ньюн прикусил губу, с горечью сознавая тяжесть потери. Убитые были и в других племенах. Лучшие из лучших навсегда ушли во Мрак.

— Мое благословение убитым, — сказала Мелеин. Она внезапно осунулась, усталость наложила тяжелую печать на ее лицо. Мелеин крепче прижала раненую руку к груди.

— Сейчас нам нужно выяснить, как дела в лагере.

— Лучше, чем здесь, — сказал голос, очень молодой, женский. Через ряды кел пробралась девушка, молодой кел без шрамов, без вуали. Девушка опустилась на колени перед Мелеин, склонив голову. Мелеин пальцем приподняла ее голову за подбородок и юные глаза с трепетом взглянули на госпожу.

— Ты.

— Кел Туас, Мать. Кел Серас послал нас, когда

начался обстрел. В лагерь не попала ни одна бомба. Мы пришли и, прячась за камнями, смотрели, чем мы можем помочь. Мой брат пошел в город. И я думаю…

— Он не дошел до нас, — сказала Мелеин.

— Я так и знала, — печально сказала девушка. — Я ждала, ждала. Могу я сообщить Серасу, что вы в безопасности, госпожа? Мелеин, взяв лицо девушки в руки, поцеловала ее.

— Ты можешь идти, кел?

— Да госпожа.

— Тогда беги. Девушка встала и бросилась бежать, но Ньюн схватил ее за руку, снял знак Чести со своей мантии и вложил в ее холодную ладонь. Теперь он вспомнил ее, юную, стройную, невинную, как Таз. Яном. Значит племя живет. Умирают опытные воины, закаленные в боях, но на смену приходят молодые, полные сил.

— Беги, — сказал он. — Жизнь и Честь, кел Туас.

— Сэр, — выдохнула она и змеино-гибким движением проскользнула сквозь ряды кел и исчезла. Она была не единственной. Молодые кел других племен, легкие и быстрые, как тени, побежали к лагерям своих племен.

А те, кто остался, немного успокоились, узнав

о том, что весь огонь обрушился на Элет, оставив нетронутыми их лагеря. Теперь кел занялись собой. Дункан перевязал рану Ньюну, Нлил трудился над раной Рас… не было никого, кто остался бы невредимым. У всех были раны, ожоги… И дусы печально завывали, зализывая свои раны. Но ни у кого из них не было смертельных ран. Боаз сидела среди них.

— С тобой все нормально? — спросил Дункан. Она качала головой, тяжело дыша, завернувшись в мантию эли. Драгоценные камни сверкали в свете звезд. И это была не единственная мантия на равнине.

— Смотрите, — сказал Риан, указывая на город, откуда выходила толпа эли. Бледные лица, белые гривы волос, сверкающие драгоценности на мантиях среди серых камней.

— Пусть идут, — сказал Кедрас, — если они совсем сошли с ума.

Но эли оставались вблизи города и многие из них были маленькими — дети. Ярость кел улеглась, напряжение спало. Они говорили между собой, но не об убийстве. Ньюн опустил голову на своего дуса и почувствовал его боль, боль ран всех кел. Ньюн постарался успокоить дуса прикосновением руки, успокоить и облегчить страдания.

— Они не придут, — сказал он Дункану. — Ни регульцы, ни люди. Я не знаю, сов-кела. Я думаю… — но что именно — отчаяние — он не мог сказать, ведь они были не одни. Ньюн взглянул на Боаз. — Она говорит, что люди придут, но она не может знать этого, — Ньюн и Дункан посмотрели на небо с надеждой и страхом. На западе в пески упала звезда.

— И все.

— Они придут, — сказала Мелеин и все кивнули, надеясь, что так и будет. Дункан, Риан и Рас опустились на песок подле своих дусов, ища тепла и покоя. Они снова ощущали друг друга и только не было среди них Таза Сошиля, юного и беззаботного.

— Ай — сказал кто-то. Наступал рассвет.

Громкое «Ай» послышалось с утеса, где находился часовой. Ньюн вскочил на ноги, за ним все кел, сен. Встала и Мелеин. Последней, с трудом, поднялась Боаз. Все глаза устремились в небо.

Там вспыхнул яркий свет, затем появилась точка… и невообразимый грохот.

— «Флауэр»! — выкрикнула Боаз. И хотя кел ничего не поняли, они увидели ее радость. Возбуждение охватило всех. И дусов. Эли тоже увидели свет в небе. Многие, которые проводили

ночь под открытым небом, бросились в город, другие побежали прятаться в камнях.

«Флауэр» снижался. Он выпустил длинные суставчатые опоры и стал походить на гигантское насекомое. Дусы при виде его попятились и тревожно завыли. Но вот грохот смолк, песчаная пыль улеглась. Открылся люк и из него выехала лестница. Ожидание.

— Пустите меня к ним, — сказала Боаз. Пауза.

— Если мы скажем «иди», — наконец заговорила Мелеин, — ты войдешь в корабль и он улетит. В каком положении окажемся мы, Боаз? Без корабля, без машин… Люди должны понять это.

— Вы хотите сделку? Снова пауза, еле более долгая. Ньюн прикусил губу так, что ощутил привкус крови. Жар охватил его. Впервые мри оказывались в таком положении.

— Нет, — наконец сказала Мелеин. — Иди. Иди и пришли сюда своего кел, который примет вызов и будет драться за корабль.

— Мы так вопросов не решаем, — запротестовала Боаз.

— Тогда, — Мелеин сложила руки на груди. — Иди и делай, что сможешь. Боаз нерешительно двинулась к кораблю, поминутно оглядываясь. Но затем она ускорила шаг.

— Она ци-мри, — сказал Дункан. — Ты не должна была отпускать ее. Верни ее.

— Иди к ним сам, — тихо сказала Мелеин. — Если ты понимаешь их лучше, чем я. Но мне кажется, что она такая же, как ты, Дункан. Разве нет? Он промолчал. Боаз подошла к кораблю, оглянулась, затем выкрикнула какое-то слово, должно быть имя. В отверстии люка появился человек. Он стал спускаться по лестнице. Боаз подошла к нему. Из корабля между тем вышли еще двое. Они долго стояли и разговаривали. Боаз, тот что вышел первым, очень старый и двое молодых, таких же, как те, что были с Галеем. Затем старик и Боаз пошли к Народу. У них не было с собой никакого оружия.

18

Боаз пришла. Дункан был рад тому, что в это последнее утро пришла именно Боаз.

Он закончил работу — переноску камней для строительства эдуна вблизи города, где машины еще действовали и давали воду. Он вышел, вытер пыльные пальцы о ткань одежды. Он был без оружия, так как на это место встречи все приходили без оружия. Яном, хао-нат, яари, каномин, мари, пата, патадим и еще хоман, кесрит, бихай, тесуе, еди — все племена собирались здесь, многие издалека. Они строили новый эдун в старом, старом мире, для госпожи Мелеин, госпожи Обещанного.

Даже эли, которые не могли оставить руины своего города, которые не переносили солнца и считали, что ветер слишком груб для их кожи, работали здесь. На день они прятались в укрытия, а на работу выходили по ночам. Они заселяли равнину каменными столбами, изваяниями, статуями, похожими на них самих. Этим они утверждали себя перед мри и перед людьми, что они есть, что они живут. Они не приближались

ни к палаткам мри, ни к эдуну — но они строили, таков был их удел. Стены эдуна уже достигли высоты роста кел. Мри делали насыпь из песка, чтобы облегчить работу. Ведь наступит день когда эдун будет таким же высоким как эдун Ан-Эхона. Он будет стоять в долине среди статуй, бросая вызов Мраку.

— Боаз, — приветствовал ее Дункан и они пошли рядом. Она в одежде цвета хаки, он — в черном. Дус подошел к ним, ткнулся носом в Боаз. Она погладила его, посмотрела по сторонам, на строительство.

— Галей должен был бы увидеть это, — заметила она.

— Я хочу сказать тебе одну вещь — но только тебе. В священных записях есть два имени людей: одно из них — имя Галея, — он заложил руки за спину: сейчас они шли мимо детей, таскающих песок к стенам. — Твое имя второе. Боаз молчала. Впереди возвышались палатки лагеря: временное убежище, пока не будет построен эдун.

— Стэн, вернемся с нами.

— Нет.

— Ты сможешь там бороться за мри лучше, чем я. Ты задумывался над этим?

— Госпожа запрещает.

— Это твое окончательное решение?

— Боаз, — сказал он и остановился. Он опустил вуаль и Боаз увидела лицо, иссеченное шрамами. Некоторые были совсем свежие. Она поняла все.

— Между друзьями, — сказал он, — не может быть вуали. Поверь, я рад, что госпожа отказалась отпустить меня.

— Ты останешься совсем один. Он улыбнулся.

— Нет. Я буду один, если уеду отсюда. Он пошел к палаткам. На ходу погладил дуса, прижавшегося к его ноге. — Я верю, что ты сделаешь все для Народа. Она вздохнула.

— Мы засекретили все записи, касающиеся регульцев. Поэтому вы можете жить спокойно. Вряд ли Совет людей откроет эти записи регульцам. Скорее всего, союз людей и регульцев не будет заключен. Это не повторится.

— Мы надеемся на это, — он натянул вуаль, так как они шли теперь по лагерю. Кел и сен ждали их возле палатки госпожи. Боаз и Дункан вошли внутрь. Мелеин сидела в окружении нескольких сен. Ньюн, Нлил, Серас и дусы были тут же. Когда они вошли, Нлил поднялся, опустив голову.

— Я отдаю его не на службу вам, — заговорила Мелеин. — Но он будет подчиняться вашим приказам во время полета. Он — моя рука, протя-

нутая людям: Нлил Сошиль — второй кел. Его дус тоже будет с вами.

— Мы благодарим за то, что ты посылаешь его. Мы сделаем все, чтобы ему было хорошо.

— Кел Нлил, — сказала Мелеин, поцеловав его и получив ответный поцелуй. — Прощай, Боаз. И это было все. Формальности между мри и ци-мри были скудными. Боаз бросила последний взгляд на Дункана, коснулась его рукой, повернулась и вышла. Нлил обнял Ньюна, позвал дуса и тоже вышел. Возле входа он снова остановился и посмотрел на Рас.

— Жизнь и Честь, — произнес он и, помолчав, вышел окончательно. Ньюн поднялся.

— Госпожа, — тихо произнесла Рас.

— Ты хочешь что-то спросить, кел Рас.

— Можно мне проводить его? Мы с Нлилом старые друзья.

— Подойди сюда, — сказала Мелеин. И когда Рас подошла, она взяла ее за руку. — Ты знаешь все. Ты понимаешь, почему я посылаю Нлила?

— Да.

Мелеин поцеловала ее и позволила идти. — Торопись. Рас из почтения к Святыне вышла медленно, шагом. Она была уверена, что догонит их. Ведь маленькая толстая женщина не умеет

ходить быстро. Мелеин опустилась в кресло, посмотрела на Ньюна, на Дункана, на остальных кел.

— Спросите всех, не хочет ли кто-нибудь лететь с Нлилом и людьми и там создать новый Дом. Рас права, не нужно, чтобы Нлил остался один среди чужих.

* * *

Кел Туас прибежала в последний момент перед взлетом корабля людей, чтобы отправиться с ними. Весь лагерь вышел, чтобы пожелать им счастливого пути.

Мри долго стояли после взлета корабля, провожая глазами удаляющуюся черную точку.

— Они увидят Кесрит, — пробормотал Ньюн. Уже была ночь и они находились в палатке кел.

— Ты тоже хотел бы лететь? — спросил Дункан. — Разве ты мало путешествовал?

— Часть моего сердца полетела вместе с ними, — вздохнул Ньюн, укладываясь на тюфяк. Дус лег рядом с ним, прижавшись к его спине.

— Я часто думаю, — заговорил Ньюн, — почему дусы выбирают? Почему я и ты, почему Рас, Риан, Таз? Я думаю, сов-кела, что они выбирают тех, кто способен выйти наружу, кто может иметь

дело с чужими, кто глубоко заглядывает во Мрак. Я думаю, они выбирают именно так. Дункан помолчал, посмотрел на Ньюна:

— Может быть…

* * *

Это был огромный город, гигантские здания, купола, широкие улицы… Запах ветра был тот же, кисловатый, пахнущий пылью. И свет… красный свет Араина. Должно быть утром шел дождь. Площадь перед Домом была покрыта лужами. Боаз остановилась, чтобы осмотреться и увидеть перемены. Три кел шли рядом с нею, стараясь не показать любопытства. Они и так сделали слишком много, оставив дусов на корабле и придя сюда по просьбе людей. Губернатор Ставрос был мертв. Очень давно. Боаз узнала об этом еще когда корабль не совершил посадки. Так что перемены здесь большие и не только в облике города.

— Идем, — сказала она кел, заметив, что возле них уже выстроился военный эскорт. Они вошли в двери Дома, прошли знакомыми коридорами и вошли в холл, где ее встретили распростертые руки и нервные улыбки, а ее компаньонов косые взгляды.

— Губернатор ждет тебя, — сказал кто-то, ука-

зывая на дверь, так хорошо знакомую ей. Она пошла вперед, кел за ней. Ставрос мертв и не только он. Изменилась форма служащих, изменились официальные эмблемы. У Боаз внезапно появилось ощущение, что она попала не туда, не в то время. Кесрит стал административным центром большого региона Галактики. Изменилась конституция, изменилась структура государственного аппарата, возникли новые общественные институты, восстановились старые, которые были аннулированы во время войны.

Боаз с тоской вспомнила о Луизе. Он тоже умер в мире желтой звезды, названия которой люди не знали. И мри не знали. Луиз умер во время Прыжка через гиперпространство. Умер там, где человеческая плоть не существовала. Умер между фазами. Луиз всегда прибегал к наркотикам. И она тоже, до последнего времени… В этот раз она и еще несколько человек из команды решили сделать как мри — обойтись без наркотиков. Она во время Прыжка играла с мри в Шон-ай.

«Твои руки не приспособлены к оружию», — сказала ей мри.

* * *

Она моргнула и протянула руку губернатору. Мужчина средних лет представился:

— Губернатор Ли. Ли нерешительно протянул руку кел. Боаз хотела предупредить, но не успела. Нлил, скрывая смех под вуалью, коснулся пальцами ладони губернатора. Туас тоже коснулась. Рас заложила руки за спину, но это не выглядело оскорблением.

— Мы получили сообщение, — сказал Ли, — что с остальными нашими кораблями и кораблем регульцев случилось несчастье.

— Несчастье? Да, — ответила Боаз. — Но я вижу, что сейчас здесь нет регульцев. Ли отвел глаза в сторону. Он предложил Боаз и мри сесть и сам уселся за стол. Боаз села в кресло, а мри предпочли сесть прямо на пол возле стены, откуда они хорошо видели губернатора.

— Нам известно, что регульцы покинули Кесрит и все ближайшие миры, — сказал Ли. — Правда, мы не знаем причин. Они вообще теперь избегают соседства с людьми. Ты не можешь объяснить — почему?

— Они не любят нас.

— Нет. Но многие, что были в тесном контакте

с людьми и остались здесь, покончили жизнь самоубийством, — он поерзал в кресле. — Мри… Они понимают нас?

— Каждое слово.

— Они согласны на мир? Боаз покачала головой:

— На условиях контакта с нами, самого тесного. Регульцы боятся мри. Мри — исследователи космоса.

— И наемники, — добавил Ли. — На нашей стороне? Таково их предложение?

— Мы действительно «наемники», — сказал Нлил, — если вы понимаете под этим словом то, что мы предлагаем.

— Но это вероятно очень дорого?

— Очень, — сказала Рас.

— Сколько же? Что вы хотите в уплату?

— Место для жизни, — сказала Рас. — За это кел будут служить вам, пока это место будет принадлежать мри. И еще, конечно, нам нужна пища, мы не фермеры, и корабли. Они нам тоже нужны. Ли потер нос.

— Это вы предлагали и регульцам. Какую же пользу извлекли они?

— Ты неправильно ставишь вопрос, губернатор, — вмешалась Боаз. Ее ладони вспотели. —

Спроси: «Зачем» и ты получишь ответ.

— Зачем? — повторил за ней губернатор и, после некоторого колебания, добавил: — Зачем вам нужна такая сделка?

— Мы разведчики космоса, губернатор, — сказала Рас. — Мы дали регульцам много миров. Мы лицо, смотрящее в Незнаемое. Мы прокладыватели путей, ходящие против ветра. Именно этой цели всегда служили мы. Этой цели, а не регульцам. Используй нас мудро, губернатор, и ты получишь выгоду. Боаз поджала губы, вспомнив о мертвых мирах, которые были когда-то домом мри. Эти миры были уничтожены из страха перед мри. «Страха».

Взять на службу мри — это значит играть в Игру Народа: выпустить оружие из руки и послать его вперед. Боаз верила в человечество. Она играла в Игру Народа.

* * *

Это было тихое утро в долине среди статуй и изваяний, где стоял эдун Народа, где гуляли ветры, внушающие надежду на удачную охоту дусам.

Мераи, Ньюн, Танс часто охотились в этой долине по утрам. Они никогда не упускали случая посмотреть на нее с высоких каменных скал,

посмотреть на север, где песок засыпал пересохшие моря, на запад, откуда прилетали сильные ветры.

Мераи был мечтателем. Терпение — внушала ему госпожа. Ему еще предстояло заработать шрамы кел. А пока у него был только один шрам, который нанес ему отец во время Игры, чтобы приучить молодого кел к дисциплине. Ему еще предстояло стать мастером боя. Каждый вечер он слушал песни кел, и эти песни были правдивы. Молодые кел нередко упрашивали кел Дункана рассказать о прошлом. И он рассказывал, а сердца молодых кел учащенно бились в груди, зажигая жар в крови, и они с надеждой смотрели на звезды. С тех пор, как он покинул башню Кат и надел черную мантию кел, он часто бывал здесь и грезил о далеких мирах и страстно мечтал, чтобы дус выбрал его. Дусы, которые родились от пары дусов племени яном.

Правда, один из диких дусов часто приходил сюда. Мераи мечтал приманить его, бросал куски мяса, но напрасно… Мераи поднялся и снова пошел на охоту, высматривая добычу. Здесь было много зверей. Всех их приманивала сюда повышенная влажность вблизи города. Мераи взглянул на небо. При свете дня загорелась звез-

да. Она ярко разгоралась и вот уже можно было различить светящийся предмет.

Мераи бросился к эдуну. Сердце его бешено колотилось в груди, но он опоздал с новостью. Все уже смотрели на небо. Мераи замедлил шаг, увидев отца, Дункана, госпожу — да Мать вышла из своей башни. Здесь были сен — яном и гости из других племен… Корабль приземлился, подняв песчаную бурю. Постепенно пыль улеглась, открылся люк и спустилась лестница. Кел. По лестнице спускались кел в черных мантиях с дусами. Три кел. Они спрыгнули на песок и направились к кел Кутата. Мераи знал их имена. Они часто повторялись в песнях кел. Кел эдуна сначала стояли на месте, а затем рванулись навстречу прибывшим. Они бежали все быстрее и быстрее, во главе с Дунканом и предводителем кел.